

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 3 (27) 2019

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Плаксына Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, доцент
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., доктор юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., доктор юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор,
заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Сизимова О.Б., д-р юрид. наук, доцент
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук, доцент
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Галиев Р.С., канд. юрид. наук
Ермаков С.В., канд. юрид. наук
Кругликова О.В., канд. юрид. наук, доцент
Михалева Д.А., канд. юрид. наук, доцент
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Репьев А.Г., канд. юрид. наук
Репьева А.М., канд. юрид. наук
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Сорокина А.Г., канд. юрид. наук, доцент
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Шкурихина Н.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru).
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 26.08.2019.
Выход в свет 30.08.2019.
Заказ № 368. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 19,5. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2019

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 3 (27) 2019

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Anichkin E.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Anisimov P.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Afanasiev V.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Arystanbekov M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Baranov A.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Beketov O.I., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Buchakova M.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Chechetin A.E., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Filippov P.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Gerasimenko Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor, Honored lawyer of Russia
Goncharov I.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Derishev Yu.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kim D.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Kharitonov A.N., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Knjazkov A.S., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Kodan S.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Koryakin I.P., PhD. (Doctor of Juridical Sciences)
Kuzmina I.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Mazunin Ya.M., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Sizemova O.B., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sumachev A.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Sharapov R.D., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Shepel T.V., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor
Vasiliev A.A., PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Belitskij V.Yu., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Bublik I.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Chesnokov A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Galiev R.S., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Ermakov S.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Kruglikova O.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Mikhaleva D.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Ovchinnikova O.D., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Repev A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Repeva A.M., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Semenyuk R.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Shkurikhina N.V., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Shmidt A.A., PhD. (Candidate of Juridical Sciences)
Sorokina A.G., PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications. Registration certificate PI No. FS77-57487 dated 27.03.2014.

The journal is included into the List of peer-reviewed scientific journals recommended by Higher Attestation Commission for publishing of major results of dissertations for the degree of Ph.D. (Doctor and Candidate of sciences)

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's and printing office: 656038, Altai territory, Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Chkalovstr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation and publishing department.

Passed for printing 26.08.2019.
Issue date 30.08.2019.
Order 368. Format 60x84/8.
Conventional printed sheets 19,5.
Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2019

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Васильев А.А., Шпопер Д.</i> Государство и право перед вызовами новой научно-технологической реальности	7
<i>Грошев С.Н., Шматов А.А.</i> Отдельные исторические закономерности международного разделения труда	11
<i>Грудинин Н.С.</i> Проблемы функционирования института омбудсмана в Российской Федерации и за рубежом и пути их решения	16
<i>Казанцева О.Л., Маньковская В.И.</i> Территориальное общественное самоуправление: проблемы и перспективы развития	21
<i>Коновалова Л.Г.</i> Идеи народного представительства в политико-правовой мысли России периода буржуазно-демократического парламентаризма начала XX века	25
<i>Суменков С.Ю., Ловцов А.Н.</i> Понятие и признаки пределов в праве	30
Отзывы, комментарии, рассуждения	
<i>Кожевников В.В.</i> О некоторых актуальных проблемах общей теории государства и права	35

Административное право и административный процесс

<i>Бунова О.В., Кучмезов А.Н.</i> Особенности работы участковых уполномоченных полиции при возникновении природной или техногенной чрезвычайных ситуаций в условиях курортного региона	41
<i>Гришаков А.Г.</i> Административно-правовое принуждение в деятельности участковых уполномоченных полиции: анализ досмотровых мероприятий	47
<i>Прокопенко А.Н.</i> О проблемах миграционного законодательства на современном этапе в связи с принятием Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы	52
<i>Репьев А.Г., Васильков К.А.</i> Административная преюдиция: теория, практика, техника	58
<i>Шляхтин Е.П., Степаненко Р.Ф.</i> Официальное предостережение как эффективная форма превенции правонарушений органами внутренних дел	63

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Бугера Н.Н., Штаб О.Н.</i> О количественном составе исполнителей в группе лиц по предварительному сговору: анализ правоприменительной практики	70
<i>Жакупжанов А.О.</i> Виктимологические факторы киберпреступности	75
<i>Заварыкин И.Н.</i> К вопросу о профилактике преступности несовершеннолетних (по материалам Сибирского федерального округа)	83
<i>Каримов А.М.</i> Заглаживание вреда, причиненного совершением преступления, как основание освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа	87
<i>Нудель С.Л.</i> Самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам: проблемы квалификации	93
<i>Семенюк Р.А.</i> Состояние, удельный вес и динамика основных составов преступлений, совершаемых в состоянии опьянения (за 2014-2018 гг.)	98

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Батоев В.Б., Тимофеев С.В.</i> Противодействие бесконтактному сбыту наркотиков: проблемы и пути решения	104
<i>Белицкий В.Ю.</i> Обстановка преступления как элемент криминалистической характеристики мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид	109
<i>Евсеева С.А.</i> Ювенальная преступность как объект криминалистической профилактики	114
<i>Елфимов П.В., Виноградова О.П.</i> Информационное значение судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз при расследовании половых преступлений против несовершеннолетних	120

<i>Карданов Р.Р., Курин А.А.</i> Оптимизация информационно-справочного обеспечения раскрытия и расследования преступлений	125
<i>Мисник И.В.</i> Проблемы совершенствования процессуального статуса потерпевшего	129

Гражданско-правовые отношения

<i>Бондаренко С.А.</i> Гражданско-правовые меры противодействия коррупции в системе публично-правового регулирования	133
<i>Бублик И.Г.</i> Творческий характер произведения в источниках по истории литературы: опыт междисциплинарного исследования	138
<i>Ваймер Е.В.</i> Принцип справедливости при установлении и взимании налога на имущество физических лиц	142
<i>Игбаева Г.Р., Емельянова Е.В., Шакирова З.Р.</i> Сложности процедуры банкротства граждан: обобщение правоприменительного опыта	148
<i>Кротова Е.Н.</i> Злоупотребление правом: постановка научной проблемы	152

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Vasiliev A.A., Shopper D.</i> State and Law Facing Challenges of New Scientific and Technological Reality ...	7
<i>Groshev S.N., Shmatkov A.A.</i> Separate Historical Patterns of the International Division of Labour	11
<i>Grudin N.S.</i> Problems of Functioning of the Ombudsman Institution in the Russian Federation and Abroad and Ways their Solution	16
<i>Kazantseva O.L., Mankovskaya V.I.</i> Territorial Public Self-Government: Problems and Prospects of Development	21
<i>Konovalova L.G.</i> The Ideas of the People's Representative in Political and Legal Thoughts of Russia Period of the Bourgeois-Democratic Parliamentarism of the Beginning of the XX Century	25
<i>Sumenkov S.Yu., Lovtsov A.N.</i> The Concept and Characteristics of Legal Limits	30

Reviews, Comments and Discussions

<i>Kozhevnikov V.V.</i> On Some Actual Problems of General Theory of State and Right	35
--	----

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Bunova O.V., Kuchmezov A.N.</i> Features of Work of District Police Officers in Natural or Technogenic Emergency Situations in the Conditions of the Resort Region	41
<i>Grishakov A.G.</i> Administrative and Legal Enforcement in the Activity of District Police Officers: an Analysis of Inspection Activities	47
<i>Prokopenko A.N.</i> On Problems of the Migration Legislation at the Present Stage due to the Adoption of the State Migration Policy Concept of the Russian Federation for 2019-2025	52
<i>Repev A.G., Vasilkov K.A.</i> Administrative Collateral Estoppel: Theory, Practice, Legal Writing	58
<i>Shliakhtin E.P., Stepanenko R.F.</i> Official Warning as an Effective Form of Offenses Prevention by Internal Affairs Agencies	63

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Bugera N.N., Shtab O.N.</i> On Numbers of Performers in the Collusive Group of Persons: Analysis of Law Enforcement Practice	70
<i>Zhakupzhanov A.O.</i> Victimological Factors of Cybercrime	75
<i>Zavarykin I.N.</i> On the Juvenile Crime Preventive Measures (Based on the Materials of the Siberian Federal Okrug)	83
<i>Karimov A.M.</i> Compensation for Harm Caused by Commission of a Crime as the Basis for Exemption from Criminal Liability with the Appointment of a Judicial Fine	87
<i>Nudel S.L.</i> Unauthorized Connection to Oil Pipelines, Oil Product Pipelines and Gas Pipelines: Qualification Problems	93
<i>Semeniuk R.A.</i> State, Proportion and Dynamics of the Main Elements of Intoxicated Crime (2014-2018)	98

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Batoev V.B., Timofeev S.V.</i> Features of Countering the Non-Contacting Drug Sale: Problems and their Solution	104
<i>Belitskiy V.Yu.</i> Crime Scene as an Element of the Criminalistic Characteristics of Fraud Committed on the Basis of Financial Pyramids	109
<i>Evseeva S.A.</i> Juvenile Crime as an Object of Criminalistic Prevention	114
<i>Elfimov P.V., Vinogradova O.P.</i> The Informational Value of Forensic Psychiatric and Forensic Psychological Examinations in the Investigation of Sexual Offenses against Minors	120
<i>Kardanov R.R., Kurin A.A.</i> Optimization of Information and Help Support of Solution and Investigation of Crimes	125
<i>Misnik I.V.</i> Problems of Improvement of the Victim's Procedural Status	129

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Bondarenko S.A.</i> Civil-Law Measures to Counter Corruption in the System of Public Management.....	133
<i>Bublik I.G.</i> Creative Character of Work in Sources on the History of Literature: Experience of Interdisciplinary Research	138
<i>Vaimer E.V.</i> Principle of Justness at the Establishment and Collection of Tax on the Property of Individuals...	142
<i>Igbaeva G.R., Emelyanova E.V., Shakirova Z.R.</i> The Complexity of the Procedure of the Citizen's Bankruptcy: Law Application Experience Summary	148
<i>Krotova E.N.</i> Legal Abuse: Standing of Scientific Problem.....	152

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 34:321.01

А.А. Васильев, доктор юрид. наук, доцент

Алтайский государственный университет

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru;

Д. Шнопер, доктор юрид. наук

Поморская академия (Польша)

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ НОВОЙ НАУЧНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ¹

Статья посвящена анализу вызовов новой технологической реальности применительно к государству и праву: системные проблемы интернета, виртуализация общественной жизни, робототехника и искусственный интеллект. Авторами отмечается необходимость должной правовой и доктринальной основы для упорядочения отношений в условиях современной цифровой реальности. При этом в работе отмечается, что традиционная модель государства и права не может быть адекватна сетевой архитектуре интернет-пространства, что ведет к появлению концепции электронного государства и права. Отношения власти и подчинения трансформируются в отношения равенства между участниками электронного взаимодействия и публично-властных органов. Государство приобретает черты сервисного института.

Ключевые слова: право, власть, государство, цифровая экономика, интернет, искусственный интеллект, сетевое право, электронное государство.

A.A. Vasiliev, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Altai State University

E-mail: anton_vasiliev@mail.ru;

D. Shopper, PhD. (Doctor of Juridical Sciences)

Akademia Pomorska (Poland)

STATE AND LAW FACING CHALLENGES OF NEW SCIENTIFIC AND TECHNOLOGICAL REALITY

The article is devoted to the analysis of technological reality challenges relative to the state and law: system problems of the Internet, virtualization of social life, robotics and artificial intelligence. The authors note the need for a proper legal and doctrinal basis for relations normalization in conditions of modern digital reality. At the same time, the paper notes that the traditional model of the state and law cannot be adequate to the network architecture of the Internet space, which leads to the emergence of an electronic state and law concept. The relationship of power and subordination is transformed into the relationship of equality between electronic interaction participants and public authorities. The state acquires the features of a service institute.

Key words: law, power, state, digital economy, Internet, digital intelligence, network law, electronic state.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15011 мк «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества».

В то время как значительная часть жизни человека изменилась под влиянием цифровых и технологических новаций, стала переходить в виртуальную сферу, правовые системы мира и юриспруденция в силу свойственного для них консерватизма действуют без учета архитектуры той цифровой реальности, в которой оказался современный человек [3]. Наблюдаются правовой вакуум и низкая эффективность правового регулирования в таких сферах, как интернет, виртуальная валюта и собственность, безопасность информации и др. Возникает закономерный вопрос о принципиальной возможности упорядочить эти области жизни с помощью права.

Разработка адекватных моделей и средств правового регулирования возможна при условии учета того социального и технологического контекста, в котором предстоит действовать праву. Становится настоятельной задачей доктринального обоснования цифрового права – права, направленного на упорядочение социально значимых отношений в цифровом пространстве.

Прежде всего совершенно изменилась среда действия права. Отношения стали приобретать виртуальные черты, и изменились условия деятельности человека. Возникла проблема определения юридического статуса виртуальной (электронной) личности и идентификации пользователей интернета, определения автоматизированных систем (ботов). Новая архитектура цифровой интернет-среды не имеет привычных качеств времени и пространства. Это сфера горизонтального сетевого взаимодействия, которая не имеет иерархии и подчинения. Сама архитектура интернета транснациональна и связана с построением вневременных горизонтальных отношений. Как следствие, привычная модель государства и права не вписывается в цифровое взаимодействие. С одной стороны, на физическом уровне существуют технические устройства и программное обеспечение, с другой стороны, реальные правоотношения перемещаются в электронную сферу, что создает новую реальность. В первую очередь сетевое взаимодействие строится на базе программного кода и механизмов саморегулирования. Во многом интернет-сфера развивалась на основе технических норм и правил саморегулирования (обычаи, этические правила, правила игры). Причем следует отметить достаточную эффективность такого саморегулирования.

1. Серьезного решения требуют так называемые системные проблемы интернет-права: охрана персональных данных, защита авторского права, социальные сети и медиа, охрана информации, блокчейн и виртуальная собственность и криптовалюта, игровая индустрия в сети и др. [1].

2. Среди вызовов для права и власти особое место занимает проблема цифровизации государствен-

но-правового взаимодействия. Интернет-взаимодействие человека и власти становится более оперативным, открытым и доступным. Иерархические отношения уступают место отношениям равных субъектов. Государство утрачивает свою монополию на господство, на первый план выходит сетевое общество. Наряду с концепцией электронного государства как новой формы взаимодействия личности власти появляется идея сетевого устройства властных отношений и социальных структур без иерархии, централизации и принуждения [4].

3. Серьезный вызов для права – появление искусственного интеллекта и роботов. При этом такая технология, как искусственный интеллект (далее – ИИ), порождает философские и этические вопросы онтологического порядка для будущего человечества. Прогнозы о будущем «умных роботов» различаются от предсказания конца человеческой эры и начале эпохи машин (С. Хокинг), появления киборгов (человеко-роботов) с бессмертием (Р. Курцвейл), «восстания и тирании машин» (Д. Баррат), грядущей тотальной безработицы (М. Форд) до приоритетной роли человека в создании и работе машин (Д. Минделл). Вместе с тем технология искусственного интеллекта повсеместно внедряется в различных сферах, предвещая передачу «умным машинам» рутинных операций – беспилотные транспортные средства, программы постановки диагноза и выработки методики лечения больных, использование ИИ как способа создания сценариев, картин, иных объектов интеллектуальной собственности, роботов-помощников с эмоциями для детей и людей с ограниченными возможностями (няни, сиделки и др.), нейронные сети, которые занимаются делами о банкротстве, страховании, предсказании судебных решений и т.п.¹ Распространение технологии искусственного интеллекта (машинного обучения) обуславливает научно-теоретическое осмысление данного феномена с точки зрения этики и права, а также разработку соответствующих правовых актов, определяющих природу искусственного интеллекта (субъект права, объект права или нечто иное), последствия использования «умных машин» в правовой сфере (приобретение права и обязанностей, возмещение вреда, связанного с использованием искусственного интеллекта, замещение роботами рутинного труда и высвобождение рабочей силы, в т.ч. потенциальная возможность применения искусственного интеллекта в юридической профессии) [7]. Значимость заявленной проблемы связана с приоритетами государственной политики России в сфере технологий, информационного общества.

¹ N. Aletras, D. Tsarapatsanis, D. Preotiuc-Pietro, V. Lamos (2016). Predicting Judicial Decisions of the European Court of Human Rights: A Natural Language Processing Perspective, Peer J Computer Science.

В Указе Президента РФ от 7 мая 2018 г. «О национальных целях и стратегических задачах развития на период до 2024 г.» и «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг.» среди приоритетных задач в сфере цифровой экономики предусмотрена разработка системы правового регулирования цифровой экономики и использования искусственного интеллекта. В Государственной программе «Цифровая экономика» (распоряжение Правительства РФ от 28 июня 2017 г.) среди сквозных цифровых технологий предусмотрены нейротехнологии и искусственный интеллект, робототехника и особо оговаривается необходимость системного нормативно-правового обеспечения применения цифровых технологий.

При этом в Российской Федерации отсутствует необходимая юридическая основа для использования технологии искусственного интеллекта. Налицо вакуум правового регулирования в данной сфере, в то время как искусственный интеллект уже находит свое применение и в мире, и в России, порождая вопрос о его правосубъектности.

Прежде всего на текущий момент в правовых системах мира отсутствует адекватный правовой инструментарий для упорядочения использования искусственного интеллекта. В большинстве стран мира приняты лишь программные документы по развитию робототехники и технологии искусственного интеллекта. В Российской Федерации был разработан «закон о робототехнике» (Гришина), который не был вынесен на рассмотрение Государственной Думой. При этом стратегические документы России определяют в качестве одной из задач создание адекватной системы правового регулирования в сфере применения искусственного интеллекта.

Так, Прогноз научно-технологического развития России до 2030 г. среди перспективных сфер научных исследований называет машинное обучение и создание прототипов биоподобных, антропоморфных роботов, способных к самообучению и взаимодействию с человеком, создание искусственной нервной системы роботов. Кроме того, в сфере юридических исследований использования искусственного интеллекта остаются нерешенными такие вопросы, как понятие и правовая природа технологии ИИ, остается дискуссионным вопрос о наличии правосубъектности ИИ и подходах к правовому регулированию – от запрета на применение ИИ до опасности регулирования как сдерживающего фактора в развитии технологий или придании ИИ статуса электронного лица. При этом в юриспруденции практически нет специальных исследований, посвященных технологии искусственного интеллекта.

Научные исследования об искусственном интеллекте можно разделить на следующие группы:

1) научные работы, посвященные природе, возможностям и прогнозам применения технологии искусственного интеллекта: Н. Бостром, К. Келли, А. Эндрю, С. Рассел, С. Хокинг, Р. Курцвейл, А.И. Редькина, И.В. Понкин, В.Ф. Хорошевский, А.А. Жданов и др.; 2) изыскания, касающиеся понятия и правосубъектности ИИ: Р. Черке, Ю. Григене, Н. Петит, И.Н. Куksин, Г.А. Гаджиев, В.Б. Наумов, И.В. Понкин, А.И. Редькина, С.Н. Гринь, Д.С. Гришин, А.В. Нестеров и др.; 4) труды, посвященные ответственности за вред, причиненный ИИ: Д. Байерс, Р. Черке, Ю. Григене, К.О. Беляков, Г.А. Гаджиев, Е.Н. Ирискина, Т.М. Лопатина, А.В. Нестеров, И.В. Понкин, А.И. Редькина, О.А. Ястребов; 5) исследования, относящиеся к возможности применения технологии ИИ в юридической профессии: Г.А. Гаджиев, А. Иванов, Р. Квитко, И. Кондратьева, И. Кондрашов, С.Е. Коржов, С. Переверзев, А. Пронин, А. Савельев, Деннис Гарсиа, Ричард Холочак, Нэйбил Адам, Эдвина Риссланд, Джон МакДжиннис; 6) работы по частным юридическим вопросам использования технологии ИИ (например, в сфере интеллектуальной собственности – П.М. Морхат, боевые роботы в международном праве) и т.д. По юриспруденции защищена всего одна докторская диссертация по вопросам искусственного интеллекта в сфере интеллектуальной собственности П.М. Морхата [5]. Следует отметить, что именно ему принадлежит единственная монография по вопросам искусственного интеллекта в сфере права.

Среди научных центров изучения правовых аспектов использования искусственного интеллекта можно назвать Исследовательский центр проблем регулирования робототехники и искусственного интеллекта (А. Незнамов, В. Наумов, В. Архипов), который занимается подготовкой проектов законодательных актов в сфере робототехники и искусственного интеллекта (<http://robopravo.ru/>).

Практическая значимость данной проблемы подтверждается не только документами стратегического и программного характера, но и созданием особых государственных институтов по выработке государственной политики в сфере цифровизации, робототехники и искусственного интеллекта.

Так, в 2018 г. была учреждена должность представителя Президента РФ по вопросам цифрового и технологического развития, было сформировано министерство цифрового развития. Аналогичные государственные органы создаются в зарубежных государствах.

Общие исследования вопросов робототехники и искусственного интеллекта вращаются вокруг двух основных проблем: принципиальная возможность появления искусственного сверхума (оптимисты и пессимисты) и проблема будущего человека при по-

явлении искусственного интеллекта как автономной киберфизической системы. В сфере юриспруденции аналогично дискутируются такие вопросы, как возможности правового регулирования в новых технологических условиях (крайние позиции от насущной необходимости правового регулирования до воздержания от правовых форм упорядочения отношений в сфере искусственного интеллекта как сдерживающего фактора), правосубъектность и ответственность искусственного интеллекта [2].

4. Отдельной проблемой выступает защита информационной безопасности личности, общества и государства от опасной и деструктивной информации и кибератак. По мнению ведущих экспертов, основным вызовом для государства и корпораций выступают киберпреступления, способные причинить необходимые материальные и финансовые разрушения. При этом одинаково важно разрабатывать меры защиты на аппаратно-программном уровне и на уровне мер правового регулирования оснований привлечения к ответственности за компьютерные преступления [6].

5. Виртуализация юридического образования за счет перехода к дистанционным технологиям и онлайн-курсов. При всех преимуществах удаленного обучения возникает проблема контроля за самостоя-

тельностью обучения и принципиальной возможности обучения праву без живого общения.

6. Наконец, особое значение стала иметь проблема порабощения человека машинами (гаджетами), особенно несовершеннолетних детей, а также выхолащивание настоящего человеческого общения между людьми.

Особо следует оговориться о необходимости разработки должной нормативно-правовой основы для развития цифровой экономики и государственного управления в новых информационных условиях. На текущий момент цифровая экономика регламентируется преимущественно стратегическими и программно-целевыми документами. Среди значимых нормативных правовых актов можно назвать такие, как федеральные законы об информации, защите персональных данных, и ряд других. Очевидно, этих документов недостаточно для создания необходимой определенности в правовом регулировании цифровой экономики.

Явно отстают юридическая наука и юридическое образование в части исследования проблем правового регулирования в цифровую эпоху и подготовки компетентных кадров для правотворческой и правоприменительной деятельности в целях обеспечения адекватного правового регулирования в сфере новых технологических вызовов.

Литература

1. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. М.: Изд-во «Юрайт», 2018. 249 с.
2. Васильев А.А., Шпопер Д., Матаева М.Х. Термин «искусственный интеллект» в российском праве: доктринальный анализ // Юрислингвистика. 2018. № 7-8. С. 33-44.
3. Келли К. Неизбежно. 12 технологических трендов, которые определяют наше будущее. М., 2017; Росс А. Индустрии будущего. М., 2017.
4. Киселев А.С. История зарождения и формирования идеи электронного управления государственными делами в России и за рубежом: сравнительно-правовой аспект // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4. С. 39-45.
5. Морхат П.М. Искусственный интеллект. Правовой взгляд. М., 2017.
6. Поляков В.В. Криминалистическая структура мер предупреждения компьютерных преступлений // Библиотека криминалиста: научный журнал. 2013. № 5 (10).
7. PauliusČerkaa, Jurgita Grigienė, Gintarė Širbikytė Is it possible to grant legal personality to artificial intelligence software systems? // Computer Law & Security Review. Volume 33. Issue 5. October 2017, Pages 685-699.

УДК 340.151

С.Н. Грошев, канд. юрид. наук

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: Groshev_sergej@mail.ru;

А.А. Шматков, канд. юрид. наук

УФСИН России по Сахалинской области

E-mail: alshmatlov@yandex.ru

ОТДЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО РАЗДЕЛЕНИЯ ТРУДА

В статье рассматриваются государственность, право, международное разделение труда стран и народов на исторических этапах своего развития. В работе обосновывается то, что принципом института международного разделения труда является правовое обеспечение благоприятной ситуации для ведущего экономического направления региона. В работе приведены примеры государственности различных народов, на которые оказала прямое влияние выбранная экономическая специализация общества.

Ключевые слова: государственность, право, международное разделение труда, автаркия, конфликты, неолитизация, экономическая специализация, торговля, Русская Правда, Великая Яса, профитеорный подход.

S.N. Groshev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: Groshev_sergej@mail.ru;

A.A. Shmatkov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Federal Penitentiary Service of Russia of the Sakhalin region

E-mail: alshmatlov@yandex.ru

SEPARATE HISTORICAL PATTERNS OF THE INTERNATIONAL DIVISION OF LABOUR

The article deals with the statehood, law, international division of labor of countries and peoples at historical stages of their development. The article substantiates that the principle of the institute of the international division of labor is the legal provision of a favorable situation for the leading economic direction of the region. The paper presents examples of the statehood of various nations, which were directly influenced by the chosen economic specialization of society.

Key words: statehood, law, international division of labor, autarchy, conflicts, neolitization, economic specialization, trade, Russkaya Pravda, the Great Yasa, the profiteering approach.

Исследование корреляции международного разделения труда и государственно-правовых явлений актуально в том, что посредством выявления общих закономерностей международного разделения труда можно построить именно ту государственно-правовую систему, которая будет наиболее эффективной применительно к данному государству и экономике. С расширением глобализационных процессов страны и народы уже не могут полностью абстрагироваться от общемировых тенденций и вынуждены встраиваться в международную экономическую и политическую систему. Изучение закономерностей международного разделения труда также даст основу для более глубоких постижений историко-правовых явлений в сфере государственного строительства и права наций на самоопределение.

Так или иначе многие ученые занимались проблематикой разделения труда. Наибольший вклад, по нашему мнению, внесли приверженцы материалистического метода. К. Маркс, Ф. Энгельс, А. Смит, Д. Локк, Л. Фейербах, С. Симон и другие ученые убедительно доказывали важность разделения труда в экономической, правовой и политической жизни общества. Тем не менее вне поля зрения ученых остаются аспекты этногенеза, культурной конвергенции, правовой культуры и другие значимые историко-правовые факторы.

Взаимосвязь международного разделения труда и государственно-правового строительства позиционируется нами в роли объекта исследования.

Правовые нормы, экономические предпосылки, доктрины, которые непосредственно затрагивают проблематику взаимосвязи международного разделения труда с правовой системой и политической организацией общества, выступают предметом исследования.

Ведущим методом исследования выступает материалистический метод познания, т.к. мы полагаем, что право и государство вытекают из природы самого общества, которое нуждается в них в целях упорядочения регулирования общественных отношений. Принимая во внимание динамику объекта исследования, нами также применен диалектический метод познания, который позволяет изучать общие закономерности международного разделения труда не как статическое явление, а как постоянно развивающийся процесс. Кроме того, потребность в использовании историко-правового материала не позволяет пренебречь историко-правовым методом исследования.

Концепция взаимозависимости международного разделения труда и государственно-правовой надстройки будет выступать гипотезой. Мало того, авторы полагают, что самобытность племен, народностей и наций является следствием возникшей в той или иной местности конкретной экономико-правовой

ситуации, которую, в свою очередь, спровоцировала определенная система международного разделения труда, зависящая от природно-климатических факторов. По сути, авторы придерживаются экономической теории происхождения государства с той лишь разницей, что, будучи сторонниками материалистического метода, приоритет отдается изучению развития производственных сил и внешних обстоятельств, а не субъективных и личностных факторов, анализу которых должна отводиться второстепенная роль.

Прежде чем затрагивать понятие международного разделения труда, необходимо обратить внимание на его истоки. Разделение труда реализуется в виде избрания отдельными индивидами, целыми народами и государствами наиболее оптимальных и прибыльных экономических направлений. До возникновения первых государств люди были вынуждены самостоятельно обеспечивать себя всем необходимым. Автаркия была крайне неэффективным институтом и способствовала стагнации примитивного быта. Однако уже в эпоху неолитизации можно было наблюдать институт разделения труда. Он появился благодаря торговле, в которой Адам Смит видел природную человеческую склонность к торговле и обмену [12, с. 14].

Необходимо отметить, что общественное разделение труда является предпосылкой международного разграничения экономических направлений деятельности. Последний вид – это такой способ организации экономики в мире, когда каждая из стран специализируется на производстве конкретного вида услуг или товаров, а затем ими обменивается. Стоит подчеркнуть, что в чистом виде разделения труда не существует. Любой народ так или иначе занимается всеми видами деятельности: земледелием, скотоводством, торговлей, промышленным производством. Однако основное экономическое направление, посредством которого государство получает основную долю прибыли, позволяет сделать вывод о том, что право и государственность неизменно будут подстраиваться под существующие экономические реалии.

Государственность и право стран и народов на исторических этапах своего развития имели свои особенности, которые коррелировались от разделения труда, как международного, так и общественного. Разделение труда членов общества и целых народов – это длительный процесс, который оттачивается от многих факторов. Международное разделение труда – это не что иное, как экономическая специализация отдельных стран и народов, которая складывается исторически посредством разграничения, изменения и закрепления экономических и государственно-правовых категорий деятельности в глобальном масштабе.

Международное разделение труда имеет общие закономерности и зависит от внешних природно-климатических факторов, которые оказывают влияние не только на процесс производства продукции и ее качество, но и на культуру, быт и сам народ в целом. Самобытность множества народностей и племен – это следствие экономического направления, а не его причина.

Основополагающим началом института международного разделения труда является правовое обеспечение благоприятной ситуации для ведущей экономической сферы общества. Например, в Древней Руси, которая специализировалась на транзитной торговле на пути «из варяг в греки», князья смягчали правовой режим купцам. В статье 50 Русской Правды Пространной редакции для купца, товар которого утонул во время переезда на море или через реку или погиб во время войны или от пожара, предоставлялась рассрочка. Эта статья была использована также и в Судебнике 1497 г. [13, с. 27]. Благоприятный правовой режим в Древней Руси имели не только местные, но и иностранные купцы-гости. В статье 51 Русской Правды говорится, что при разделе имущества должника свою долю сначала получает князь, затем гости и лишь остаток идет должникам. Аналогичная норма имеется в проекте договора Смоленска с Ригой и Готским берегом [10, с. 54]. По сути, извечная русская гостеприимность на поверку является лишь следствием экономической необходимости вовлечения в сферу торговли и обмена иностранных купцов, приносивших немалую прибыль правящим кругам Древней Руси.

Если исходить из того, что государственность является продуктом организации общества на определенном этапе его развития, то выбранная экономическая специализация общества прямым образом сказывается на государстве, властных институтах, политической системе в целом. При детальном рассмотрении направлений развития международного разделения труда и его взаимосвязи с правовыми и политическими институтами можно выделить четыре основных пути развития государственности: земледельческо-оседлый, пастушеско-кочевой, водно-экспансионный и торгово-конвойный. Такой подход к типологии государственности можно назвать профитеорным (от лат. *profiteor* – объявляю своим делом).

Земледельческо-оседлое направление развития государственности было распространено преимущественно в лесостепных районах и в дельтах крупных рек. Экономический базис этого общества составляло земледелие (в основном зерновые культуры). Собирательство, рыболовство, охота, скотоводство также практиковались оседлым населением, но не являлись основным источником финансирования властных структур.

В лесостепных районах земледельческие племена (например, анты) жили небольшими поселениями. У предков славян преобладал культ поклонения Роду, который, как считал Б.А. Рыбаков, был идентичен Ваалу и рожаницам, богиням, связанным с полем и урожаем [11, с. 129]. В свою очередь, воинственный Перун – божество военной элиты – появился намного позже [11, с. 10].

Земледельческие народы, жившие в дельтах крупных рек (например, древние египтяне), жили очень скученно, что нередко вызывало острые социальные конфликты, и, как следствие, существовала потребность скрупулезного нормативного регулирования общественных отношений [2, с. 35], тем самым частично объясняя самое раннее появления у них государственности в синтезе с усложненной теологией [7, с. 5-6].

Если кратко охарактеризовать пастушеско-кочевое направление развития государственности, то можно сказать, что оно характерно для территорий, которые мало пригодны для земледелия. Экономический базис такого общества – это скотоводство. Кочевой образ жизни естественным образом сопряжен с частыми сменами пастбищ и мест жительства. Кочевой образ жизни сказывался не только на внешнем виде и рационе. К слову, преобладание мясной пищи в рационе кочевников (например, скифов) нередко негативным образом сказывалось на их здоровье. Об этом свидетельствуют и некоторые данные археологии: в частности, патологические наросты на костях позвоночника [6, с. 226].

В плане культуры и технологий кочевники естественным образом отставали от земледельцев. Виной тому были частые смены мест проживания и сложность в перевозке громоздкого, но технологически ценного имущества, дряхлых стариков – ценного кладезя информации. У кочевников пожилых людей, которые не могли кочевать, убивали [16, с. 53].

Постоянная миграция и связанные с этим конфликты с другими племенами и народами провоцировали воинственность и агрессивность в кочевниках, что отражалось в праве, властных институтах, религии [6, с. 250; 1, с. 293]. В статуте об охоте Великой Ясы существовала норма об обязательности военной подготовки для всех мужчин [3, с. 112].

Водно-экспансионное направление развития государственности имело место у народов, обитавших на морском побережье. География их места жительства не способствовала развитию зернового земледелия. Экономический базис «людей моря», например финикийцев и греков, составляли рыболовство, возделывание различных, в основном незерновых сельскохозяйственных культур. Именно у этих народов начинали процветать различные ремесла. Ремесленная продукция широко использовалась в бартерном

товарообмене, а необходимость в такой торговле вынуждала организовывать фактории и колонии вдали от метрополий, где концентрировалось ремесленное производство. Только греческих колоний и факторий в восточном Средиземноморье на конец VIII в. до н.э. насчитывалось более сорока [17, с. 138].

В религии народов, вставших на водно-экспансионный путь развития, господствовало многобожие и даже религиозное безразличие, порождавшее редкую веротерпимость [8, с. 273]. В Древнем Риме, который после уничтожения своих конкурентов встал на путь торговой экспансии, к религии относились прагматично, без фанатизма, т.к. очень рано осуществилось отделение норм сакрального права (*ius*) от человеческого (*fas*), а преступления против культа не стали элементами уголовного законодательства. Под термин «святотатство» попадали только хищения материальных ценностей из храмов. В Риме, как и в Греции, не было четкой сакральной догмы и, следовательно, противоречащей ей ереси. Важно то, что в Риме, в отличие от древнегреческого социума, оскорбление богов не преследовалось, т.к. римляне полагали, что боги, если они истинные, сами разберутся с хулителями. Поэтому в Древнем Риме, как подчеркивал историк К. Тацит (II в. н.э.), в области культа можно было «думать, что хочешь, и говорить, что думаешь». Можно было вообще заявить о своем неверии, но при этом принимать участие в отправлении официальных религиозных обрядов [14, с. 16-17].

Торгово-конвойное направление развития государственности характерно для мест, мало пригодных для производственной деятельности человека, но вместе с тем находящихся вблизи торговых путей. Такими неблагоприятными в экономическом плане местностями, но близкими к торговому трафику можно назвать страны Скандинавии, Песчаную и Каменистую Аравии [4, с. 281]. Такие племена нередко промышляли разбоем. Вот что писал Э. Гиббон о римском императоре Филиппе: «Филипп был родом араб и, стало быть, в раннюю пору своей жизни был по профессии разбойником» [5, с. 220].

Существовали также и регионы с менее суровыми климатическими условиями, но, обитая на них, самую большую прибыль можно было получить посредством обеспечения транзитной торговли. Хазарский каганат, контролирующий дельту Волги, Боспор, контролирующий Керченский пролив, Византия, контролирующая пролив Босфор и Дарданеллы, и др. от обслуживания торгового трафика успешно пополняли свою казну.

Постепенно государственность может эволюционировать и изменять своё направление развития. Так, например, Древний Рим в царский период своей истории имел торгово-конвойное направление развития государственности, т.к. территория, на кото-

рой располагался город, была менее здорова и менее плодородна, чем местность большинства латинских поселений. В ближайших окрестностях Рима плохо рос виноград и смоковница, в них было мало обильных источников пресной воды. К этим неудобным для проживания факторам присовокупляются частые разливы рек, вызывавшие заболачивание местности. Т. Моммзен предполагал, что Рим был основан как сугубо торговый город, который контролировал торговый путь, пролежавший по Тибру. «В качестве складочного места для занимавшихся речной и морской торговлею латинов и в качестве приморской пограничной крепости Лациума Рим представлял такие выгоды, каких нельзя было найти ни в каком другом месте: он соединял в себе преимущества крепкой позиции и непосредственной близости к реке, господствовал над обоими берегами этой реки вплоть до устья, занимал положение, одинаково удобное и для лодочников, спускавшихся вниз по Тибру или по Анио, и для мореплавателей, а от морских разбойников доставлял более надёжное убежище, чем города, расположенные непосредственно на берегу моря» [9, с. 53-54]. Отсюда происходят очень древние торговые связи с городом Цере. Именно поэтому римляне придавали огромное значение постройке мостов. В связи с тем, что Рим был основан как торговый город, галера была его символом, а пошлины в Ости взимались только с тех товаров, которые привозились для реализации, а не с тех, которые ввозились собственником для личных нужд. При внимательном анализе возникновения Рима город представляется в виде общего рынка Лациума. Тем не менее Т. Моммзен не считал Рим таким же торговым городом, как Карфаген или Коринф, т.к. Лациум в большей мере был земледельческим регионом [9, с. 53]. В эпоху республики Рим встаёт на путь водно-экспансионного пути развития, образуя многочисленные колонии римских граждан, которые становились центрами торговли. Торговал республиканский Рим в основном невольниками, захваченными в результате захватнических войн. В имперскую эпоху внешние завоевания в основном прекратились, и количество рабов на продажу стало неуклонно снижаться, причем до такой степени, что их жизнь стала охраняться законами, ограничивающими права рабовладельца. *Lex Petronia de servis* (19 г. н.э.) воспрещал владельцу раба самовольно отправлять невольника в амфитеатр на звериную травлю. Подобное наказание могло быть наложено в Риме префектом города лишь после рассмотрения жалобы от рабовладельца, а в провинции наказать раба таким образом мог лишь наместник (*Dig. XLVIII.8.11, § 2*). В соответствии с эдиктом императора Клавдия больной невольник, брошенный хозяином на острове Асклепия, в случае выздоровления получал свободу, а убийство увечно-

го или старого невольника было уголовно наказуемо (Suet. Claud. 25.2; Dio Cass. LX.19.7). При императоре Адриане хозяевам запретили убивать своих рабов. Невольников могли приговорить к смертной казни только судьи. Адриан наложил запрет на продажу невольников сводникам или ланисте, попутно запретив эргастулы (Hist. Aug. Adr. 18.7-10). За истязания над рабынями Адриан осудил на пять лет изгнания одну римскую матрону. Мало того, невольник имел право пожаловаться префекту города, «если хозяин жесток, безжалостен, морит его голодом, понуждает к разврату» (Dig. 1.12.1, § 8). По рескрипту Антонина Пия, хозяина, который жестоко обращался со своими рабами, заставляли продать своих невольников (Gai. 1.53) [15, с. 275].

Постепенно западная часть Римской империи становится преимущественно сельскохозяйственной территорией, образуются огромные латифундии. Заселение западной части империи варварами – союзниками Рима усугубляет процесс размежевания сельскохозяйственного Запада и торгового Востока. В конце IV в. западная и восточная части Римской империи официально объявляют о своей независимости друг от друга, причём Западная Римская империя

(Гесперия) становится на сельскохозяйственно-оседлый путь развития, в ней неизбежно наступает феодальная раздробленность, и она рассыпается на ряд независимых королевств. Восточная Римская империя (Византия) переходит на позиции торгово-конвойного пути развития, потому что основную прибыль государство получало от торговых пошлин. В руках ромеев находился, естественно, пролив из Европы в Азию, керченский пролив в Крыму – контроль товаров по р. Танаис (Дон) и территория Египта и Палестины – дешёвое зерно и контроль над торговыми путями из Индии в Западную Европу.

В заключение необходимо отметить, что каждый народ и государство имеет свой путь развития государственности, которая зависит от общественного и международного разделения труда. Экономическая специализация, проистекающая из природных условий региона, неизменно оказывает влияние на право, религию, властные институты, политический режим стран и народов. Самобытность племен, народностей и наций зависит от местности, конкретной экономической-правовой ситуации и природно-климатических факторов, а не от субъективных и личностных факторов.

Литература

1. Васютин С.А., Дашковский П.К. Социально-политическая организация кочевников Центральной Азии поздней древности и раннего Средневековья (отечественная историография и современные исследования): монография. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2009. 400 с.
2. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М.: Омега-Л, 2007. 528 с.
3. Вернадский Г.В. Монголы и Русь / пер. с англ. Е.П. Беренштейна, Б.Л. Губмана, О.В. Строгановой. М.: АГРАФ, 1997. 480 с.
4. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. СПб.: Наука, 2004. Т. V. 413 с.
5. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи: в 7 т. СПб.: Наука, 2006. Т. I. 427 с.
6. Гуляев В.И. Скифы: расцвет и падение великого царства. М.: Алетей, 2005. 400 с.
7. Древнеегипетская книга мертвых: Слово Устремленного к Свету / сост., пер., предисл. и коммент. А.К. Шапошникова. М.: Эксмо, 2011. 368 с.
8. Куприянова Е.А. К вопросу о религиозной толерантности в античной Греции // Научные проблемы гуманитарных исследований. 2010. № 3. С. 272-276.
9. Моммзен Т. История Рима: в 5 т.: т. 1; кн. 1, 2: До битвы при Пидне. М.: Изд-во «АСТ», 2001. 523 с.
10. Памятники права феодально-раздробленной Руси XII-XV вв. / сост. А.А. Зимин; под ред. С.В. Юшкова. М.: Госюриздат, 1953. Вып. 2. 442 с.
11. Рыбаков Б.А. Язычество древних славян. 2-е изд., испр. М.: София, Гелиос, 2002. 592 с.
12. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов: пер. с англ. М.: Эксмо, 2007. 956 с.
13. Судебники XV-XVI вв. / под общ. ред. академика Б.Д. Грекова. М.: Госюриздат, 1952. 615 с.
14. Стецкевич М.С. Свобода совести: учебное пособие. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2006. 299 с.
15. Сергеев М.Е. Жизнь древнего Рима. СПб.: Издательско-торговый дом «Летний Сад»; Журнал «Нева», 2000. 368 с.
16. Холостова Е.И. Генезис отношения к пожилым людям в обществе // Отечественный журнал социальной работы. 2016. № 3. С. 53-57.
17. Яйленко В.П. Архаическая Греция и Ближний Восток. М.: Наука, 1990. 271 с.

УДК 341.231.14

Н.С. Грудинин, канд. юрид. наук

Московский государственный лингвистический университет

E-mail: nekit-07@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИНСТИТУТА ОМБУДСМАНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЗА РУБЕЖОМ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются отдельные проблемы, препятствующие эффективному функционированию института омбудсмана. Отмечается, что к числу таких проблем относятся отсутствие у Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации права законодательной инициативы, отсутствие законодательной основы для приема жалоб граждан на действия (бездействие) негосударственных структур, оказывающих гражданам социальные услуги, а также отсутствие у Уполномоченного права на проведение юридической экспертизы законопроектов, поступающих на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации. Подчеркивается, что общей проблемой института омбудсмана в России и зарубежных странах является неспособность омбудсманов оказать реальное влияние на должностных лиц, уклоняющихся от предоставления информации по их запросам. Указывается, что достаточно важной проблемой, препятствующей эффективному функционированию института омбудсмана в Российской Федерации, является отсутствие специального федерального закона об основах деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации.

Ключевые слова: права человека, омбудсман, правозащитная деятельность, защита прав осужденных, жалобы граждан, злоупотребления должностных лиц, законодательная инициатива, экспертиза законопроектов.

N.S. Grudinin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Moscow State Linguistic University

E-mail: nekit-07@mail.ru

PROBLEMS OF FUNCTIONING OF THE OMBUDSMAN INSTITUTION IN THE RUSSIAN FEDERATION AND ABROAD AND WAYS THEIR SOLUTION

The article examines some problems that impede the effective functioning of the Ombudsman institution. It is noted that such problems include the facts that the Commissioner for Human Rights of the Russian Federation has no right of the legislative initiative, there is no legislative basis for receiving complaints from citizens about the actions (inaction) of non-state structures that provide social services to citizens, as well as the fact that the Commissioner for Human Rights lacks the right to conduct legal examination of draft laws submitted for consideration by the State Duma of the Russian Federation. The paper emphasizes that the general problem of the Ombudsman institution in Russia and foreign countries is the inability of ombudsmen to exert real influence on officials who avoid providing information upon their request. It is pointed out that the absence of a special federal law on the basis of the Commissioner for Human Rights in the constituent entities of the Russian Federation is a rather important problem obstructing the effective functioning of the Ombudsman institution in the Russian Federation.

Key words: human rights, Ombudsman, human rights activities, protection of convicts' rights, civilians' complaints, abuse by officials, legislative initiative, expert examination of draft laws.

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации – крайне эффективный механизм защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина. Он пользуется определенным уважением у россиян, которые в целом с одобрением относятся к его деятельности. Сказанное нами подтверждают результаты опросов общественного мнения. Так, по результатам опроса Левада-Центра, проведенного в январе 2014 г., порядка 75% опрошенных россиян заявили, что должность Уполномоченного по правам человека в России нужна, а вот 25% высказались против или были не осведомлены о деятельности омбудсмена в нашей стране. Однако показательно, что при имеющемся одобрительном отношении россиян к деятельности омбудсмена порядка 70% граждан страны отметили, что факты нарушения прав человека в России остаются злободневным вопросом для общества и государства. При этом, как отметили 41% граждан России, за последние годы ситуация с правами человека в стране существенно не изменилась, а порядка 30% заявили о том, что фактов нарушения прав человека стало даже больше. Важно также подчеркнуть, что 53% опрошенных россиян отметили, что федеральный омбудсман прежде всего должен заниматься защитой лиц, чьи права были нарушены в результате решений и действий (бездействия) органов государственной власти [10].

Однако, несмотря на активную деятельность российского омбудсмена по восстановлению нарушенных прав и свобод человека и гражданина, состояние дел в указанной сфере в России сегодня никак нельзя признать отвечающим всем стандартам современного демократического государства. К сожалению, фактов нарушения прав и свобод человека насчитывается достаточное количество, а нарушают права человека в России как должностные лица органов государственной власти, так и сотрудники негосударственных структур. Складывающаяся ситуация свидетельствует об отклонении от конституционных параметров современной российской государственности и идеи демократического правового государства, заложенной в ее основу [8, с. 20-22]. В этой связи следует подробнее остановиться на проблемах, препятствующих наиболее полной реализации федеральным Уполномоченным по правам человека возложенных на него функций и полномочий.

Одной из главных проблем, которая препятствует полноценному функционированию института Уполномоченного по правам человека, является отсутствие у омбудсмена права законодательной инициативы. В настоящее время российский омбудсман может лишь выступать с докладами и заявлениями, в которых может ставиться вопрос о необходимости принятия поправок к законодательству с целью недопущения нарушений прав и свобод человека и граж-

данина [3, с. 132]. Представляется, что делегирование Уполномоченному по правам человека права законодательной инициативы должно быть осуществлено на конституционном уровне, для чего требуется принятие поправки к ч. 1 ст. 104 Конституции Российской Федерации. Представляется, что ч. 1 ст. 104 Конституции 1993 г. должна быть изложена в следующем виде: «Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду Российской Федерации и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации обладает правом законодательной инициативы по вопросам, которые затрагивают реализацию прав и свобод человека и гражданина, указанных непосредственно в Конституции Российской Федерации и федеральных конституционных законах».

Видится, что наделение федерального Уполномоченного по правам человека правом законодательной инициативы в перспективе позволит:

- максимально оперативно вносить законопроекты и поправки к действующим законам на рассмотрение Государственной Думы Федерального Собрания РФ в целях защиты прав и свобод человека;

- повысить статус Уполномоченного среди тех органов государственной власти, которые в настоящее время уже наделены Конституцией России правом законодательной инициативы;

- укрепить авторитет института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в глазах граждан России.

Важной проблемой, которая препятствует полноценной работе федерального Уполномоченного по правам человека, является ограничение перечня субъектов, на действия и решения которых он полномочен принимать жалобы. В настоящее время Уполномоченный по правам человека имеет возможность принимать к рассмотрению жалобы на нарушения прав человека вследствие решений и действий должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления [7, с. 164-165]. На наш взгляд, ст. 16 ФКЗ от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» целесообразно дополнить положением следующего содержания: «Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации имеет право рассматривать жалобы на решения и действия негосударственных организаций, предприятий, учреждений, чья деятельность связана с оказанием услуг в сфере здравоохранения, образования, жилищно-коммунальных услуг,

долевого строительства, предоставления банковских и кредитных услуг».

Представляется, что в современной России данные сферы общественной жизни и оказания социально значимых услуг населению в определенном объеме контролируются негосударственными организациями: получить медицинскую помощь сегодня можно не только в государственных поликлиниках, но и в частных, высшее образование можно получить в негосударственных вузах, уровень образования в которых, к слову, многим ниже уровня образования в государственных вузах, а сфера ЖКХ, банковских и кредитных услуг, долевого строительства практически полностью исключает контроль государства за «правилами игры» в данной сфере. При этом законодательное регулирование указанных сфер, затрагивающих крайне важные социально-экономические права и свободы граждан России, осуществляется в недостаточном объеме, налицо пробельность законодательного регулирования в данных сферах, что предполагает саму возможность нарушения прав граждан, защитить которые достаточно часто не позволяют ни возможности прокурорского реагирования, ни механизмы судебной защиты. С учетом этого делегирование Уполномоченному по правам человека права принятия жалоб на решения и действия негосударственных организаций, предприятий, учреждений, чья деятельность связана с оказанием услуг в сфере здравоохранения, образования, жилищно-коммунальных услуг, долевого строительства, предоставления банковских и кредитных услуг, могла бы послужить эффективным рычагом воздействия на те организации и учреждения, которые своими действиями нарушают права граждан.

Важной проблемой, препятствующей полноценному функционированию института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации в процессе защиты нарушенных прав граждан, является крайне фрагментарная правовая регламентация некоторых направлений правозащитной деятельности федерального омбудсмена. Так, например, сегодня Уполномоченный по правам человека не имеет возможности проводить беседы наедине с лицами, содержащимися под стражей, в условиях, которые бы давали представителям администрации мест принудительного содержания возможность видеть беседующих, но не слышать содержание их разговора [4, с. 42].

По нашему убеждению, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации должен получить такое право, что позволит ему обсуждать самые различные вопросы с лицами, содержащимися под стражей. При этом такие лица получают необходимые гарантии того, что содержание их разговора с омбудсманом останется тайной и они не будут подвергнуты различного рода воздействиям со стороны

администрации мест принудительного содержания по прошествии такой встречи. Представляется, что необходимость обеспечения прав и свобод человека при его содержании под стражей является крайне серьезной проблемой для современной России, поскольку правозащитной практике известно немало случаев серьезного нарушения прав человека при его содержании под стражей. По этим причинам данные лица опасаются какого-либо общения с правозащитниками. Введение такой гарантии для них и одновременно предоставление Уполномоченному по правам человека права беседовать наедине с лицами, заключенными под стражу, в условиях, исключающих возможность прослушивать содержание разговора администрацией таких учреждений, послужит необходимой гарантией соблюдения и защиты прав таких лиц.

Следует также обратить внимание на тот факт, что в действующем ФКЗ от 26.02.1997 № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» ничего не говорится о таком правомочии Уполномоченного, как проведение юридической экспертизы законопроектов, поступающих на рассмотрение Государственной Думы Российской Федерации [6, с. 71]. Представляется, что отсутствие такого полномочия у российского омбудсмена сужает сферу его компетенции и ограничивает возможности по осуществлению защиты прав и свобод человека и гражданина в сфере законотворчества. Как известно, в настоящее время федеральный омбудсман имеет право высказать свое мнение только уже в отношении принятых Государственной Думой законов, повлиять каким-либо образом на текст законопроекта на стадии его обсуждения и принятия в стенах Государственной Думы в настоящее время возможности он не имеет.

По нашему глубокому убеждению, наделение Уполномоченного по правам человека полномочием осуществлять юридическую экспертизу проектов федеральных законов, которые направляются в Государственную Думу, даст возможность существенно повысить качество законотворчества и сможет усилить возможности омбудсмена в вопросе контроля за соблюдением прав и свобод граждан в ходе принятия законов. Представляется, что по результатам проведения такой экспертизы Уполномоченный должен обладать правомочием представить Государственной Думе мотивированное заключение, в котором он может изложить возможные последствия в виде нарушений прав человека от принятия конкретного законопроекта и представить свои предложения и рекомендации по доработке текста законопроекта, которые Государственная Дума в свою очередь должна будет учесть в ходе его доработки перед принятием в окончательной редакции.

Целесообразно обратить внимание и на проблему многолетней пробельности на федеральном уровне в

вопросе правового регулирования деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации. Принятие федерального закона, который призван регулировать деятельность региональных омбудсменов, будет, на наш взгляд, содействовать конструктивному взаимодействию федерального Уполномоченного по правам человека и 80 уполномоченных регионального уровня со всеми институтами власти и гражданского общества, а также позволит устранить пробелы в законодательстве по вопросам правового регулирования их деятельности [1, с. 22-24].

Представляется, что в рамках данного закона необходимо закрепить обязанность каждого субъекта Российской Федерации создать должность регионального Уполномоченного и обеспечить необходимые условия для его функционирования. Необходимо также разграничить предметную компетенцию региональных уполномоченных и Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с целью недопущения двойного обращения граждан к уполномоченным различных уровней. По нашему мнению, компетенция региональных уполномоченных могла бы быть расширена за счет предоставления им права осуществлять охрану и защиту прав человека как по жалобам граждан, так и по собственной инициативе. Региональные омбудсмены должны получить необходимые гарантии их деятельности (общий порядок и требования для назначения на должность, правомочия по защите прав человека и гражданина), а за действия, связанные с противодействием региональным омбудсменам в восстановлении нарушенных прав граждан, для соответствующих должностных лиц (независимо от их конкретной должности) должна быть предусмотрена соответствующая дисциплинарная и административная ответственность.

Наконец, видится, что в федеральном законе об основах деятельности Уполномоченного по правам человека в субъектах Российской Федерации можно было закрепить возможность создания института Уполномоченного на муниципальном уровне. Представляется, что решение данного вопроса следует отнести к полномочиям органов местного самоуправления, которые могут с учетом пожеланий жителей конкретных территорий (районов) принять решение о создании должности Уполномоченного в соответствующем муниципальном образовании. На наш взгляд, муниципальные уполномоченные должны стать первичным звеном в системе сбора информации о фактах нарушений прав человека на местах, проверять их и при наличии необходимых оснований обращаться в органы власти, негосударственные организации и учреждения, оказывающие социально-экономические услуги населению, с предложениями об устранении выявленных нарушений. В случае отсутствия реакции от соответствующих лиц муниципальные упол-

номоченные должны передавать свои заключения по выявленным фактам для рассмотрения по существу региональным омбудсменам. Важно отметить, что при этом муниципальные уполномоченные, на наш взгляд, не должны организационно подчиняться региональному и федеральному уполномоченным по правам человека, а их деятельность должна финансироваться исключительно из средств муниципальных бюджетов. Муниципальные уполномоченные должны стать фундаментом для укрепления данного института в России, но их деятельность должна поддерживаться местным населением, ибо в противном случае такой омбудсман будет восприниматься как обычный чиновник и его авторитет среди населения будет недостаточным для выполнения его функций.

Наконец, нельзя не отметить и проблему, касающуюся отсутствия необходимых санкций к должностным лицам органов государственной власти и местного самоуправления, которые не реагируют на запросы Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации по фактам нарушения прав и свобод человека и гражданина. Представляется, что одним из возможных решений данной проблемы может стать дополнение ст. 287 Уголовного кодекса Российской Федерации «Отказ в предоставлении информации Федеральному Собранию Российской Федерации или Счетной палате Российской Федерации» ответственностью за отказ в предоставлении информации Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации и региональным уполномоченным [11, с. 21].

Как известно, возможность привлечения к уголовной ответственности и получения судимости достаточно хорошо действует на лиц, которые могут совершать преступления, и служит фактором, побуждающим к соблюдению законов. В этой связи возможность привлечения к уголовной ответственности за отказ в предоставлении информации Уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, несомненно, будет действенным контрольным механизмом для должностных лиц органов государственной власти и местного самоуправления и позволит укрепить возможности Уполномоченного в защите нарушенных прав человека и гражданина.

Необходимо особо отметить, что проблемы, стоящие перед Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, которые связаны с осуществлением им своих функций и полномочий, во многом перекликаются с теми проблемами, с которыми сталкиваются зарубежные омбудсмены. Так, Уполномоченные по правам человека, осуществляющие правозащитную деятельность в ряде штатов США, также достаточно часто сталкиваются с проблемой непредоставления им необходимой информации должностными лицами органов публичной власти. Указанное обстоятельство способствует тому, что в

США институт омбудсмана приживается достаточно трудно и не пользуется высоким уровнем доверия у граждан США [12, с. 152].

Важно также обратить внимание на проблему отсутствия возможности подать жалобу омбудсману напрямую гражданином, которая существует в некоторых зарубежных странах (например, в Великобритании). Как правило, омбудсмены осуществляют свою деятельность по содействию защите прав и свобод граждан на основе конкретной жалобы гражданина, в связи с чем основным направлением работы Уполномоченного является рассмотрение таких жалоб. В большинстве государств омбудсмены непосредственно осуществляют прием граждан, однако в Великобритании жалобы к омбудсману поступают через членов Парламента, что обусловлено стремлением оградить омбудсмана от жалоб, рассмотрение которых не входит в его компетенцию [9, с. 11].

Современное государство активно трансформируется, предоставляя своим гражданам различные возможности для реализации своих прав [2, с. 285-286]. Вместе с этим чрезмерное вторжение омбудсмана в деятельность органов государственной власти, а тем более в деятельность органов прокуратуры, следствия и суда может сослужить плохую службу, поскольку в данной сфере у государства должны быть

исключительные полномочия по преследованию преступников, возбуждению уголовных дел и осуществлению правосудия. В этом отношении чрезмерно обширные полномочия омбудсмана могут привести к неоправданному его вторжению в деятельность правительства, органов предварительного следствия и суда [5, с. 69].

Таким образом, резюмируя изложенное выше, следует подчеркнуть, что законодательство Российской Федерации, регламентирующее правовой статус российского омбудсмана, сужает его полномочия, связанные с контролем за соблюдением прав человека в отдельных сферах общественной жизни. По этой причине, на наш взгляд, правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации нуждается в дальнейшем совершенствовании, а сам омбудсман должен быть наделен рядом дополнительных полномочий в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина. При этом омбудсман, который оперативно и действенно может вмешаться в ту или иную ситуацию с целью защиты нарушенных прав и свобод человека и гражданина, должен рассматриваться как неотъемлемая часть демократического политического режима, в нужный момент помогающая органам власти восстановить нарушенную справедливость и защитить конкретного человека.

Литература

1. Грунистая О.С. Институт Уполномоченного по правам человека в РФ: проблемы и пути решения // Экономика и социум. 2014. № 3-4 (12).
2. Зайцева Л.А. Человек в меняющемся мире // Российский технологический журнал. 2014. № 3 (4).
3. Казюлина А.И. О проблемах правового регулирования института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Фундаментальные и прикладные направления модернизации современного общества: экономические, социальные, философские, политические, правовые, общенаучные аспекты: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Энгельс, 2015.
4. Кулик Ю.Н. Проблемы развития института Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. 2015. № 5.
5. Мешкова А.В. Политическое взаимодействие Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации с федеральными институтами государственной власти: политологический анализ: дис. ... канд. полит. наук. М., 2014.
6. Остапец О.Г. Проблемы и перспективы развития института Уполномоченного по правам человека в России на современном этапе // Сборники конференций НИЦ «Социосфера». Прага, 2012. № 26.
7. Плотникова А.Э. Проблемы нормативно-правового регулирования гарантий деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Диалектика современных инновационных механизмов по разрешению правовых конфликтов: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Оренбург, 2011.
8. Скуратов Ю.И., Чурилов С.Н., Грудинин Н.С. Государственная политика в сфере амнистии и помилования в Российской Федерации: тенденции и противоречия // Всероссийский криминологический журнал. 2015. Т. 9. № 1.
9. Тимофеев М.Т. Институт омбудсмана в Великобритании и Ирландии: контроль, основанный на сотрудничестве. М., 2006.
10. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации. Опрос общественного мнения 24-27 января 2014 г. URL: <http://www.levada.ru/2014/02/17/upolnomochennyj-po-pravam-cheloveka-v-rf/> (дата обращения: 12.01.2019).
11. Феоктистов Д.Е. Конституционно-правовой статус Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации: сравнительно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2012.
12. Хаманева Н.Ю. Защита прав граждан в сфере исполнительной власти. М., 1997.

УДК 352.07

О.Л. Казанцева, канд. юрид. наук

Алтайский государственный университет

E-mail: verwaltung@mail.ru;

В.И. Маньковская, канд. юрид. наук

Алтайский государственный университет

E-mail: mvi147@yandex.ru

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье анализируется самоорганизация граждан в форме территориального общественного самоуправления (ТОС). Правовой статус ТОС как формы участия населения в осуществлении местного самоуправления нуждается в четком законодательном регулировании. На основе изучения действующего федерального законодательства в сфере местного самоуправления, теоретических исследований, правовых позиций Конституционного Суда РФ и практики организации и деятельности ТОС предпринята попытка выделить наиболее ключевые характеристики ТОС, определить состояние ТОС как института местного самоуправления на современном этапе развития, выявить значимые проблемы, возникающие сегодня в процессе организации и функционирования ТОС, определить меры по их устранению, предложить некоторые перспективные направления дальнейшего развития ТОС в Российской Федерации.

Ключевые слова: нормативные правовые акты, территориальное общественное самоуправление, проблемы деятельности, перспективы развития.

O.L. Kazantseva, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Altai State University

E-mail: verwaltung@mail.ru;

V.I. Mankovskaya, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Altai State University

E-mail: mvi147@yandex.ru

TERRITORIAL PUBLIC SELF-GOVERNMENT: PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

The article analyzes the self-organization of citizens in the form territorial public self-government (CBT). The legal status of CBT as a form of participation of the population in the implementation of local self-government needs a clear legislative regulation. Based on the study of the current federal legislation in the field of local self-government, theoretical studies, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the practice of organization and activity of TOS, an attempt was made to identify the most key characteristics of the CBT, to determine the status of the CBT as an institution of local self-government at the present stage of development, to identify significant problems arising today in the organization and functioning of the CBT, to identify measures to eliminate them, to offer some promising directions for the further development of the CBT in the Russian Federation.

Key words: normative legal acts, territorial public self-government, problems of activity, development prospects.

Территориальное общественное самоуправление (далее – ТОС) играет важнейшую роль в осуществлении непосредственной демократии. Федеральный законодатель включил ТОС в перечень форм участия населения в осуществлении местного самоуправления. В юридической литературе вопросы ТОС рассматриваются последовательно от момента зарождения, активного функционирования до определения эффективности. Действующие нормативные правовые акты закрепляют понятие, компетенцию, формы реализации ТОС. Несмотря на наличие теоретических и нормативных источников, можно утверждать, что вопросы теоретико-правового регулирования ТОС рассмотрены фрагментарно. Практическая деятельность ТОС требует комплексного нормативного регулирования со стороны федерального законодателя, поскольку ТОС становится одновременно участником правоотношений и в частноправовой, и публично-правовой сферах, т.е. нормы регулирования организации и деятельности ТОС содержатся в отраслях не только публичного, но и частного права. Необходимо разрешение и других проблемных вопросов, связанных с недостаточным материально-финансовым обеспечением и неэффективным взаимодействием органов ТОС как с органами местного самоуправления, так и с органами государственной власти.

Российское ТОС рассматривается исследователями в рамках форм непосредственного осуществления населением местного самоуправления и участия населения в его осуществлении. Вопросам организации ТОС уделялось внимание в работах Е.В. Раздьяконовой, Н.А. Желтуховой, Н.А. Соловьевой, Е.В. Булаха, Е.В. Белоусова, М. Маточкина, Г.Г. Маркарян. В качестве формы муниципальной демократии ТОС представлено в исследованиях А.А. Сергеева, В.Г. Лякишевой и др. ТОС как институт гражданского общества рассмотрено в работах Л.Д. Морозовой и Ю.С. Королева.

Безусловно, первостепенное внимание при этом отводится изучению теоретико-правовых основ [12]. Значительное число работ посвящено их практической организации и деятельности. Соответственно, в таких исследованиях показаны конкретные формы организации и деятельности ТОС и внесены предложения по их совершенствованию [1, 2, 5, 11].

Для достижения поставленной цели привлечены современные методы познания, используемые юридической наукой и нашедшие практическое применение. В работе применялись общенаучные (анализ и синтез, системно-структурный метод) и частнонаучные методы исследования (исторический, логический, сравнительно-правовой), что позволило всесторонне изучить заявленную тему и внести соответствующие предложения.

ТОС имеет свои истоки, которые повлияли на создание современной наиболее доступной формы активного участия населения в реализации местного самоуправления. Важно подчеркнуть, что в начале 90-х годов органы ТОС населения выступали и самостоятельной структурой в реализации местного самоуправления, правовой статус которой был подробно урегулирован российским законодателем в главе 10 «О местном самоуправлении в РСФСР» [6]. Федеральный законодатель включает ТОС в формы участия населения в осуществлении местного самоуправления, ограничиваясь закреплением общих элементов его статуса [7]. Законодатели субъектов Российской Федерации до 1 января 2006 г. закрепляли вопросы организации и деятельности ТОС не только в конституциях и уставах, но и в специальных законах [8], позже утративших свою силу. Подробная регламентация правового статуса ТОС осуществляется на уровне местного самоуправления в соответствии с конституционным законодательством в уставах муниципальных образований и положениях о территориальном общественном самоуправлении [9].

Важно подчеркнуть, что вопросы деятельности ТОС регулируются и нормами отраслевого законодательства. Это обусловлено участием ТОС в частноправовых отношениях, значительная часть которых связана с нормами гражданского права. Вместе с тем действующие нормативные правовые акты не регулируют в полном объеме элементы правового статуса ТОС, в т.ч. полномочия, не позволяют провести объективное разграничение предметов ведения (вопросов ТОС) между государством и местным самоуправлением, не закрепляют гарантий ТОС. Эти вопросы должны регулироваться федеральным законодателем с целью комплексного подхода к организации и деятельности ТОС. Поэтому целесообразно поддержать предложения ученых о необходимости принятия социально необходимого федерального закона, завершающего создание единой правовой основы регулирования ТОС [10].

Для поступательного развития местного самоуправления представляется целесообразным исходить из того, что демократия проявляется в самоуправлении народа, следовательно, необходимо, чтобы сам народ определял формы организации муниципального сообщества. Безусловно, ныне формируется уровень сознания, позволяющий фактически реализовать местное самоуправление, которое, к сожалению, не торопится покидать юридическую оболочку. Думается, что ТОС и есть та ступенька, которая приблизит нас к местной демократии и местному самоуправлению [3].

ТОС в процессе своего создания и функционирования находится в непосредственном взаимодействии с органами местного самоуправления и представляет

собой посредника между населением и местной властью. На ТОС возлагается большая ответственность, которая выражается в укреплении, повышении интереса и активности граждан к осуществлению местного самоуправления.

Однако проблема законодательного определения правового статуса ТОС препятствует его развитию и определению его места в системе местного самоуправления. Исходя из ст. 27 Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления на территории Российской Федерации», ТОС представляет собой самоорганизацию граждан «по месту их жительства на части территории поселения, внутригородской территории города федерального значения, городского округа, внутригородского района, а также в расположенных на межселенной территории населенных пунктах (либо на части их территории) для самостоятельного и под свою ответственность осуществления собственных инициатив по вопросам местного значения».

Это означает, что условия организации и деятельности ТОС должны определяться непосредственно муниципальными правовыми актами. На наш взгляд, это принижает статус ТОС и может породить противоречивую практику организации и функционирования ТОС на территории разных муниципальных образований. Не исключена возможность и снижения уровня гарантий ТОС муниципальными правовыми актами, что является недопустимым.

ТОС осуществляется непосредственно населением путем проведения собраний и конференций граждан, а также создания органов территориального общественного самоуправления. При этом правом на участие в собраниях и конференциях по вопросам организации и осуществления ТОС обладают жители, достигшие шестнадцатилетнего возраста. Само ТОС учреждается с момента регистрации устава ТОС уполномоченным органом местного самоуправления.

Порядок регистрации устава ТОС определяется уставом муниципального образования и (или) нормативными правовыми актами представительного органа муниципального образования. При этом ТОС в соответствии с его уставом может являться юридическим лицом, в этом случае оно подлежит государственной регистрации в организационно-правовой форме некоммерческой организации. Указанные положения ФЗ № 131 порождают правовую неопределенность относительно регистрации и учреждения ТОС. Возникает вопрос, что именно подлежит регистрации в качестве юридического лица – само ТОС либо все-таки подразумеваются органы ТОС. В научной литературе до сих пор нет единого мнения. Логично предположить, что первоначально необхо-

димо зарегистрировать само ТОС в органах местного самоуправления, а уже потом решать вопрос о регистрации ТОС в качестве юридического лица. Кроме того, возникает еще один вопрос, связанный с возрастным цензом на участие в ТОС, поскольку учредить юридическое лицо можно только лицам, достигшим восемнадцатилетнего возраста. Законодательство о ТОС противоречит гражданскому законодательству, что напрямую затрагивает права жителей муниципальных образований и влияет на их активность. В этой связи необходимо, прежде всего, на федеральном уровне четко урегулировать вопрос о том, что является юридическим лицом, ТОС или его орган, предусмотреть, в какой организационно-правовой форме они могут создаваться, устранить имеющиеся противоречия между законами.

ТОС является частью системы местного самоуправления, но отличается от него. Местное самоуправление – это разновидность публичной власти, а органы местного самоуправления являются частью системы органов публичной власти. В свою очередь, органы ТОС не входят в систему органов местного самоуправления и не обладают присущими им признаками, не обладают собственными полномочиями по решению вопросов местного значения, а только осуществляют собственные инициативы по вопросам местного значения, но в то же время на основании соглашений ТОС может осуществлять переданные ему полномочия органами местного самоуправления.

В создании ТОС заинтересованы как органы местного самоуправления, так и само население. Но для эффективности взаимодействия ТОС и органов местного самоуправления необходимы знания, инициатива самих граждан, готовность к сотрудничеству на общее благо. В целях повышения гражданской активности, уровня правовой культуры населения проводятся различные мероприятия по правовому просвещению, однако не всегда это имеет положительный результат. Важно мотивировать население к участию в местном самоуправлении, объяснять ему пользу и выгоду от такого участия, привлекать перспективные ТОС и делиться накопленным опытом.

Неоднозначно к ТОС зачастую относятся и органы местного самоуправления, видя в нем своего противника, а не союзника, не оказывают должного содействия органам ТОС в решении стоящих перед ним задач, что тормозит процесс создания и развития ТОС и снижает уровень доверия граждан к местной власти. Необходимо выстраивать новый уровень взаимоотношений ТОС с органами местного самоуправления, очертив на законодательном уровне их формы и принципы взаимодействия. Очевидно, что на современном этапе развития ТОС нуждается в поддержке органов местного самоуправления. Органы местного самоуправления и органы ТОС зача-

стую решают общие проблемы и ставят перед собой общие задачи, из чего следует, что ТОС, представляя интересы жителей, вправе претендовать на часть финансирования из местного бюджета.

Анализ ряда правовых позиций Конституционного Суда РФ (определения от 10 апреля 2002 г. № 92-О, от 18 декабря 2003 г. № 471-О и от 29 сентября 2011 г. № 1048-О-О) свидетельствует о том, что ТОС является специфической формой участия граждан в осуществлении местного самоуправления, в связи с чем оно не может противопоставляться местному самоуправлению и не должно подменять его [4, с. 382].

В ходе исследования имеющихся проблем в сфере ТОС можно сделать вывод о том, что сегодня в

нормативном регулировании ТОС необходим федеральный акт, закрепляющий весь спектр его организации и деятельности, обеспечивающий поступательное развитие материальной и финансовой базы, позволяющий органам местного самоуправления и органам государственной власти перейти на новый уровень взаимодействия с органами ТОС.

Основные перспективные направления дальнейшего развития ТОС видятся в совершенствовании нормативного регулирования, определении мер по обеспечению и развитию экономической базы ТОС, организации постоянного взаимодействия с органами местного самоуправления и органами государственной власти.

Литература

1. Карцев Б.В. Теория и практика территориального общественного самоуправления во Владимирской области // Местное право. 2017. № 1. С. 7-10.
2. Лякишева В.Г., Бжицких В.И., Постникова Л.Н. Территориальное общественное самоуправление: новые события и новые перспективы // Ученые записки Алтайского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации: сборник статей / под ред. И.А. Панарина. Барнаул, 2017. Вып. 14. С. 69-81.
3. Маньковская В.И. Актуальные проблемы муниципального права: учебное пособие. Барнаул, 2015. 112 с.
4. Муниципальное право Российской Федерации: в 2-х т. / под ред. Н.С. Бондаря. М., 2016. Т. 1. 416 с.
5. Немцева Ю.С. Меры государственной поддержки территориального общественного самоуправления. Механизмы реализации на примере Воронежской области // Местное право. 2018. № 2. С. 19-22.
6. О местном самоуправлении в РСФСР: Закон РСФСР от 6 июля 1991 г. № 1550-1 (утратил силу) // ВСНД РСФСР и ВС РСФСР. 1991. № 29. Ст. 1010.
7. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федеральный закон от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3812.
8. О территориальном общественном самоуправлении в Алтайском крае: закон Алтайского края от 31 декабря 1996 г. № 65-ЗС (утратил силу) // Собрание законов Алтайского края. 1996. № 8 (28).
9. Положение о территориальном общественном самоуправлении в городе Барнауле: утверждено решением Барнаульской городской Думы от 3 июня 2011 г. № 550 // Вечерний Барнаул. 2011. № 87.
10. Репина И.Б. Территориальное общественное самоуправление как форма реализации права на местное самоуправление: особенности функционирования в современной России // Право и политика. 2010. № 8. С. 27-37.
11. Территориальное общественное самоуправление: теория и практика формирования и функционирования: монография / В.В. Мищенко, В.Г. Лякишева, Л.А. Капустян, Я.Н. Мураева; под ред. В.В. Мищенко. Барнаул, 2016. 237 с.
12. Холодная Е.В. Территориальное общественное самоуправление в Российской Федерации: правовые основы организации и деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003. 26 с.

УДК 342.53

Л.Г. Коновалова, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ

E-mail: vaskova82@yandex.ru

ИДЕИ НАРОДНОГО ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВА В ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ РОССИИ ПЕРИОДА БУРЖУАЗНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ПАРЛАМЕНТАРИЗМА НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье анализируются взгляды отечественных мыслителей периода возникновения первого парламента в России на юридическую природу, элементы и значение парламентаризма. Последовательно описываются основные идеи о представительном правлении различных правовых школ, в т.ч. юридического позитивизма, естественно-правового и социально-революционного направлений, анархизма, религиозной философии и психологической юриспруденции. Отмечается значимость интеллектуального наследия этого периода для современной юриспруденции, поскольку представленные взгляды были многоплановыми, основанными на европейском и отечественном опыте функционирования представительных учреждений и не теряющими актуальность к настоящему времени. Предлагается всех представителей политико-правовой мысли рассматриваемого этапа условно разделить на сторонников конституционной монархии, ограниченной властью парламента, и приверженцев построения социализма с ликвидацией института парламентаризма в буржуазном понимании.

Ключевые слова: парламентаризм, депутат, народное представительство, выборы, Государственная Дума.

L.G. Konovalova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

E-mail: vaskova82@yandex.ru

THE IDEAS OF THE PEOPLE'S REPRESENTATIVE IN POLITICAL AND LEGAL THOUGHTS OF RUSSIA PERIOD OF THE BOURGEOIS- DEMOCRATIC PARLIAMENTARISM OF THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

The article analyzes the views of domestic thinkers of the period of the first parliament in Russia on the legal nature, elements and significance of parliamentarism. The main ideas about the representative board of various law schools are consistently described, including legal positivism, natural-legal and socio-revolutionary trends, anarchism, religious philosophy and psychological jurisprudence. The importance of the intellectual heritage of this period for modern jurisprudence is noted, since the views presented were multifaceted, based on European and domestic experience of functioning of representative institutions and not losing their relevance to date. It is proposed that all representatives of the political and legal thought of the considered stage be divided into supporters of the constitutional monarchy, limited by the power of the parliament, and adherents of building socialism with the liquidation of the institution of parliamentarism in the bourgeois sense.

Key words: parliamentarism, deputy, people's representation, elections, State Duma.

Развитие государственных учреждений России 1905-1917 гг. связано с появлением первого отечественного парламента и формированием буржуазно-демократического парламентаризма, отличавшегося доминирующим положением императора в системе разделения властей; становлением юридической конструкции закона, но без практического воплощения принципа верховенства закона; отсутствием контрольных функций у парламента и его участия в формировании иных органов власти; неэффективностью защиты прав оппозиции и обеспечения связи населения с механизмом государства; прямой зависимостью судебной власти от монарха. При этом правовое регулирование статуса депутата характеризовалось свободным мандатом и его ответственностью перед законом. Однако ввиду недостаточно эффективной реализации признаков парламентаризма Государственная Дума и Государственный Совет не могут рассматриваться в качестве полноценных общенациональных представительных органов, т.к. они смогли работать только после существенного ограничения избирательных прав граждан и отстаивали в своей деятельности исключительно интересы крупной буржуазии. Поэтому можно сказать, что в рассматриваемый период формально парламент существовал, но парламентаризм в собственном смысле этого слова отсутствовал, его можно лишь условно именовать «буржуазно-демократическим парламентаризмом».

Насыщенные политическими событиями 1905-1917 гг. отличались и бурным развитием государственно-правовой мысли, в т.ч. по вопросам парламентаризма.

В частности, представитель буржуазного либерализма, один из создателей партии кадетов П.Б. Струве был твердым сторонником конституционной монархии, ограниченной парламентом. Он считал, что необходимо соединить прошлую историческую судьбу России с новыми либеральными требованиями народа, связывал могущество государства с дисциплиной труда, правовой защищенностью и религиозной идеей [4, с. 685-688].

Депутат Первой Государственной Думы, основатель школы юридического позитивизма Г.Ф. Шершеневич активно поддерживал демократизацию представительной системы. Он теоретически обосновывал необходимость использования свободного мандата депутата, апеллируя к задаче «заботы об общем благе народа», а не о выгодах конкретных избирателей. Призывал ввести всеобщее избирательное право. Доказывая несправедливость его отсутствия у женщин и бедняков, ссылаясь на тот факт, что все они являются налогоплательщиками, а потому должны иметь возможность принимать участие в управлении делами государства. Имущественный ценз восприни-

мал как препятствие к избранию в Думу «способных к управлению людей» [16, с. 2-21].

Сторонники социологической интерпретации права и государства, активные участники земских движений и объединений юристов С.А. Муромцев и М.М. Ковалевский ратовали за продолжение реформ и создание конституционного строя. При этом С.А. Муромцев был председателем Первой Государственной Думы, а М.М. Ковалевский – ее депутатом, позднее – членом Государственного Совета. С.А. Муромцев видел будущее России в трансформации от полуфеодальности к буржуазному правовому государству. Не отрицая позитивного значения парламента, мыслитель решающую роль в правотворчестве отводил суду и администрации, которые должны «искусственно интерпретировать» применение правовой нормы к конкретным правоотношениям, постепенно превращая в «мертвые» те правила поведения, которые противоречат господствующим в обществе представлениям о справедливости. М.М. Ковалевский также превозносил роль судов с их «нравственными критериями» в процессе правоприменения. Идеальным устройством парламента для России М.М. Ковалевский считал двухпалатную систему, при которой верхняя палата назначалась бы монархом, нижняя – избиралась от различных социальных групп: промышленников, торговцев, сельских и городских рабочих. Таким способом автор предлагал избежать партийного диктата, существующего в европейских парламентах. А от чрезмерного усиления нижней палаты государство бы оберегло расширение местного самоуправления [7, с. 2-27; 4, с. 705-707].

Теоретики естественно-правовой школы П.И. Новгородцев и Б.А. Кистяковский принимали участие в осмыслении отдельных аспектов концепции парламентаризма. Так, философ права, государственный деятель, один из основателей партии кадетов, член Первой Государственной Думы [1, с. 3-5] П.И. Новгородцев отмечал, что в конце XIX в. наблюдается разочарование в политических преобразованиях государственности, вызванное обнаруженными при практической реализации демократических идей недостатками парламентаризма, представительства, всеобщего избирательного права. По его мнению, «наивная и незрелая политическая мысль обыкновенно полагает, что стоит только свергнуть старый порядок и провозгласить свободу жизни, всеобщее избирательное право и учредительную власть народа, и демократия осуществится сама собой... На самом деле то, что в таких случаях водворяется в жизнь, обычно оказывается не демократией, а, смотря по обороту событий, или олигархией, или анархией, приобретающей порой суровые формы деспотического деспотизма». Для того чтобы демократия как самоуправление народа не была фикцией, надо,

чтобы народ выработал свои формы организации, был созревшим для управления самим собою, осознающим свои права, понимающим свои обязанности и способный к самоорганизации. Такая высота политического сознания приобретает долгим и суровым опытом жизни [13, с. 317]. Тем не менее, стремясь к реализации в обществе свободы и равенства, автор предпочитал демократию с ее представительными формами идеи социализма, был противником большевиков.

Философ, социолог, правовед, член партии кадетов Б.А. Кистяковский признавал правовое, социально-справедливое государство, в котором осуществляются классовая солидарность, единение народа и власти. Для достижения такого идеала мыслитель предлагал отойти от принципа разделения властей, заменив его солидарностью законодательной и исполнительной власти. «Парламентская система представляет прямую противоположность системе разделения властей», которое практически не осуществимо и ведет к государственным переворотам. Вместо разделения властей требуется их объединение через парламентскую систему правительства [6, с. 480-489]. В этом плане идеи Б.А. Кистяковского близки британскому принципу верховенства парламента и юридической конструкции парламентарной формы правления.

Еще большее звучание идея солидарности властей имела в трудах и практической деятельности однопартийца Б.А. Кистяковского С.А. Котляревского, который неоднократно защищал правительство в своих выступлениях, призывал к умеренности и уступчивости коллег по партии [3, с. 44]. По мнению С.А. Котляревского, «парламентаризм есть режим обязательной политической солидарности между правительством и органом или органами, которые признаются авторитетными выразителями народного мнения». При этом солидарность должна быть именно политическая и может не предполагать единство мировоззрения или единство партийности, поэтому добиваться солидаризма можно и при помощи коалиций партий в парламенте [8, с. 645-649].

Крупнейшим теоретиком парламентаризма начала XX в. можно считать Н.И. Лазаревского, который провел глубокий анализ функционирования парламентов различных стран и вскрыл существенные проблемы современного ему народного представительства, в т.ч. огрехи избирательных систем, приводящих к принятию решений математическим меньшинством граждан; стремление депутатов стать «начальством» и оторваться от нужд населения; полную независимость и безответственность депутатов от избирателей; «неуловимость» общественного мнения [9, с. 179-222]. Однако в целом автор видел огромное значение представительных учреждений в

том, что они выражают интересы иных кругов, нежели бюрократия. Но даже это свойство парламентов он предлагал не абсолютизировать: «на парламенты смотрят как на представителей народа, отражающих его волю и желания, а на деле связь парламента с народом и зависимость его от народа лишь косвенная. Большая, чем у бюрократии, но меньшая, чем это обыкновенно принято думать» [10, с. 154].

Более оптимистичный взгляд на парламенты был свойственен Н.П. Дружинину, которого европейский опыт не разочаровывал в институтах народного представительства. Он был сторонником бикамерализма, свободного мандата депутата и рассматривал политические партии как необходимый элемент представительной системы. На замечания критиков представительной демократии и конституционализма отвечал, что область улучшения человеческих отношений безгранична. Ни одна страна не достигла еще таких улучшений в положении массы населения, которые не оставляли бы желать большего. Напротив, в условиях развития конституционной и свободной государственности недостатки положения социальных групп населения представляются еще большими, требующими усилий к их исправлению. Но в этом-то и видел ценность представительных учреждений Н.П. Дружинин [2, с. 72-111].

Весомый вклад в развитие теории парламентаризма внесли представители русского анархизма начала XX в. Хотя они и отрицали целесообразность существования государства вне зависимости от имеющихся в нем представительных учреждений, проведенный ими критический анализ работы парламентов может быть полезен для совершенствования институтов народного представительства. Так, П.А. Кропоткин призывал отказаться от государственности в любых формах через переходную стадию – федерализм. Буржуазный парламентаризм и всеобщее избирательное право мыслитель критиковал за нацеленность на угнетение народа, особенно наемных работников. Основные недостатки парламентаризма видел в неспособности осуществлять возложенные на него функции, в иллюзорности представительства народа. Великий русский писатель Л.Н. Толстой также разочаровался в государственных институтах. Считал, что даже в демократическом государстве совершается насилие меньшинства над большинством, что ведет к моральному падению властвующих [4, с. 721-735]. К парламентам писатель относился скептически, подчеркивая юридическое ухищрение этого механизма господства, поскольку факт избрания исключает право подвластных жаловаться на несправедливость управления [15, с. 45]. Труды анархистов наталкивают сторонников парламентаризма на мысль о необходимости сглаживания чрезмерного имущественного расслоения общества в политике

государства, требуют гарантированности социально-экономических прав граждан и установления иных форм юридического учета мнения населения наряду с существованием парламента.

Психологическое направление юриспруденции, религиозная философия права, течения либерального народничества, социалистов-революционеров (эсеров), существовавшие в начале XX в., непосредственного влияния на теорию парламентаризма не оказали, но косвенно важны даже для современного концепта парламентаризма, поскольку ставят перед представительным органом задачу осуществления такого законотворчества, которое бы соответствовало психологическим ожиданиям населения, учитывало бы религиозные предпочтения граждан, примиряло бы интересы различных социальных слоев общества и не влекло бы за собой стремление к экстремистской деятельности.

Так, знаменитый представитель психологической школы права в России Л.И. Петражицкий предлагал сблизить официальное право и право интуитивное, т.е. существующее в сознании населения. Для этого считал целесообразным введение в России политики права, призванной совершенствовать человеческую психику, очищать ее от антисоциальных склонностей, формировать высокую правовую культуру чиновников и граждан. Своевременные реформы, по его мнению, позволили бы избежать революционных катаклизмов. В целом Л.И. Петражицкий был сторонником демократического пути развития государства [14, с. 399-411].

Религиозные философы права (С.Н. Булгаков, Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, И.А. Ильин) исходили из примата традиционных религиозных ценностей над юридическими конструкциями, в т.ч. идеями демократии, социализма, равенства и свободы. И хотя с некоторым скепсисом относились к избирательному праву, предлагали сохранять монархию, поддерживающую традиционные ценности и творческое начало личности в сочетании с определенным новаторством представительных органов. В общем позитивно воспринимали идею правовой государственности [4, с. 803-839].

Либеральные народники (Н.К. Михайловский, П. Червинский, И. Каблиц) отражали в своей деятельности, в т.ч. в составе Государственной Думы, интересы крестьянства, не стремившегося к революционным преобразованиям. Пропагандировали «теорию малых дел», которая предполагала помощь крестьянам через ссудно-сберегательные кассы, артели, работу учителей и врачей в земствах, материальную поддержку переселенцев и т.п.

Социалисты-революционеры (В.М. Чернов, Б.Д. Камков, М.А. Спиридонова, Н.В. Авксентьев) представляли собой не просто общественное тече-

ние, но еще и крупнейшую политическую партию, объединявшую представителей различных социальных слоев с преобладанием крестьян, рабочих, солдат. Для сравнения: на лето 1917 г. число сторонников этой партии составляло более 1 млн человек, в то время как большевиков поддерживало около 250 тыс. человек. Ядром программы социалистов-революционеров была идея об особом, некапиталистическом пути развития России к социалистическому обществу в условиях аграрной страны. Программа включала также требования об установлении демократической федеративной республики, всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, основных прав и свобод граждан, включая широкий набор социально-экономических прав, отмену частной собственности на землю. При этом многие эсеры не противопоставляли демократию и социализм, считая их взаимодополняемыми конструкциями. Например, по В.М. Чернову, демократия вырастает из свободной организации труда, а социализм есть тождество «хозяйственной демократии» с подлинной социалистической организацией труда. Важным средством борьбы с самодержавием представители этой партии считали индивидуальный террор против представителей власти. В период с 1905 по 1907 гг. ими совершено свыше 200 террористических актов [4, с. 735-754].

Самой далеко идущей, подчинившей себе судьбу всего государства оказалась политическая и идеологическая платформа отечественных марксистов – Российская социал-демократическая рабочая партия, расколовшаяся в 1903 г. на большевиков (В.И. Ленин, Н.И. Бухарин) и меньшевиков (Г.В. Плеханов, Л. Мартов). Оба крыла марксистов осуждали капитализм, частную собственность, рыночные отношения, религиозность, выступали за замену капитализма социализмом, завоевание политической власти рабочим классом [5, с. 64-74]. Однако большевики под предводительством В.И. Ленина были более радикально настроены и использовали любые методы для практического претворения своих идей, что и привело их к полному захвату власти в 1917 г.

Государство, по мнению В.И. Ленина, «есть продукт и проявление непримиримости классовых противоречий», предполагающий диктатуру класса, т.е. власть, опирающуюся непосредственно на насилие и не связанную никакими законами. В связи с этим вождь революции отрицательно относился к институтам буржуазной демократии и права. Пролетариат, совершив социалистическую революцию, должен разрушить буржуазную государственность и создать государство трудящихся, обреченное на отмирание по мере устранения классовых противоречий. Буржуазный парламентаризм, по мнению В.И. Ленина, является одним из орудий господства класса, однако

его надо использовать как революционную парламентскую трибуну. И если в 1905 г. В.И. Ленин выступал за создание в России парламентской демократической республики, то в 1917 г. заявил, что Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов «есть единственно возможная форма революционного правительства» [11, с. 424-436]. Советская республика должна сочетать элементы представительной и непосредственной демократии. Советы – учреждения, которые одновременно должны и законодательствовать, и исполнять законы, и сами контролировать их исполнение. При этом В.И. Ленина мало интересовали политико-юридические, конституционно-правовые аспекты устройства Советов. Главное для него – насколько Советы в состоянии быть инструментами диктатуры пролетариата и подчиняться большевистской партии. Именно Советы по идее политика должны были дать «невиданное в мире развитие и расширение демократии для гигантского большинства населения, для эксплуатируемых и трудящихся» [12, с. 256-258].

Таким образом, политико-правовые теории периода существования первого отечественного парламента складывались под впечатлением работы этого представительного органа, а также с учетом зарубежного опыта развития представительных учреждений. Всех представителей политико-правовой мысли дан-

ного этапа можно условно разделить на сторонников конституционной монархии, ограниченной властью парламента, и приверженцев построения социализма с ликвидацией института парламентаризма в буржуазном понимании. При этом в трудах отечественных исследователей достаточно глубоко были проработаны идейные основы парламентаризма: демократичность избирательных систем, политический плюрализм, развитие контрольных полномочий парламента, свободный мандат депутата. Спецификой отличались предложения корпоративного порядка формирования парламента, теория солидарности законодательной и исполнительной власти, идея необходимости учета в организации парламента особой исторической роли монарха и православия. Тот факт, что дальнейшая история России оказалась связанной со сравнительно слабо проработанной в теоретическом плане концепцией социализма большевиков, объясняется бедственным положением рабочих и крестьян, неэффективностью имперских государственных механизмов, национальными противоречиями, применением большевиками силовых методов борьбы за власть, а также особой притягательностью самой идеи социализма, которая в отличие от теории парламентаризма на тот момент еще не становилась в каком-либо государстве реальностью, обнажавшей практические недостатки концепции.

Литература

1. Баскин Ю.Я. Вступительная статья // Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999.
2. Дружинин Н.П. Избиратели и народные представители. М., 1906.
3. Ерыгина В.И. Исследование сущности и признаков парламентаризма в отечественной юридической науке // Государственная власть и местное самоуправление. 2010. № 3.
4. История политических и правовых учений / под ред. О.В. Мартышина. М., 2010.
5. История политических и правовых учений. 20 в. / под ред. В.Г. Графского, Л.С. Мамут, О.В. Мартышина. М., 1995.
6. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб., 1998.
7. Комнатная Ю.А. Политико-правовые воззрения М.М. Ковалевского: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2002.
8. Котляревский С.А. Сущность парламентаризма // Хрестоматия по конституционному праву / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб., 2014. Т. 3.
9. Лазаревский Н.И. Народное представительство и его место в системе других государственных установлений // Конституционное право: сборник статей. СПб., 1905.
10. Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1: Конституционное право. СПб., 1913.
11. Ленин В.И. Детская болезнь «левизны» в коммунизме // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений / сост. Р.Т. Мухаев. М., 2000.
12. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М., 1967. Т. 35.
13. Новгородцев П.И. Демократия на распутье // Сочинения. М., 1995.
14. Петражицкий Л.И. Очерки философии права // Хрестоматия по теории государства и права, политологии, истории политических и правовых учений / сост. Р.Т. Мухаев. М., 2000.
15. Толстой Л. Круг чтения // Собрание сочинений. М., 2009. Т. 2.
16. Шершеневич Г.Ф. Народные представители. Казань, 1905.

УДК 340.1

С.Ю. Суменков, доктор юрид. наук, доцент

Пензенский государственный университет

E-mail: sumenkov@bk.ru;

А.Н. Ловцов

аспирант Пензенского государственного университета

E-mail: alovcov@bk.ru

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ПРЕДЕЛОВ В ПРАВЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с отсутствием достаточной разработки в российской юридической науке такой универсальной категории, как «правовые пределы». Автором, в частности, анализируются основные особенности и признаки пределов в праве. Проводится исследование научных работ, связанных с темой научной статьи. Изложение материала сопровождается иллюстрацией примеров из российского законодательства. В завершение работы предлагается авторская трактовка понятия «правовые пределы».

Ключевые слова: предел, предел в праве, правовой предел, понятие, особенности, признаки.

S.Yu. Sumenkov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor

Penza State University

E-mail: sumenkov@bk.ru;

A.N. Lovtsov

postgraduate student of Penza State University

E-mail: alovcov@bk.ru

THE CONCEPT AND CHARACTERISTICS OF LEGAL LIMITS

The article deals with issues related to the lack of sufficient development in Russian legal science of such a universal category as «legal limits». The author, in particular, analyzes the main features and characteristics of the limits in law. The presentation of the material is accompanied by an illustration of examples from Russian legislation. In conclusion, the author's interpretation of the concept of «legal limits» is proposed.

Key words: limit, limit in law, legal limit, concept, features, features.

Согласно толковым словарям, предел – это пространственная или временная граница чего-нибудь; то, что ограничивает собою что-нибудь [19]; последняя, крайняя степень, грань чего-нибудь [20]; граница, рамки чего-либо принятого, установленного, дозволенного [18].

В философии дефиниция «предел» является одним из главных понятий. Будучи сложным и неоднозначным явлением, в философской науке предел рассматривается с различных подходов (точек зрения, методологических позиций), что, естественно, приводит к множественности представлений об анализируемом феномене.

С точки зрения философского познания категория «предел» соотносится с такими понятиями, как граница, ограничение, мера, качество и количество.

Выводя отличие одной вещи от другой, в первую очередь выделяются качественные, количественные характеристики, т.е. выявляется грань, которая отвечает за объем информации.

Предел – это то, что придает вещи и всякому существу определенность.

Философское осмысление предела начинается со времен Античности, в частности с учений софиста Протагора. Одной из первых фраз Протагора считается следующая: «Человек есть мера всех вещей, существующих и несуществующих» [2, с. 375]. Именно это служит основой антропологического принципа, который ориентируется на гармонию или баланс хронотопического аспекта. Ориентация в пространстве не должна ограничиваться определенными рамками, потому что здесь должна быть мера: мера, гармония, соразмерность, взаимодействие и, как результат, предел.

В социальной философии социальный предел выступает в качестве элемента диалектического механизма в историческом развитии упорядоченности социальной системы.

Предел данного вида существует в двух состояниях: статике и динамике.

В статике он (предел) есть событие (место) кардинального преобразования человека и мира.

В динамике же предел представляет собой процесс перевода, приобретения новой сущности, переход от одного качественного состояния к другому [14, с. 7]. Предел развития заканчивается достижением конечного уровня и переходом в состояние абсолютного конца.

Развитие общества и общественных отношений основывается на предельных состояниях, которые образуют три взаимосвязанные стадии.

Начинается все с хаоса, состояния отрицания всех пределов, состояния неограниченной свободы. Далее идет процесс осмысления всех явлений и установления, признания пределов. Финальная стадия

признает предел, но выходит все равно за него. И так происходит вновь и вновь, один процесс сменяет другой. Как итог – общество не может существовать без пределов. В обществе концепт предела выступает как формообразование и оформление материи.

Таким образом, анализ методологических подходов к категории «предел» в философии показывает, что не существует точного определения анализируемого феномена, которое отражало бы наиболее типичные и однородные черты. Указанные разногласия связаны с зависимостью философской концептуализации пределов от предпосылок как исторического, так и социального типа.

Между тем категория «предел» является не только философской дефиницией. Пределы есть в математике [3], географии [10, ст. 1], медицине [1], экономике [13], физике [5] и т.д.

Более того, в быту употребимы такие выражения, как «предельная нагрузка», «предельная усталость», «предельный срок», «предельный размер» и т.д. Под пределом в таких случаях подразумевается максимальный, крайний показатель (параметр), превысить который нельзя/невозможно, сложно реализовать.

Существуют пределы, обусловленные физиологической природой самого человека и условиями функционирования человеческих сообществ. К ним прежде всего относятся пределы, обусловленные биологическими критериями, например предельным возрастом, предельным сердцебиением, предельной максимальной температурой тела [17].

Таким образом, ввиду многозначности и глубины понятия «предел» вопросы предела реализации тех или иных прав встречаются везде и проявляются в разнообразных формах и сферах нашей жизни, в т.ч. и в сфере правового регулирования.

В частности, только что упомянутые биологические параметры человека и их пределы (предельный возраст, предельное сердцебиение) имеют непосредственную имплементацию в нормы права.

Например, УК РФ в ст. 20 устанавливает минимальный возраст (предел) наступления уголовной ответственности: по общему правилу это шестнадцатилетний возраст (ч. 1); а в специально оговоренных случаях (ч. 2 ст. 20) – четырнадцать лет (ч. 2) [21].

Тем самым следует констатировать очевидный факт: пределы существуют и не могут не существовать в любой сфере человеческого бытия (физиологической, социальной, общественной, экономической); соответственно, пределы имеют место быть в праве, а также в исходящих от него элементах правовой системы.

Присутствие пределов в иных областях материи, о которых уже упоминалось выше, обуславливает такое магистральное качество (признак) юридического предела, как всеобщность.

Названный признак – всеобщность – характерен сугубо для предела как правового феномена. В частности, анализируя исключение в праве, ранее нами было отмечено, что исключения – «поразительный по ареалу своего распространения феномен, являющийся неотъемлемой частью бытия... Присутствие исключений во всех сферах бытия детерминирует у них такое качество, как всеобщность» [16, с. 20-21].

В развитие сказанного отметим, что при соотношении исключения и предела первичным компонентом является именно предел. Диалектическая взаимосвязь указанных феноменов детерминирована тем, что исключение делается как раз из предписания относительно того или иного предела.

Однако нельзя не отметить то, что взаимосвязь предела и усмотрения обуславливает наличие в природе предела не только объективных, но и субъективных начал.

Действительно, по аналогии с исключениями стоит предположить, что всеобщность детерминирует объективность предела.

Предел – это важнейший фактор социальной регуляции, а следовательно, и всего человеческого бытия. Соответственно, предел в общественных отношениях – это объективная и необходимая реальность. Предел тем самым объективен по своей сущности и предназначению.

Иное дело, что установление пределов, их минимум и максимум носят субъективный характер. Это особенно ярко проявляется в сфере права. Конечно, в идеале правовое оформление того или иного предела должно базироваться на объективных критериях. Здесь как раз и можно утверждать о естественности правового регулирования и абсолютной правильности утверждения о том, что «право никогда не может быть выше, чем экономический строй и обусловленное им культурное развитие общества» [9, с. 19].

Таким образом, правовой предел сочетает в себе объективные и субъективные признаки, т.е. предел объективен, потому что он всегда есть (упоминается), а субъективен предел, потому что всегда оформляется законодательно, в рамках закона.

Объективное существование пределов как фактора правовой реальности обуславливают необходимость исследования природы данной категории, выделение специфических признаков предела в праве.

Предел в праве (правовой предел) олицетворяет нормативно закрепленное и юридически оформленное окончание правового воздействия. Ключевым компонентом, конечно, служит слово «окончание», непосредственно подразумевающее конец правового воздействия в том или ином жизненном казусе; но весьма важно является и надлежущая легитимация, и

фиксация предела, придающая ему свойство правовой категории.

В качестве последней надо признать, что пределы существуют и должны существовать сугубо в рамках права.

Сущностный характер пределов подразумевает под собой тот факт, что правовое воздействие немислимо без пределов, т.е. любой закон, любая норма права прямо или косвенно имеют предел.

Тем самым предел в проекции к правовому регулированию предстает в качестве особой разновидности правовых ограничений.

По мнению А.В. Малько, правовое ограничение есть правовое сдерживание противозаконного деяния, создающее условие для удовлетворения интересов контрсубъекта и общественных интересов в охране и защите; это установленные в праве границы, в пределах которых субъекты должны действовать, исключение определенных возможностей в деятельности лиц [8, с. 91].

Ограничение есть базовая категория, а все другие феномены сдерживающего характера – это разновидности ограничений. К ним, по нашему мнению, относятся запреты, обязывания, собственно ограничения в узком непосредственном смысле этого слова, приостановления, лимиты, цензы, наказания, меры принуждения и пресечения, изъятия.

Предел как правовая категория имеет дуалистичную природу. С одной стороны, предел есть ограничение. И именно в этом случае ограничение понимается как собственно ограничение, без возможности какого-либо расширительного толкования. С другой же стороны, у каждой из названных разновидностей ограничений имеется свой предел.

Тем самым предел – это сложная, не однолинейная категория, находящаяся в тесной взаимосвязи с базовым понятием «ограничение» и его основными разновидностями [6, с. 3-10].

Так, предел непосредственно имплементирован в запреты и обязанности, которые (что вполне естественно) имеют свои пределы; однако напрямую сам по себе предел ничего не запрещает либо обязывает, а лишь подразумевает запрет либо обязанность.

Более того, в проекции ко всем перечисленным выше разновидностям ограничений именно предел является уникалом ограничительного характера, выступая своего рода «ограничением ограничения».

Пределы существуют не только у любой разновидности ограничения, но и у антагонистов последнего – преимуществ и поощрений.

При этом хотелось бы обратить внимание на следующий аспект проблематики пределов: предел отражается исключительно в юридическом ракурсе, его наличие возможно только относительно права, а

точнее предел может быть только у феноменов, соответствующих праву.

Правовые пределы находят свое воплощение во всех без исключения нормативных актах, вне зависимости от их видовой принадлежности, начиная с основного закона государства – Конституции РФ (ст. 12, 56, 73, 76, 77 и т.д.) [1] – и заканчивая подзаконными НПА (например, постановление Правительства РФ от 07.04.2008 № 253 «Об утверждении Правил определения пределов пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации») [12].

Правовые пределы также находят свое отражение и в судебной практике [11].

Таким образом, юридическая оформленность и нормативная закреплённость детерминируют такой признак предела, как его исключительно правовой характер.

Следующей характерной чертой пределов в праве стоит назвать наличие соответствующей процессуальной формы.

«Процессуальная форма является критерием, характеризующим пределы допустимых ограничений прав и свобод личности, поскольку четко и строго очерчивает цели и основания применения мер принуждения; круг участников процесса, к которым они применяются; правоограничения, составляющие содержание той или иной меры; круг субъектов, уполномоченных на применение мер принуждения; временные границы указанных мер, то есть их продолжительность (сроки)» [15, с. 102].

Можно утверждать, что правовые пределы – это правовые рамки, установленные уполномоченными субъектами с помощью юридических средств, четко устанавливающие объем применения права. Соответственно, пределы в праве есть нормативно-правовое предписание, представляющее государственно-властное веление, легитимированное надлежащим образом.

Анализируя признаки правовых пределов, не надо забывать, что, хотя и большинство правовых

норм исполняется и соблюдается добровольно, однако далеко не все из них претворяются в жизнь людьми в силу их внутреннего убеждения. Поэтому за каждой нормой потенциально стоит возможность государственного принуждения к исполнению, а также применения мер ответственности за ее нарушение.

Именно возможность государственного принуждения как гарантия реализации охраны от нарушений – специфический признак юридической нормы [7, с. 394].

Следовательно, обеспеченность мерами государственного принуждения в случае грубого нарушения установленных границ является правовым гарантом существования правовых пределов. Именно наличие мер юридической ответственности делает правовой предел эффективным средством правового регулирования.

Подводя итог характеристике правовых пределов, необходимо отметить следующее.

К признакам юридической категории «пределы» следует отнести: всеобщность; сочетание объективности и субъективности; сугубо правовой характер; установление границ и (или) объема правовой регламентации общественных отношений; юридическую оформленность и нормативную закреплённость; процессуальную форму; обеспеченность мерами государственного принуждения.

Тем самым предел в праве – это закреплённое в издаваемых и санкционируемых государством юридических нормах установление дозвоительно-ограничительных границ и (или) объема правовой регламентации общественных отношений посредством установления максимальных и минимальных вариантов деятельности. Они выступают легальными границами, которые определяют рамки возможного поведения субъекта правоотношений; определяют пространственные, временные, количественные и качественные (содержательные) требования.

Литература

1. Булекова О.В. Пределы ортодонтического вмешательства при лечении аномалий зубочелюстной системы: дис. ... канд. мед. наук. Тверь, 2007. 147 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / ред. и авт. вступ. ст. А.Ф. Лосев; перевод М.Л. Гаспарова. 2-е изд. М.: Мысль, 1986. 571 с.
3. Козлов Г.Е. Предел Суслина для топологических А-модулей и его приложения: автореф. дис. ... канд. физ.-мат. наук. Санкт-Петербург, 1993. 16 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Коппель А.А. Нерелятивистский предел и мультипольная структура стационарных аксиально-симметричных 4-пространств: автореф. дис. ... д-ра физ.-мат. наук. Тарту: Ин-т физики, 1990. 32 с.
6. Ловцов А.Н. Предел как компонент правового ограничения: теория и практика // Современное общество и право. 2019. № 1 (38). С. 3-10.
7. Любашиц В.Я., Смоленский М.Б., Шепелев В.И. Теория государства и права. Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. 510 с.

8. Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрист, 2003. 250 с.
9. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения: т. 1-39. Изд. второе. М.: Изд-во политической литературы, 1955-1974 гг. Т. 19. 703 с.
10. О Государственной границе Российской Федерации: Закон РФ от 1 апреля 1993 г. № 4730-I (с изм. и доп. от 28.05.2018) // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. № 17. Ст. 594.
11. О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 11.
12. Об утверждении Правил определения пределов пункта пропуска через Государственную границу Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 7 апреля 2008 г. № 253 (ред. от 17.12.2016) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 15. Ст. 1560.
13. Предельная величина. URL: <http://vuztest.ru/2011/09/23/ponyatie-predelnyiy-v-ekonomike/> (дата обращения: 24.04.2019).
14. Струк Е.Н. Социальные пределы инновационных изменений: философско-методологический анализ: дис. ... д-ра философ. наук. Красноярск, 2013. 331 с.
15. Струков А.В. Правовые пределы принуждения в досудебных стадиях уголовного судопроизводства России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2009. 208 с.
16. Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. 58 с.
17. Температура тела: пониженная, нормальная и высокая. URL: <http://medicina.dobro-est.com/temperatura-tela-ponizhennaya-normalnaya-i-vyisokaya.html> (дата обращения: 24.04.2019).
18. Толковый словарь Кузнецова С.А. URL: <https://gufo.me/dict/kuznetsov/предел> (дата обращения: 24.04.2019).
19. Толковый словарь Ожегова С.И. URL: <https://gufo.me/dict/ozhegov/предел> (дата обращения: 24.04.2019).
20. Толковый словарь Ушакова Д.Н. URL: <https://gufo.me/dict/ushakov/предел> (дата обращения: 24.04.2019).
21. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

Отзывы, комментарии, рассуждения

УДК 340.1

В.В. Кожевников, доктор юрид. наук, профессор

Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

E-mail: kta 6973@rambler.ru

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМАХ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Данная работа в большей своей части касается критики соответствующих положений монографии А.В. Серегина «Духовно-нравственное учение о правовой культуре», и на основе первой рассматриваются некоторые актуальные проблемы общей теории государства и права. В частности, акцентируя внимание на значимости методологии научного исследования, обращается внимание на классификацию таких ее составляющих, как методы, которые должны классифицироваться на общеполитические, общенаучные, специальные и частнонаучные. Причем последние должны дифференцироваться, а не объединяться в одну группу. Обращается внимание и на необходимость различения легитимности и легальности государственной власти, имея в виду, что легитимность – это власть, соответствующая представлениям народа, общества о ее справедливости, правильности, обоснованности, а легальность означает юридическое обоснование власти, соответствие действий государственных органов существующему в стране законодательству. В статье уточняются признаки суверенитета государства, а также профессионально-правовой культуры и ее носителя.

Ключевые слова: монография, теория государства и права, актуальные проблемы, методология исследования, Конституция Российской Федерации, легальность и легитимность государственной власти.

V.V. Kozhevnikov, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: kta 6973@rambler.ru

ON SOME ACTUAL PROBLEMS OF GENERAL THEORY OF STATE AND RIGHT

This article for the most part concerns the criticism of the relevant provisions of the monograph by A.V. Seregin «Spiritual and moral doctrine of legal culture», and on the basis of the first the author considers some pressing problems of the general theory of state and law. Just to name a few, focusing on the significance of the scientific research methodology, the author points out the classification of its components, such as methods that should be classified into general philosophical, general scientific, special, and specific scientific. Moreover, the latter should be differentiated, but not united in one group. The attention is also drawn to the need to distinguish between the legitimacy and the legality of state power; bearing in mind that legitimacy is a power that corresponds to the ideas of the people and society about its justice, correctness, validity, and legality means the legal justification of power; compliance of actions of state bodies with the legislation existing in the country. The article clarifies the signs of the state sovereignty, as well as professional and legal culture and its bearers.

Key words: monograph, theory of state and law, actual problems, research methodology, Constitution of the Russian Federation, legality and legitimacy of the state power.

1. Структура анализируемой монографии.

Действительно, настоящая научная статья, в которой рассматриваются некоторые актуальные проблемы общей теории государства и права, обусловлена критическим анализом монографии А.В. Серегина «Духовно-нравственное учение о правовой культуре» [15]. Последняя состоит из введения, где автор сетует на то, что «...современное состояние юриспруденции свидетельствует, что в России начала XXI в. в университетах отсутствует собственная, самобытная и оригинальная философско-правовая мысль, патриотическая идеология, черпающая свои основы в живом духовно-нравственном сознании русского народа», «политические реформы проводятся по шаблонам чужого, иностранного бытия, не соответствующего правовой культуре большинства российских граждан» [15, с. 9]; главы 1 «Сущность правовой культуры»; главы 2 «Правовая политика и правовая жизнь в контексте правовой культуры общества»; главы 3 «Проблемы формирования правовой культуры современных славянских народов»; заключения, в котором содержится вывод работы о том, что «...безопасность государства зависит не только от силы его армии и спецслужб, но и от господствующей в умах его граждан мировоззренческой системы, позволяющей объективно понимать происходящие в реальности процессы и предвидеть будущие события» [15, с. 317] и библиографического списка, состоящего из 180 источников философского, политического, юридического и исторического характера.

2. Методология научного исследования. Как представляется, во введении следовало бы указать на методологию проведенного научного исследования, которая на практике, к сожалению, зачастую сводится лишь к перечислению методов (философского, общенаучных, специальных, частнонаучных) изучения того или иного объекта без указания на то, какие проблемы решались ученым, использовавшим конкретный метод [6, с. 135-140]. Другими словами, к методологии ученые зачастую подходят формально, хотя всякое исследование основных явлений государственной и правовой жизни, как писал Г. Еллинек, для того, чтобы стать плодотворным, должно начинаться с установления методологических принципов на основе результатов новейших изысканий в области теории познания и логики [2, с. 19]. Думается, что слова этого ученого, высказанные более ста лет назад, актуальны и сегодня. Общеизвестным в настоящее время является факт, что любое научное исследование, в т.ч. в области юридических наук, с неизбежностью предполагает опору на основательно разработанные методы познания и соответствующую методологию. Важность методологических основ государственно-правовых исследований, на наш взгляд, не должна вызывать никаких сомнений.

А.В. Сурилов по этому поводу отмечал следующее: «В юридическом познании методология необходима, поскольку она обеспечивает совершенствование, а следовательно, и плодотворность методов этого познания... Ничто не может быть усовершенствовано без его познавательного освоения, качество которого определяется, прежде всего, тем, на какой методологической основе оно совершается» [16, с. 49-50]. Справедливости ради заметим, что автор работы пытается определить свое методологическое «кредо», утверждая, что «ценность **онтологического метода** (здесь и далее выделено нами – В.К.) состоит в том, что он позволяет проанализировать взаимосвязанные категории существования, реальности, бытия, субстанции, сознания, а также объективного и субъективного понимания реальности, которые учитывают материю интеллектуального мира: правосознание, правовую культуру, правовой менталитет, правовое мышление и т.д.» [15, с. 20]. Полагаем, что само содержание монографии позволяет сделать вывод, что здесь были использованы и общенаучные (например, анализ и синтез, индукция и дедукция, исторический и логический, функциональный и др.), и специальные (например, социологический, математический и др.), и частнонаучные (например, формально-юридический, сравнительно-правовой, толкования) методы познания государственно-правовых явлений.

Соглашаясь с тем, что «...не имеется каких-либо объективных оснований для отождествления терминов "метод" и "методология"» [17, с. 461], предлагая вышеизложенную классификацию методов познания государственно-правовой действительности, отметим, что, во-первых, следует учитывать огромный потенциал и общеправовых методов, в частности диалектико-материалистического, наиболее распространенного в отечественной юридической науке [5, с. 816-818]; во-вторых, в отличие от позиций многих ученых, нами дифференцируются методы на такие группы, как специальные и частнонаучные. Например, по мнению Л.А. Морозовой, частнонаучные методы представляют собой использование теорией государства и права научных достижений технических, естественных, смежных общественных наук. К ним автор относит такие методы, как метод конкретно-социологических исследований, моделирования, статистический метод, метод социально-правового эксперимента, математический, кибернетический и синергетический. Представляется, что совсем неожиданным является утверждение ученого о том, что среди частнонаучных методов принято выделять собственно-юридические методы – сравнительно-правовой и формально-юридический [9, с. 24-26]. На наш взгляд, приведенные «собственно-юридические методы», перечень которых является далеко неполным,

составляют самостоятельную группу методов теории государства и права.

3. Позиции А.В. Серегина, не соответствующие официальным. Оценивая настоящую монографию, можно с уверенностью сказать, что она носит самостоятельный и познавательный характер. А.В. Серегин в обоснование своих теоретических выводов приводит большое количество исторического материала, а порой отстаивает такие позиции, которые не соответствуют общепризнанным и официальным. Например, обращая внимание на содержание ч. 2 ст. 5 Конституции РФ, согласно которой «... республика определяется как государство, имеющее свою конституцию, а признак государства – суверенитет...», автором делается вывод о том, что государственное устройство, закрепленное в Основном Законе, обладает чертами **конфедерации** [1, с. 126]. Думается, что в этом вопросе более обоснованной является точка зрения А.А. Макареца, который рассуждает следующим образом: «Россия, являясь федеративным государством, состоит из территорий, имеющих определенный правовой статус и называемых субъектами Федерации» как ограниченно правоспособные образования, имеющие черты государственности, входящие в единое федеративное государство. Субъекты федерации «не должны обладать суверенитетом, не имеют право на отделение или сецессию». Автор отмечает и то, что, «...несмотря на провозглашение Конституцией равноправия субъектов, их правовой статус все же не всем одинаков. Отличие вытекает, например, из того, что республики объявлены государствами. В то время как все другие субъекты рассматриваются как государственные образования» [8, с. 219, 220].

Критикуя Конституцию Российской Федерации с точки зрения различных оснований [15, с. 112-135], автор, в частности, полагает, что она «...может быть признана **нелегитимной**» [15, с. 112], приводит следующие факты: по данным Центральной избирательной комиссии РФ, в голосовании приняли участие 58 187 755 зарегистрированных избирателей, что составляет 54,8% от всего избирательного корпуса страны; «...из 89 субъектов России 14 вообще не принимали участие в конституционном референдуме, а 17 высказались против Конституции РФ» [15, с. 113]. Подводя итог негативной оценки содержания Основного Закона страны, можно утверждать, что «...формально-теоретические противоречия... создают угрозу территориальному единству, независимости, социальной, политической и правовой стабильности государства»; «...необходимо принять **новую Конституцию России**, соответствующую политико-правовому сознанию русского народа, закрепляющую принцип абсолютного суверенитета, унитарное государственное устройство с автономиями или тер-

риториальную федерацию с равноправными субъектами, право на труд, а также предоставить народу возможность самостоятельно выбрать форму правления и освободить предпринимателя от рабской кабалы Центрального банка» [15, с. 135]. Кстати говоря, автор, приводя конкретные факты, неоправданно, на наш взгляд, резко отрицательно оценивает некоторые политические решения как президента Б.Н. Ельцина, так и настоящего президента России [15, с. 158].

И таких самобытных суждений автора монографии в работе содержится достаточно много. Профессор А.И. Казанник, также критикуя Конституцию РФ, подчеркивая, что «...в нашей стране многонациональный народ по существу отстранен от власти, принцип народовластия заменен на управляемую или суверенную демократию», тем не менее полагает, что «в сложившихся условиях надо самым решительным образом отказаться от "корректировки" ныне действующей Конституции РФ, пусть даже и авторитарной», ссылаясь при этом на резолюцию 1993 г. Всемирного Конгресса государствоведов в Вене, предупреждающую, что «изменять конституцию в условиях нестабильности нежелательно, а в условиях кризиса – крайне опасно». По мнению ученого, усилия наших ученых должны быть направлены не на поиски реальных или мнимых пробелов и противоречий, дефектов в тексте Конституции РФ, а на разработку механизмов реализации положений Конституции РФ, на ее обеспечение, охрану и защиту [3, с. 88]. В.Е. Чиркин, полагая, что Конституция РФ, не в полной мере учитывает особенности конституционно-правовой мысли, что она готовилась в спешке, без широкого общенародного обсуждения, в условиях жесткого противоборства разных ветвей государственной власти, тем не менее полагает, что «...она содержит необходимые условия для дальнейшего развития страны, и ее возможности следует использовать» [19, с. 6].

Что касается собственно критической части настоящей статьи, которая оправдывает и одновременно обуславливает ее название, то первая может быть сконцентрирована в следующих замечаниях и пожеланиях, адресованных ученому.

4. Легальность и легитимность государственной власти. Автор весьма часто в работе оперирует такими понятиями, как «легальность» и «легитимность», которые необоснованно им отождествляются: «...легитимация политической власти» [15, с. 11]; «государство считается единственным источником права на легитимное насилие» [15, с. 103, 163]; «признание государства международным сообществом означает легитимацию его по отношению к другим государствам» [15, с. 106]; «...текст конституции должен быть... юридически неоспоримым (легитимным)...» [15, с. 112]; «...Основной Закон

Российской Федерации нелегитимен, так как он принят незаконно и меньшинством населения страны» [15, с. 113]; «...ритуал священного коронования и миропомазания на царствие Императора Всероссийского должен был подтверждать легитимную преемственность власти в государстве» [15, с. 183]. Думается, что приведенные примеры обуславливают необходимость определиться в этих понятиях, которые, на наш взгляд, должны различаться [1, с. 46] и пониматься следующим образом. Итак, **легитимная государственная власть** – это власть, соответствующая представлениям народа, общества о ее справедливости, правильности, обоснованности. В основе легитимности лежит вера людей в то, что их блага (материальные и духовные) зависят от сохранения и поддержания данного порядка в обществе, убеждения в том, что существующий порядок выражает их интересы, а такой порядок обеспечивается деятельностью государственной власти. Как верно заметил В.А. Рыбаков, «представляя собой субъективно-эмоциональное отношение народа к власти, легитимность образует как бы внутреннюю гарантию ее устойчивости, обеспечивая повиновение, доверие, политическое участие» [14, с. 47]. Что же касается **легальности государственной власти**, то она означает юридическое обоснование власти, соответствие действий государственных органов существующему в стране законодательству. **Легальная власть** – это власть законная, причем законным должно быть ее происхождение, организация, полномочия, формы и методы деятельности [14, с. 52-53].

5. Понятие и признаки государственного суверенитета. Вряд ли можно согласиться с автором, по мнению которого «признаками суверенитета являются: 1) издание законов, адресуемых всем без исключения подданным (видимо, и гражданам – В.К.) и учреждениям государства; 2) решение вопросов войны и мира; 3) назначение должностных лиц; 4) действие в качестве высшего суда в последней инстанции; 5) осуществление помилования; 6) комплектование собственной армии» [15, с. 102]. Думается, что в данном случае речь идет не о признаках суверенитета, каковыми являются **верховенство, независимость, единство и неотчуждаемость** [13, с. 439-440], а лишь о некоторых направлениях его выражения. Н.А. Пьянов под государственным суверенитетом понимал «...верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене». Поясняя свою позицию, ученый подчеркивал, что верховенство государственной власти внутри страны состоит в том, что государство – это единственная в обществе политическая организация, власть которой является определяющей и распространяется на всю территорию страны и всех, кто на ней находится. Независимость государственной власти

на международной арене выражается в ее самостоятельности в отношениях с другими государствами, а также международными организациями [12, с. 51]. И.Д. Левин, определяя суверенитет как «...состояние полновластия государства на своей территории и его независимость от других государств», который предполагает, что в данном организованном в государство обществе публичная власть выступает от имени государства, подчеркивает, что она объединяет в себе следующие необходимые признаки: 1) единство власти, выражающееся в наличии единого высшего органа или системы органов, составляющих в своей совокупности высшую государственную власть; 2) монополия или концентрация властного принуждения в руках государства в лице его органов; 3) неограниченность государственной власти; 4) внешняя независимость власти государства [7, с. 71-72].

На наш взгляд, государственный суверенитет – это верховное, неотчуждаемое право государства самостоятельно решать свои вопросы внутреннего и внешнего характера, соблюдая законность и общепризнанные принципы и нормы международного права. Иными словами, это свойство государственной власти самостоятельно и независимо от власти других государств осуществлять свои функции на собственной территории и за ее пределами в международном общении: это независимость государственной власти от всякой иной власти (политической и идеологической) внутри страны и вне ее, выраженная в ее исключительном, монопольном праве самостоятельно и свободно решать свои дела. С юридической точки зрения суверенитет проявляется в исключительном праве на издание законов, других нормативно-правовых актов, обязательных для всех, а также актов правоприменения, имеющих государственно-властный характер; в законном применении силы, в т.ч. физической. Думается, что весьма точно определял сущность суверенитета государства русский юрист Н.И. Палиенко, говоря, что «суверенитет является не только исторической категорией, но и характеризует юридическую природу осуществляющегося государственного властвования, является тем необходимым критерием, который дает возможность отличить государство от других публично-правовых союзов, отграничить сферу властвования каждого государства как субъекта суверенной власти в пределах своей территории от сферы власти других государств» [10, с. 566].

Интересно заметить, что далее в работе автором монографии отмечается, что «...Россия не Португалия (вряд ли так можно рассуждать, ибо все государства рассматриваются и должны рассматриваться как полноценные суверенные образования – В.К.), она не может отказаться от суверенитета, то есть от своего **независимого** государственного строительства и

юридического бытия» [15, с. 125], а суверенитет государства понимается как «...независимость внутри страны и на международной арене» [15, с. 126].

6. Профессионально-правовая культура. Рассматривая профессиональный уровень правовой культуры, который «обычно приписывают юристам и всем тем, кто связан с правовой деятельностью» [15, с. 25], автор неоправданно отождествляет его с теоретическим уровнем, присущим ученым правоведом [15, с. 25]. К такому выводу можно прийти, имея в виду его дальнейшие рассуждения. Так, говоря о профессиональном правосознании, выступающем основой профессионально-правовой культуры, А.В. Серегин полагает, что это правосознание «людей, профессионально занимающихся деятельностью, требующей специальной образовательной и практической подготовки»; «в данную общность людей входят и лица, занимающиеся научным трудом, преподающие юридические дисциплины в высших и средних специальных заведениях» [15, с. 64]. Полагаем, что профессионально-правовая культура предполагает глубокие, объемные и формализованные знания законов и подзаконных нормативных правовых актов, а также иных юридических источников права, правильное понимание принципов права и задач правового регулирования, профессиональное отношение к праву и практике его применения в строгом соответствии с правовыми предписаниями или принципами законности, т.е. высокую степень овладения правом в предметно-практической деятельности. Нетрудно понять, что речь идет о таких ее носителях, как правоприменяющие субъекты, а ее основой выступает профессионально-правовое сознание, складывающееся в ходе специальной юридической подготовки и при осуществлении практической юридической деятельности. Подобной точки зрения придерживается профессор В.И. Червонюк, полагая, что носителем профессиональной правовой культуры является группа людей, профессионально вовлеченных в юридическую практику, т.е. осуществляющих правовую деятельность на профессиональных началах. Ученый, во-первых, отмечает, что ее отличают высокая степень знания права, глубокое понимание и оценка правовых явлений, уважительное отношение к праву, юридической профессии, убежденность в полезности (ценности) юридического инструментария, способность эффективно использовать правовые средства для осуществления целей и задач профессиональной деятельности; каждая юридическая профессия определяет и особенности правовой культуры, например, судей, прокурорских работников, сотрудников мили-

ции (сегодня полиции – В.К.), адвокатов и юрисконсультов и др. [18, с. 467].

Более того, следует заметить, что автор монографии, противореча самому себе, в дальнейшем подчеркивает, что «профессиональной правовой культуре присуща более высокая степень знания и понимания правовых явлений в соответствующих областях профессиональной деятельности», называя таких ее носителей, как судьи, прокурорские работники, сотрудники органов внутренних дел, юрисконсульты, адвокаты и т.д. [15, с. 65]. Или другое утверждение ученого, который считает, что «правосознание юриста... отражает особенности юридической профессии как таковой (профессиональное правосознание) и особенности такого вида деятельности, как применение права» [15, с. 67]. Кстати, заметим в этой связи, что представляется весьма неудачным такое авторское выражение, как «...практические работники юридических учреждений» [15, с. 58].

7. Выводы. В заключение настоящего научного исследования следует подчеркнуть, что, во-первых, оно может послужить основой для последующих изданий этой, без сомнения, интересной работы, при условии признания автором сделанных нами замечаний обоснованными и дельными; во-вторых, и это главное, лишний раз подтверждает базовую, методологическую роль общей теории государства по отношению к другим юридическим наукам, в т.ч. историко-правового характера [4, с. 171-172], к которым относится анализируемая монография. Последнее утверждение является истинным, несмотря на то, что в литературе имеет место точка зрения, согласно которой «история государства и права является базовой по отношению к теории государства и права», ибо «последняя черпает в истории материалы для логических обобщений, для построения теоретических абстракций» [13, с. 13], вопреки воззрению российских ученых о том, что «теория государства и права в современных условиях выполняет функцию обслуживания официальной идеологии, а понятия "права человека", "правовое государство" представляют такие же идеологические штампы, какими прежде были "общенародное государство" или "социалистическая демократия", которые полагают, что традиционную для теории государства и права методологическую и отчасти футурологическую функцию выполняют сейчас отраслевые науки, в связи с чем теория утрачивает значение фундаментальной, обобщающей юридической науки» [11, с. 224].

Литература

1. Аврутин Ю.Е. Государство и право. Теория и практика: учебное пособие. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. 479 с.

2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Н.К. Мартынов, 1908. 626 с.
3. Казанник А.И. Теоретические и практические проблемы реализации норм Конституции Российской Федерации // Проблемы правоприменения в современной России: сборник мат-лов научно-практ. конф-ции. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2010. С. 81-88.
4. Кожевников В.В. Еще раз о проблемах теории государства и права // Современное право. 2012. С. 171-172.
5. Кожевников В.В. К проблеме всеобщего философского метода познания государственно-правовых явлений // Омские чтения: мат-лы Всероссийской научно-практ. конф-ции. Омск: ОмГУ им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 816-818.
6. Кожевников В.В. Методологические проблемы общей теории государства и права // Современное право. 2018. № 7-8. С. 135-140.
7. Левин И.Д. Суверенитет: монография. СПб.: Из-во «Юридический Центр Пресс», 2003. 373 с.
8. Макарец А.А. Конституционное право: учебное пособие. Новосибирск: НГТУ, 2013. Ч. 1. 320 с.
9. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2007. 448 с.
10. Палиенко Н.И. Суверенитет. Историческое развитие идеи суверенитета и ее правовое значение. Ярославль: Тип. Губ. правления, 1903. 591 с.
11. Поляков А.В., Тимошин Е.В., Ромашов Р.А. Теория государства и права на рубеже веков // Правоведение. 2000. № 3. С. 240-246.
12. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: учебное пособие. Иркутск: Иркутский гос. ун-т, 2010. 583 с.
13. Радько Т.Н., Лазарев В.В., Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М.: Проспект, 2012. 568 с.
14. Рыбаков В.А. Проблемы теории государства и права: курс лекций. Омск: ООО «Издат. дом "Наука"», 2006. 448 с.
15. Серегин А.В. Духовно-нравственное учение о правовой культуре: монография. М.: Юрлитинформ, 2016. 336 с.
16. Сурилов А.В. Теория государства и права: учебное пособие. Киев; Одесса: Вища школа, 1989. 439 с.
17. Сырых В.М. Логические основания общей теории права: в 2 т.; т. 1: Логические основания общей теории права. М.: ЗАО Юстицинформ, 2004. 528 с.
18. Червонюк В.И. Теория государства и права: учебник. М.: ИНФРА-М, 2006. 704 с.
19. Чиркин В.Е. Россия, Конституция, достойная жизнь: анализ взаимосвязей // Государство и право. 2006. № 5. С. 5-13.

Административное право и административный процесс

УДК 351.745

О.В. Бунова

адъюнкт Краснодарского университета МВД России

E-mail: bunova_oksana@mail.ru;

А.Н. Кучмезов

Ростовский юридический институт МВД России

E-mail: rustam.kuchmezov.90@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ ПРИ ВОЗНИКНОВЕНИИ ПРИРОДНОЙ ИЛИ ТЕХНОГЕННОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ В УСЛОВИЯХ КУРОРТНОГО РЕГИОНА

В условиях непрерывного развития российского общества особую актуальность приобретают вопросы обеспечения общественного порядка и безопасности в местах массового присутствия людей. В этой связи проблемные аспекты реализации полномочий участкового уполномоченного полиции в условиях возникновения природной или техногенной чрезвычайных ситуаций на курортных территориях нашей страны не перестают вызывать интерес ученых и практиков. Социальная жизнь курортных регионов имеет свою специфику, что обуславливает особенности совершаемых преступлений и правонарушений. Поэтому в настоящее время повышение уровня эффективности деятельности участковых уполномоченных полиции является одним из приоритетных направлений, особенно при возникновении чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера.

Ключевые слова: участковый уполномоченный полиции, чрезвычайные ситуации, административный участок, курортный регион, ликвидация ЧС, защита граждан, общественные объединения и организации.

O.V. Bunova

postgraduate student of Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: bunova_oksana@mail.ru;

A.N. Kuchmezov

Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: rustam.kuchmezov.90@mail.ru

FEATURES OF WORK OF DISTRICT POLICE OFFICERS IN NATURAL OR TECHNOGENIC EMERGENCY SITUATIONS IN THE CONDITIONS OF THE RESORT REGION

Questions of ensuring public order and safety in places of public concourse acquire special relevance in the conditions of continuous development of the Russian society. In this regard, scientists and practitioners do not cease to be interested in problem aspects of powers exercise by district police officer in the conditions of natural or technogenic emergency situations in resort territories of our country. Social life of resort regions has their specificity that causes features of the committed crimes and offenses. It, in turn, demands additional scientific research and development of reasonable offers. Now activity of district police officers is a powerful resource in crime counteraction, therefore increase in efficiency level of their activity is one of the priority directions, especially in emergency situation of natural or technogenic character.

Key words: district police officer, emergency situations, administrative district, resort region, emergency response, protection of citizens, public associations and organizations.

Защита государственных, общественных и частных интересов от поражения природными или техногенными факторами при возникновении чрезвычайной ситуации (далее – ЧС) включена в содержание обеспечения общих национальных интересов государства. Для защиты населения и территории нашей страны от негативных, порой разрушительных и опасных последствий чрезвычайных обстоятельств техногенного и природного характера применяются необходимые силы и средства многих государственных органов.

Основные функции в этой сфере возложены на сотрудников Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий. В соответствии с требованиями Указа Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» министерству и его структурным подразделениям тоже характерно такое направление деятельности в рамках определенных правоохранительных функций органов внутренних дел.

Сокращение эффекта от государственной контрольно-надзорной деятельности влияет на результативность усилий по предупреждению и сдерживанию поражающего воздействия таких явлений и повышает возможность возникновения каких-либо катастроф. Подобное состояние особенно актуально для территорий, в которых временно или постоянно образуется проблема значительного сезонного присутствия туристов либо граждан, прибывающих на курортный отдых.

Опираясь на мнение, представленное в исследованиях Ю.Л. Воробьева и Н.Н. Локтионова, подчеркнем, что «под ситуаций природного или техногенного характера следует понимать обстановку на определенной территории, сложившуюся в результате опасного явления природного или техногенного характера, создающую реальную угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства или уже повлекшую многочисленные жертвы, значительные материальные потери, нарушение условий жизнедеятельности людей, ущерб окружающей природной среде и для ликвидации которой требуются неотложные и специальные меры правового, организационного и иного характера» [1, с. 46].

Для таких ситуаций характерными могут быть серьезное землетрясение, сход снежной лавины, селевой поток, смерч, сопровождающиеся подтоплением значительной территории, а возможно даже природными пожарами. Аварии поездов, водного транспорта, возгорания и взрывы на производстве и

транспорте обычно рассматриваются как техногенная ЧС. Кроме того, заслуживают внимания мнения А.С. Шиенковой и А.М. Подгайнова, которые в своем исследовании отмечают, что «реализация обсуждаемого направления деятельности участковых уполномоченных полиции способствует предупреждению таких чрезвычайных обстоятельств, как общественные беспорядки, резкое ухудшение криминогенной обстановки. Что, безусловно, положительно влияет на повышение эффективности охраны общественно-порядка и общественной безопасности» [8, с. 76].

Представленные аргументы позволяют определить природные и техногенные ЧС, возникшие на территории курорта или в непосредственной близости к нему, как создавшееся состояние общественных отношений, представляющее реальную угрозу постоянным жителям и гражданам, прибывшим к месту отдыха, для устранения которой необходимо введение специального правового режима и проведение специальных мероприятий.

Природные и техногенные ЧС не образуют и не содержат признаков состава преступления или административного правонарушения, тем не менее возникновение таких условий возлагает на органы внутренних дел конкретные задачи. Соответственно, для очевидности попытаемся рассмотреть их специфику на примере реализации служебных полномочий участковым уполномоченным полиции (далее – УУП) при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в условиях курорта.

Российская Федерация в сравнении с государствами, территории которых охвачены опасными сейсмозонами, находится в секторе незначительной сейсмичности, однако некоторые курортные местности на Северном Кавказе и на черноморском побережье обладают достаточно высоким уровнем сейсмоактивности. Кроме этого, следует отметить, что на Северном Кавказе периодически происходят селевые оползни. На некоторых территориях черноморского побережья, а также Кавказских минеральных вод в летнее и осеннее время часто возникают возгорания лесных массивов, которые примыкают к туристическим базам, санаторным территориям и другим участкам отдыха.

Окружающая природная среда с ее естественными факторами сохраняет значительную возможность для создания вредных и опасных условий, т.к. практически слабо обусловлена состоянием законодательства. В свою очередь, правовая основа административной деятельности УУП в условиях возникшей ЧС обусловлена содержанием законодательства, регламентирующего деятельность Единой государственной системы предупреждения и ликвидации ЧС, в которую структурно включены органы

внутренних дел. Безусловно, в первую очередь следует назвать Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» [6], обладающий бланкетной связью с нормами Федерального закона от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» [7].

Для того чтобы обеспечить достаточное количество мобильных сил в случае возникновения ЧС, статьей 37 федерального закона определено возможное изменение без согласования с сотрудником времени нахождения на служебном месте на протяжении шестимесячного срока. Федеральным законом также предусмотрены для сотрудников полиции в такой период службы дополнительные обязанности и дополнительные ограничения. Все это, безусловно, имеет отношение и распространяется на административную деятельность участкового уполномоченного полиции в условиях возникновения ЧС.

Сегодня усилия для защиты граждан от ЧС любого вида отнесены к комплексу мер по обеспечению национальной безопасности, которые объединены по критериям времени, места и ресурсов, и осуществляются специальными субъектами. Практические действия УУП на административном участке в курортной зоне в первую очередь направлены на обеспечение приемлемой степени жизнедеятельности граждан, охрану всех видов собственности, обеспечение общественной безопасности. Воплощение в действительность правовых позиций общественной безопасности, содержащихся в законах и подзаконных актах самостоятельно и в координированном сочетании с общественными объединениями и отдельными гражданами, предусматривает со стороны УУП совокупное множество мероприятий:

- по прогнозированию возможных угроз общественной безопасности в пределах собственных прав и обязанностей;
- квалифицированному реагированию на сигналы о возникших угрозах;
- устранению возникших последствий.

Характерными в работе по обеспечению общественной безопасности УУП на территории курортного региона являются мероприятия, включаемые в первую группу. Первоочередные действия по осуществлению административного надзора за объектами, состояние которых подлежит обязательному лицензированию. Насколько правомерные действия отдельных граждан и юридических лиц соответствуют порядку использования предмета или процесса, являющегося возможным источником природной или техногенной ЧС, расположенного в пределах административного участка.

Эффективное проведение данных мероприятий требует от УУП основательного знания обслужива-

емой территории, природных и социально-культурных курортных территорий, востребованных отдыхающими, детских объектов отдыха, официальных и спонтанных автомобильных стоянок и т.п.

Информация о нарушении общественного порядка и безопасности может поступить с муниципальной территории, совпадающей с административным участком участкового уполномоченного:

1. Из результатов профилактического обхода дворов многоквартирных домов и частного сектора, в ходе обследования чердаков и подвалов пустующих строений. При проведении профилактического обхода обслуживаемой территории УУП обязан посещать расположенные на ней здания, строения и сооружения в целях предупреждения правонарушений, знакомства с сотрудниками и руководителями объектов, проведения правового информирования, внесения в паспорт на административный участок информации, характеризующей указанные объекты. В частности, в паспорт на административный участок заносятся особо важные объекты и объекты жизнеобеспечения. Под особо важным объектом понимается объект, имеющий социальную, материальную, историческую, научную, художественную или культурную ценность федерального или регионального значения. Например, здания органов государственной власти, местного самоуправления, объекты производства и хранения оружия, боеприпасов, изготовления и хранения денежных средств и ценностей, добычи, переработки и хранения драгоценных металлов и драгоценных камней, картинные галереи, музеи-усадыбы, музеи-храмы, дворцово-парковые ансамбли, монастыри и др. Объектом жизнеобеспечения принято считать объект, на котором сконцентрированы жизненно важные материальные, финансовые средства и услуги, сгруппированные по функциональному назначению и используемые для удовлетворения жизненно необходимых потребностей населения.

2. Во время работы по приему населения и рассмотрению обращений граждан [5, с. 55]. Подразделениями УУП в Российской Федерации на протяжении года работы принимается к рассмотрению более 10 млн обращений, в результате чего только в 2017 г. данными должностными лицами по всей стране выявлено почти три миллиона административных правонарушений. Любым путем обретенные данные о возникновении ЧС незамедлительно направляются для регистрации в территориальный отдел МВД России.

3. При взаимодействии с линейными подразделениями органов внутренних дел, обслуживающих водный, железнодорожный и воздушный транспорт на курортной территории. Также данные, необходимые для профилактической работы УУП, поступают из подразделений ППС или Росгвардии.

4. Из дежурных частей территориальных отделов органов внутренних дел.

Отметим также то обстоятельство, что правонарушения, способствующие происхождению ЧС природного и техногенного характера, так же, как федеральным законодательством, возможно определить и законодательством отдельных субъектов, которые Правительством Российской Федерации возведены в статус курортов.

На наш взгляд, в перечень составов административных правонарушений, которые могут способствовать образованию или формированию природного и техногенного фактора в курортном регионе, можно ввести такие, для которых УУП не обладает юрисдикционными полномочиями, но в соответствии с ведомственными нормативно-правовыми документами может или даже обязан немедленно представлять информацию о их обнаружении компетентным государственным или муниципальным органам власти либо их должностным лицам с предложением об оперативном реагировании. Известны случаи грубого игнорирования противопожарного режима в непосредственной близости к курортным населённым пунктам, послужившие поводом к возникновению чрезвычайной ситуации.

В частности, летом 2015 г. на одной из курортных территорий черноморского побережья имела место чрезвычайная ситуация, сопровождающаяся пожароопасностью 5 класса. Опасность обширного возгорания лесных массивов проявилась в западной, северо-восточной и центральной частях черноморского побережья. Поводом к началу противопожарных действий послужила информация, которая поступила УУП от отдыхающих лиц, первыми обнаружившими распространение огня.

В законе Краснодарского края статьей 2.7 рассматривается в качестве административного правонарушения невыполнение в официально определенное время предписаний комиссий, создаваемых для предупреждения и устранения чрезвычайных ситуаций. Аналогичное административное правонарушение предусматривается в Кодексе Калининградской области об административных правонарушениях.

В зоне постоянного внимания УУП, выполняющих свои задачи в курортных регионах, следует держать составы административных правонарушений, предусмотренные статьей 3.2 закона Краснодарского края, устанавливающие ответственность за нарушение правил благоустройства, и статьей 49 закона Ставропольского края, которой установлена ответственность за невыполнение обязанностей по уборке мусора. Суть данных составов состоит в захламлении дворов, придомовых территорий, улиц бытовыми отходами, в организации несанкционированных свалок бытовых и производственных отходов. Именно та-

кие недостатки послужили основанием для введения главой города Сочи на территории Адлерского района и в поселке Кудепста Хостинского района режима чрезвычайной ситуации. После сильных ливней в конце июня 2015 г. были затоплены центральные улицы Сочи и Адлера, вода поднялась до уровня капотов машин. Основной причиной данной ситуации явилось засорение ливневой канализации, которая не справляется с дождевыми потоками.

Для второй группы мероприятий, связанных с реагированием УУП на признаки возникающих угроз ЧС, свойственна определенная специфика. Сразу необходимо указать на обстоятельства первичного этапа возникновения ЧС, когда УУП выполняет большую физическую и интеллектуальную нагрузку, опосредованную характером курортной территории. Особого внимания требует обстановка, в которой характерные черты природной или техногенной ЧС проявляются и становятся явными, но:

а) режим ЧС не утвержден, и должным образом пределы его действия не известны;

б) еще не реализуются специальные планы работы специальных субъектов устранения ЧС;

в) при ЧС, связанной с наводнением, сходом лавины, селом, землетрясением, возможны затруднения по своевременному прибытию личного состава и техники спасательных подразделений и пожарных.

Такое состояние отношений, не охваченное рамками единого порядка устранения ЧС, оставляет за УУП инициативу оповещения граждан и юридических лиц, расположенных в курортном муниципальном образовании [3, с. 128], и начала спасательных работ на обслуживаемой территории, оказания первой помощи гражданам, пострадавшим в результате ЧС, а также их эвакуации при необходимости. При этом даже локализация или устранение поражающего фактора задачу УУП по охране общественного порядка не отменяют.

Специальных усилий требует работа по обеспечению охраны имущественных ценностей, оставленных эвакуированным населением, по выявлению и пресечению действий мародёров на территории, охваченной ЧС.

Исследования указывают на очевидность того, что во время землетрясения жители многоэтажных домов стремятся выбраться на «безопасные» улицы населенного пункта, однако при отсутствии освещения, ночью либо при повреждении линий энергоносителей такие действия сопровождаются травмами разного характера, паникой и т.п. Непосредственное присутствие УУП на своем административном участке, квалифицированное и своевременное объявление гражданам, испытывающим страх (тревогу), условий совместного согласованного поведения, исключение

слухов и паники являются безусловным профилактическим и стабилизирующим фактором.

На сегодняшний день в России созданы и действуют такие известные общественные формирования, как, например, Всероссийское объединение «Российские спасатели» (ВОО Росспас), а также общественное объединение «Спасатель», которые формируются на добровольных началах из студентов-волонтеров; общественные команды пожарных и т.п. Такого характера волонтерские формирования, направленные на ликвидацию чрезвычайной ситуации, обладают общими чертами, основной среди которых является оказание инициативной помощи специалистам и отдельным подразделениям государственной службы МЧС в выполнении стоящих перед ними задач [2]. Допустима идея об оказании такими добровольными формированиями содействия УУП в зонах сочетания их полномочий, однако проведенный анализ указывает на то, что такие добровольные формирования организуются по отраслевому принципу, и основной задачей для них является оказание помощи при предотвращении чрезвычайных ситуаций по согласованию и скоординировано с профессиональным подразделением МЧС.

В курортных регионах РФ создаются и функционируют такого рода волонтерские объединения. Например, в Краснодарском крае образованы аварийно-спасательные службы внештатного и общественного характера. Соответственно, УУП, реализующий свои полномочия при возникновении природной или техногенной ЧС, располагает возможностью взаимодействия с иными субъектами. Иначе говоря, в условиях анализируемого этапа возникшей ЧС УУП должен организовать участие внештатных сотрудников полиции и казачьих дружин, что более типично в курортных регионах.

С введением специальных планов и прибытием главных сил и средств предупреждения и ликвидации ЧС персональная инициатива УУП исчерпана, а свои служебные полномочия он реализует в условиях работы сводных отрядов полиции.

Большие катастрофы, произошедшие за последнее время, дают нам понять, что невозможно создать действующую систему защиты граждан от стихийных бедствий и чрезвычайных ситуаций без использования усилий населения. В статье 15 федерального закона «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» устанавливается нормативная база для использования сил общественных объединений в ликвидации последствий ЧС. Им дана возможность при-

нимать участие в мероприятиях по защите граждан и территорий от чрезвычайных ситуаций согласно своим учредительным документам под руководством определенных органов управления единой государственной системы предупреждения ЧС.

Напрашивается вывод о том, что в условиях возникновения чрезвычайной ситуации природного или техногенного характера УУП, осуществляющий свою служебную деятельность, может рассчитывать на взаимодействие с общественными объединениями. Иначе говоря, на анализируемом этапе развития чрезвычайной ситуации участковый уполномоченный полиции организует совместную деятельность с внештатными сотрудниками и казачьими дружинами, что наиболее характерно для курортных территорий.

Служба участковых уполномоченных полиции является центральным связующим звеном ведомства с гражданами, гарантом защиты их прав и свобод [4, с. 205]. Вопросы безопасности на курортных территориях нашей страны связаны с увеличением спроса, что, в свою очередь, требует дополнительных научных исследований и разработки обоснованных суждений. От эффективной деятельности службы участковых уполномоченных полиции на курортных территориях зависят обеспечение основополагающих прав и свобод человека и гражданина, имидж региона и государства в целом. Все этого говорит о необходимости дальнейшего изучения данной тематики и нахождения новых подходов к решению задач, стоящих перед органами внутренних дел.

С учетом изложенного допустимо предложение о разработке и внесении в ведомственный нормативный правовой акт, регламентирующий несение службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организацию этой деятельности, специального раздела «Служба участкового уполномоченного полиции, сопряженная с возникновением чрезвычайной ситуации природного или техногенного характера» с указанием следующих позиций:

- действия по обнаружению и оценке угроз объектам жизнеобеспечения в пределах административного участка;
- действия по формированию и осуществлению связи со специальными государственными и муниципальными подразделениями для предупреждения и ликвидации стихийных бедствий;
- первоначальные действия УУП по локализации и устранению факторов, угрожающих общественной безопасности и поддержанию правопорядка в случаях возникновения ЧС.

Литература

1. Катастрофы и человек. Книга 1: Российский опыт противодействия чрезвычайным ситуациям: монография / Ю.Л. Воробьев, Н.И. Локтионов, М.И. Фалеев, М.А. Шахрамьян, С.К. Шойгу, В.П. Шолох; под ред. Ю.Л. Воробьева. М.: АСТ-ЛТД, 1997. 256 с.

2. Конушкин В.В. Как защититься от стихии. О результатах прокурорского надзора за исполнением законодательства в сфере защиты населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // Прокурор. 2012. № 4. С. 128-131.
3. Кучмезов Р.Н. Особенности административной деятельности участкового уполномоченного полиции в курортном регионе: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2016. 187 с.
4. Репьев А.Г. Деятельность службы участковых уполномоченных полиции в период реформирования системы МВД России: историко-правовой и прикладной аспекты // Вестник Воронежского института МВД России. 2013. № 3. С. 203-206.
5. Репьев А.Г. Обеспечение прав и законных интересов личности при рассмотрении участковым уполномоченным полиции заявлений и сообщений граждан: региональный аспект // Вестник Томского государственного университета. Право. 2016. № 2 (20). С. 54-60.
6. Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.
7. Собрание законодательства РФ. 1994. № 35. Ст. 3648.
8. Шиенкова А.С., Подгайный А.М. Роль участкового уполномоченного полиции в охране общественного порядка и обеспечении общественной безопасности при возникновении чрезвычайных обстоятельств // Юрист-Правовед. 2018. № 4 (87). С. 76-80.

УДК 351.745.5

А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: grischakov@buimvd.ru

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАСТКОВЫХ УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПОЛИЦИИ: АНАЛИЗ ДОСМОТРОВЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Статья посвящена вопросам административного принуждения в деятельности участкового уполномоченного полиции. Даются определение административного принуждения, основные отличительные признаки и классификация. С учетом специфики административной деятельности участковых уполномоченных полиции исследуются правовые основания и порядок проведения личного досмотра граждан и находящихся при них вещей. При этом анализируются ситуации, при которых досмотровые мероприятия могут осуществляться без понятых с применением видеозаписи. Кроме этого, рассматривается последовательность действий участкового уполномоченного полиции при проведении досмотра транспортного средства. В заключение предлагаются авторские инициативы, направленные на совершенствование административного законодательства, позволяющие оперативно осуществлять процессуальное закрепление доказательств и обеспечивать безопасность понятых.

Ключевые слова: административно-правовое принуждение, меры административного предупреждения, группы, классификация, участковый уполномоченный полиции, административный участок, личный досмотр граждан и находящихся при них вещей, досмотр транспортных средств, понятые, достаточные основания, личная безопасность.

A.G. Grishakov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: grischakov@buimvd.ru

ADMINISTRATIVE AND LEGAL ENFORCEMENT IN THE ACTIVITY OF DISTRICT POLICE OFFICERS: AN ANALYSIS OF INSPECTION ACTIVITIES

The article is devoted to the issues of administrative enforcement in the activity of the district police officer. The definition of administrative coercion, the main distinguishing features and classification are given. Taking into account the specifics of the administrative activities of district authorized police officers, the legal grounds and the procedure for conducting a personal search of citizens and their belongings are examined. The situations in which screening events can be carried out without witnesses using video recording are analyzed. In addition, the sequence of actions of the authorized police during the examination of the vehicle is considered. In the conclusion, author's initiatives are proposed, aimed at improving administrative legislation, allowing to quickly carry out the procedural consolidation of evidence, and to ensure the safety of witnesses.

Key words: administrative and legal enforcement, measures for administrative warning, groups, classification, district police officer, administrative area, personal inspection of citizens and their belongings, inspection of vehicles, witnesses, just cause, personal safety.

Участковый уполномоченный полиции осуществляет защиту основных прав и свобод граждан от преступных и иных противоправных посягательств на территории обслуживаемого административного участка. Вполне очевидно, что по результатам деятельности участкового уполномоченного полиции дается оценка Министерству внутренних дел Российской Федерации в целом, а также формируется общественное мнение и доверие граждан к работе полиции.

В настоящее время в МВД России уделяется большое внимание проблемам, имеющимся в деятельности участковых уполномоченных полиции. В частности, на расширенном заседании коллегии МВД России по итогам работы за год генералом полиции Российской Федерации В.А. Колокольцевым было указано, что «нагрузка на участковых уполномоченных полиции остается весьма высокой, в связи с чем иных путей оптимизации их деятельности, кроме как освобождение от несвойственных или избыточных функций, нет. Кроме этого, завершается подготовка концепции развития данной службы, предусматривается повышение уровня ресурсной обеспеченности участковых уполномоченных полиции»¹.

Вполне очевидно, что без решения существующих на сегодняшний день проблем невозможно эффективное выполнение основных направлений деятельности участковых уполномоченных полиции, в т.ч. профилактической работы на обслуживаемых участках, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений, обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, работы с обращениями граждан.

В образовательных организациях МВД России проводится большая работа по подготовке фундаментальных научных трудов, учебно-практических пособий и методических рекомендаций для территориальных органов по основным направлениям деятельности полиции. В данной научной статье обратим внимание на отдельные аспекты административной деятельности участкового уполномоченного полиции, связанные с реализацией административно-правового принуждения.

Административно-правовое принуждение предназначено для охраны общественных отношений в сфере государственного управления и представляет собой особый вид правового принуждения, состоящий в применении субъектами публичной функциональной власти установленных нормами административного права принудительных мер в связи с неправомерными действиями [2, с. 444-445].

Заметим, что административно-правовое принуждение в деятельности участковых уполномоченных полиции является неотъемлемой частью мер, направленных на защиту прав и законных интересов граждан, охрану общественного порядка и обеспечение общественной безопасности на территории административного участка. Необходимо также учитывать, что федеральным законодательством определена компетенция участковых уполномоченных полиции по применению мер административного принуждения в процессе правоприменительной деятельности.

В научных кругах не утихает дискуссия по вопросам классификации, основных признаков и характеристики мер административно-правового принуждения. Проведенный анализ научной и учебной литературы, посвященной рассматриваемой проблематике, позволяет констатировать наличие различных подходов к определению понятийного аппарата мер административно-правового принуждения [1, 5, 10, 12].

Впрочем, справедливо отмечено, что административное принуждение, с одной стороны, является одним из методов государственного управления, а с другой стороны, представляет собой часть государственного принуждения и в связи с этим обладает многими чертами последнего. Вместе с тем для административного принуждения, как и для других составляющих государственное принуждение отраслевых видов, характерен ряд отличительных признаков [9, с. 8].

Высоко оценивая труды ученых [4, 7, 8, 13], работающих в данном направлении, полагаем, что административное принуждение следует рассматривать как составную часть государственного принуждения с учетом того, что такое принуждение основывается на нормах административного права. Вполне очевидно, что административное принуждение в деятельности участковых уполномоченных полиции представляет собой вид государственного принуждения, урегулированный нормами административного права, применяемый в установленных процессуальных формах и направленный на выполнение юридических обязанностей нарушителями законодательства.

Мониторинг практики показывает, что при проведении участковым уполномоченным полиции ежедневного профилактического обхода, а также в процессе административной деятельности на территории обслуживаемого участка административное принуждение охватывает разнородные по характеру и целевому назначению меры, которые можно классифицировать по различным основаниям. Кроме этого, внутренняя неоднородность мер административного принуждения, вызванная разнообразием целей, оснований, объектов принудительного воздействия

¹ Доклад Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В.А. Колокольцева (г. Москва, 28 февраля 2019 г.).

и порядка применения, обуславливает объективную необходимость их научной классификации. При этом классификация мер административного принуждения способствует процессу дальнейшего совершенствования и систематизации законодательства в данной сфере [9, с. 14].

Исходя из целей использования способов обеспечения правопорядка, специфики возникающих при этом правоотношений и особенностей применяемых мер административного принуждения, последние можно подразделить на четыре группы: меры административного предупреждения (административно-предупредительные меры), меры административного пресечения, меры административно-процессуального обеспечения и административные наказания [11, с. 23].

В настоящее время отдельные исследователи в самостоятельную группу мер административного принуждения стали выделять восстановительные меры по делам об административных правонарушениях. Так, предложена система правовых средств, включающая в себя: административно-восстановительные меры; меры административного пресечения; меры административной ответственности (административные наказания); меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях [9, с. 17].

Анализ правоприменительной деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции позволяет нам утверждать, что сотрудники указанных подразделений полиции при реализации приоритетных направлений деятельности на территории обслуживаемого участка применяют различные меры административного принуждения. Полагаем, что к ним следует отнести меры административного предупреждения, меры административного пресечения, меры административно-процессуального обеспечения и меры административной ответственности.

В этой связи, учитывая имеющуюся компетенцию участковых уполномоченных полиции, позволяющую использовать практически весь арсенал административно-правового принуждения, хотелось бы уделить особое внимание досмотровым мероприятиям, применяемым в рамках как административного предупреждения, так и административно-процессуального обеспечения. Напомним, что участковый уполномоченный полиции, обслуживая территорию административного участка, в целях выполнения возложенных на него обязанностей вправе осуществлять различные досмотровые мероприятия, закрепленные в Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции».

К их числу относится личный досмотр граждан, досмотр находящихся при них вещей, а также досмотр их транспортных средств при наличии данных

о том, что эти граждане имеют при себе оружие, боеприпасы, патроны к оружию, взрывчатые вещества, взрывные устройства, наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры либо ядовитые или радиоактивные вещества. На сегодняшний день определена возможность проведения указанных досмотровых мероприятий в рамках законодательства об административных правонарушениях, реализуемых участковым уполномоченным полиции в процессе административной деятельности на территории обслуживаемого участка. Основанием для проведения досмотра будут являться достоверные сведения, полученные от третьих лиц или в результате личного наблюдения, дающие основание предполагать о наличии у граждан предметов, устройств или веществ, ограниченных или запрещенных в свободном обороте.

В качестве примера можно привести ситуацию, когда участковый уполномоченный полиции в процессе осуществления профилактического обхода административного участка получил информацию от граждан о наличии у какого-либо лица наркотических средств или психотропных веществ, которые он потребляет в общественном месте. Другим наглядным примером может служить ситуация, при которой сотрудник полиции стал непосредственным очевидцем манипуляций с оружием или боеприпасами со стороны граждан (извлечение из карманов одежды, демонстрация или передача другим лицам, использование в качестве подручных средств и пр.). Очевидно, что в данном случае у участкового уполномоченного полиции появляются законные основания для применения административно-предупредительных мер посредством проведения личного досмотра и досмотра вещей, находящихся при физическом лице.

Напомним, что личный досмотр производится участковым уполномоченным полиции только в отношении лица одного пола в присутствии двух понятых того же пола. Вместе с тем в исключительных случаях при наличии **достаточных оснований** полагать, что при физическом лице находятся оружие или иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр и досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых [6].

Представляется, что достаточные основания определяются поведением правонарушителя (агрессивность, отказ выполнить законные требования должностных лиц, оказание сопротивления), характером совершенного правонарушения (стрельба в общественных местах, мелкое хулиганство), показаниями свидетелей и потерпевших (об угрозе применения оружия или иных предметов, их демонстрация). Кроме этого, к их числу может относиться вывод должностного лица, основанный на непосред-

ственном восприятии, о наличии в карманах или под одеждой физического лица предметов, похожих на оружие, либо наличие ориентировки, что лицо, находящееся в розыске, вооружено [3].

Таким образом, законодатель не только обеспечил правовые гарантии личной безопасности участкового уполномоченного полиции, производящего личный досмотр и досмотр вещей предположительно вооруженного лица, но и исключил возможность причинения какого-либо вреда гражданам, участвующим в процессуальных действиях. В то же время в процессе административной деятельности полиции могут возникнуть ситуации, дающие достаточные основания полагать, что у досматриваемых лиц находятся при себе боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, ядовитые или радиоактивные вещества. Вполне очевидно, что при обследовании одежды и вещей таких лиц последними могут быть использованы указанные боеприпасы, устройства или вещества с причинением вреда жизни и здоровью понятых.

В связи с этим считаем целесообразным внести изменение в ч. 4 ст. 27.7 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), изложив ее в новой редакции следующего содержания: «в исключительных случаях при наличии достаточных оснований полагать, что при физическом лице находятся оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства, ядовитые или радиоактивные вещества, иные предметы, используемые в качестве оружия, личный досмотр, досмотр вещей, находящихся при физическом лице, могут быть осуществлены без понятых». На наш взгляд, предложенная редакция рассматриваемой административно-правовой нормы предоставит возможность участковым уполномоченным полиции оперативно осуществлять процессуальное закрепление доказательств и обеспечит безопасность понятых.

Также следует отметить, что досмотр вещей, находящихся при физическом лице (ручной клади, багажа и иных предметов), к примеру, при получении информации о переноске наркотических средств, психотропных веществ или их прекурсоров осуществляется участковым уполномоченным полиции в присутствии двух понятых либо с применением видеозаписи. О личном досмотре, досмотре вещей, находящихся при физическом лице, составляется протокол либо делается соответствующая запись в протоколе о доставлении или в протоколе об административном задержании. По аналогии осуществляется и досмотр транспортных средств физических лиц, а при наличии достаточных данных о том, что граждане перевозят оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, взрывные устройства либо ядовитые или

радиоактивные вещества, обследование транспорта рекомендуется проводить без понятых, с применением видеозаписи.

Необходимо также учитывать, что участковый уполномоченный полиции осуществляет досмотр транспортного средства в присутствии лица, во владении которого оно находится. При этом в случаях, **не терпящих отлагательства**, досмотр транспортного средства может быть осуществлен в отсутствие указанного лица. Как справедливо отмечает А.Ю. Соколов, действующий КоАП РФ не разъясняет, что необходимо понимать под случаями, не терпящими отлагательства [9, с. 320].

По нашему мнению, к таким случаям можно отнести ситуацию, при которой сотрудник полиции визуально наблюдает в салоне (кузове) автомобиля находящиеся там боеприпасы или взрывные устройства и есть основания предполагать, что может произойти взрыв или возгорание транспортного средства, при этом лицо, которому оно принадлежит, отсутствует или неизвестно. Другая ситуация, когда участковый уполномоченный полиции получил информацию от граждан о том, что в жилом секторе припаркован автомобиль, который в течение длительного времени никем не используется, из багажника (кузова) которого распространяется химический или неприятный (трупный) запах. Или ситуация, при которой возникает реальная угроза жизни и здоровью людей, находящихся вблизи оставленного без присмотра (брошенного) транспортного средства, в котором находится груз с маркировкой ядовитых веществ.

В завершение отметим, что по окончании обследования транспортного средства составляется отдельный протокол либо делается соответствующая запись в протоколе об административном задержании. Кроме этого, протокол о досмотре транспортного средства подписывается должностным лицом, его составившим, лицом, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и (или) лицом, во владении которого находится транспортное средство, подвергнутое досмотру, а также понятыми в случае их участия.

В отдельных случаях, к примеру при отказе лица, во владении которого находится транспортное средство, подвергнутое досмотру, от подписания протокола, в нем делается соответствующая запись. Однако, основываясь на результатах административной деятельности полиции, считаем, что в случае отказа лица, во владении которого находится транспортное средство, подвергнутое досмотру, от подписания протокола следует подтверждать данный факт не только подписью должностного лица, составившего протокол, но и подписями понятых, если они участвовали в данных процессуальных действиях.

На основании вышеизложенного полагаем, что в текст абзаца 2 ч. 8 ст. 27.9 КоАП РФ «в случае отказа лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и (или) лица, во владении которого находится транспортное средство, подвергнутое досмотру, от подписания протокола в нем делается соответствующая запись» необходимо внести дополнение следующего содержания: «которая подтверждается подписями понятых в случае их участия». Полагаем, что предложенное дополнение позволит устранить нередко возникающие вопросы, связанные с процессуальным оформлением материалов дел об административных правонарушениях и их дальнейшим рассмотрением по существу.

Подводя итог, можно отметить, что участковый уполномоченный полиции активно использует административно-правовое принуждение в целях обеспечения общественного порядка и общественной безопасности на территории административного участка. Кроме этого, он вправе осуществлять досмотровые мероприятия при наличии данных о том, что граждане имеют при себе предметы, устройства или вещества, ограниченные или запрещенные в свободном обороте. Полагаем, что предложенные нами дополнения и редакции административно-правовых норм не только позволят оперативно осуществлять процессуальное закрепление доказательств, но и обеспечат соответствующую безопасность понятых.

Литература

1. Адмиралова И.А. Правовое регулирование методов убеждения и принуждения в деятельности полиции как средств обеспечения прав и свобод граждан // Административное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 20-29.
2. Бахрах Д.Н. Административное право России: учебник для вузов. М., 2000.
3. Жеребцов А.Н., Махина С.Н., Помогалова Ю.В. Комментарий к главе 27 «Применение мер обеспечения производства по делам об административных правонарушениях» Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (постатейный) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Каплунов А.И. О правомерности применения сотрудниками полиции огнестрельного оружия для остановки транспортного средства // Административное право и процесс. 2015. № 4. С. 36-41.
5. Кареева-Попелковская К.А. К вопросу о классификации мер административного пресечения в деятельности полиции // Административное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 104-108.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Лапина М.А., Карпучин Д.В. Конструкция составов правонарушений и меры государственного принуждения в административном и бюджетном законодательстве // Административное и муниципальное право. 2015. № 1. С. 43-54.
8. Сафонов П.Н. Административное принуждение как вид государственного принуждения // Административное и муниципальное право. 2016. № 6. С. 493-499.
9. Соколов А.Ю. Меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях: монография. М.: Норма, 2015.
10. Телегин А.С. Меры административно-процессуального принуждения: некоторые вопросы применения // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1. С. 60-64.
11. Тюрин В.А. О понятии мер пресечения в административном законодательстве // Государство и право. 2002. № 7. С. 24-28.
12. Хорьков В.Н. Административное задержание: спорные вопросы законодательного регулирования // Современное право. 2015. № 3. С. 83-86.
13. Шубина Е.В. Административно-предупредительные меры в системе административно-правового принуждения // Административное и муниципальное право. 2014. № 11. С. 1160-1164.

УДК 342.951:325

А.Н. Прокопенко, канд. техн. наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

E-mail: aprokopenko11@mvd.ru

О ПРОБЛЕМАХ МИГРАЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ В СВЯЗИ С ПРИНЯТИЕМ КОНЦЕПЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МИГРАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ НА 2019-2025 ГОДЫ

В статье рассматриваются вопросы правового регулирования миграционной политики Российской Федерации на современном этапе. Кратко анализируются изменения миграционного законодательства и тенденции миграционной политики за 2000 и 2010 годы. Выявляются основные направления совершенствования миграционного законодательства, к которым относятся: обеспечение достоверного учета миграционных потоков, усложнение процедур оформления и миграционного учета мигрантов, усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства как для самих мигрантов, так и для их работодателей. Определяются проблемы, которые не нашли своего решения в рамках проводимой миграционной политики. Также автор анализирует положения Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, принятой 31 октября 2018 г. Делается вывод о кардинальном изменении миграционной политики в ближайшее время и предлагаются пути, по которым должно пойти миграционное законодательство для решения проблемы привлечения русскоязычного населения из-за рубежа в Россию на постоянное место жительства.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, программа переселения соотечественников, миграционная политика.

A.N. Prokopenko, PhD. (Candidate of Technical Sciences), assistant-professor

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

E-mail: aprokopenko11@mvd.ru

ON PROBLEMS OF THE MIGRATION LEGISLATION AT THE PRESENT STAGE DUE TO THE ADOPTION OF THE STATE MIGRATION POLICY CONCEPT OF THE RUSSIAN FEDERATION FOR 2019-2025

The article considers questions of legal regulation of migration policy of the Russian Federation at the present stage, briefly analyzes changes of the migration legislation and a trend of migration policy for 2000th and 2010th. The author points out main directions of the migration legislation improvement which include: ensuring reliable accounting of migration flows, complication of procedures of migrants' registration, enhancing criminal liability for migration legislation violation, both for migrants, and for their employers. The work refers problems which have no solution within the pursued migration policy. Also the author analyzes provisions of the Concept of the state migration policy of the Russian Federation for 2019-2025 accepted on October 31, 2018. The author expects cardinal change of migration policy in the nearest future and suggests ways which the migration legislation should take to solve the problem of involvement of the Russian-speaking population from abroad to go to Russia for domicile.

Key words: migration, labor migration, program of compatriots' resettlement, migration policy.

Вопросы правового регулирования миграции в Российской Федерации всегда стояли достаточно остро, а миграционная политика постоянно подвергалась критике. Как в начале 1990-х гг., которые сопровождалась передвижением больших масс населения из бывших республик СССР в Россию, а из России на Запад, так и в последующие годы, когда миграционный поток в нашу страну регулировался минимальным образом, вплоть до принятия в 2002 г. Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [12]. В дальнейшем осуществлялись правовое регламентирование миграционных потоков, практически ежегодное усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства, детальное регулирование процедур оформления и миграционного учета иностранных граждан. Однако миграционная политика все равно постоянно подвергалась критике со стороны общества. Связана данная критика была преимущественно с тем, что основное внимание законодателей и правоприменителей было направлено на вопросы трудовой миграции. При этом вопросы переселения в нашу страну русскоязычного населения для постоянного проживания, создания для данной категории лиц комфортных и удобных условий не получили должного развития.

Необходимо отметить, что принятая в октябре 2018 г. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг. принципиально поменяла государственные подходы к миграционной сфере. Основным направлением в миграционной политике Российской Федерации становится не трудовая миграция, а привлечение русскоязычного населения из-за рубежа в Россию на постоянное место жительства. Таким образом, миграционная политика Российской Федерации находится в настоящий момент на переломном этапе, что и повлекло необходимость данного научного исследования.

Анализируя изменения миграционного законодательства, необходимо отметить его активное развитие после 2002 г. – практически ежегодно осуществляются корректировки, уточнения или усовершенствования правил пребывания иностранных граждан на территории России. Например, с 2003 г. вводится квотирование трудовых мигрантов – первое Постановление Правительства РФ № 782, утвердившее квоты в размере 530 тыс. приглашений, было принято 30 октября 2002 г. [14]. С 2006 года квотирование распространяется также на граждан стран СНГ. С 2005 года осуществляется автоматизированный учет прибывающих на территорию России иностранных граждан на основании миграционных карт. Правила использования миграционной карты утверждены Постановлением Правительства РФ от 16.08.2004

№ 413 [11]. Было введено обязательное медицинское обследование мигрантов, которые приезжают в Россию на длительный срок. В 2010 году введена патентная система, в соответствии с которой осуществляется индивидуальный учет иностранных работников, каждый из которых осуществляет патентные платежи в бюджет. С 2014 года Федеральным законом от 20.04.2014 № 74-ФЗ [5] введено требование, согласно которому иностранный гражданин при обращении за получением разрешения на работу или патента обязан подтвердить владение русским языком, знание истории России и основ законодательства Российской Федерации.

Все корректировки и усовершенствования миграционного законодательства сопровождалась введением или усилением ответственности. Так, в 2006 г. в состав Кодекса РФ об административных правонарушениях [2] Федеральным законом от 05.11.2006 № 189-ФЗ были введены статьи 18.15, 18.16 и 18.17 [6]. Статьями установлена административная ответственность юридического лица за привлечение к труду незаконных мигрантов с санкцией в виде штрафа до 1 млн рублей за каждого мигранта. До этого момента ответственность работодателя за незаконное привлечение к работе мигрантов фактически не была установлена. С 2013 по 2015 годы осуществлялось усиление ответственности за нарушения в сфере трудовой миграции в Москве и Санкт-Петербурге, а также в столичных областях. Было введено выдворение иностранного гражданина за повторное нарушение миграционного законодательства, административное приостановление деятельности организации за использование труда незаконных мигрантов. Кроме того, практически во всех регионах созданы специальные учреждения для содержания выдворяемых и депортируемых мигрантов. Суммы штрафов за нарушения миграционного законодательства увеличивались практически каждые два-три года.

Помимо изменений миграционного законодательства и ответственности за его нарушения, принимались концептуальные документы в миграционной сфере. Вопросы миграции последовательно регулировали Федеральная миграционная программа, утвержденная Указом Президента в 1994 г. [13] (трижды изменялась постановлениями Правительства РФ), Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации, утвержденная Распоряжением Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-р [9], и Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года, принятая в 2012 г. [3].

В целом можно выделить три основных направления постоянного совершенствования миграционного законодательства России, которые прослеживались и в концептуальных документах:

1. Обеспечение учета каждого мигранта, как приезжающего для работы, так и для длительного проживания на территории России. Были введены миграционная карта, квотирование, патент, разрешение на временное проживание (далее – РВП), вид на жительство (далее – ВЖ), обязательная регистрация по месту пребывания или месту жительства и т.д.

2. Усложнение процедур оформления и миграционного учета иностранных граждан. Были введены процедуры дактилоскопирования, медицинского освидетельствования, экзамен по русскому языку и истории, обязательные переводы всех документов, правило пребывания на территории России не более 90 дней из 180 дней подряд и т.д.

3. Усиление ответственности за нарушение миграционного законодательства как для самих мигрантов, так и для их работодателей. Были введены ответственность работодателей – юридических лиц до 1 млн ру-

блей за каждого незаконного мигранта или административное приостановление деятельности организации, административное выдворение для иностранного гражданина за повторное нарушение миграционного законодательства, запрет на въезд в Россию, специальные учреждения для содержания мигрантов, уголовная ответственность за фиктивную регистрацию по месту жительства или месту пребывания и т.д.

При этом два важнейших направления миграционной политики так и не нашли своего выражения в изменениях миграционного законодательства.

Во-первых, в концепциях и программах в миграционной и демографической сферах постоянно ставился вопрос о необходимости увеличения населения России за счет мигрантов и обеспечении переселения соотечественников из-за рубежа. Однако нельзя считать, что данная задача была выполнена качественно. Это подтверждают данные таблицы 1.

Таблица 1

Сведения реализации программы переселения соотечественников и приобретения гражданства России в 2015-2018 гг. [15]

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Прибыло в Российскую Федерацию и поставлено на учет соотечественников и членов их семей	183 146	146 585	118 606	107 651
Приобрели гражданство Российской Федерации	209 799	265 319	257 822	269 362

С 2012 по 2017 годы получили гражданство России только 1 млн человек, из них 538 тыс. человек с использованием Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [10].

Необходимо отметить, что программа переселения соотечественников не пользуется большой популярностью, а количество желающих воспользоваться программой ежегодно снижается. Аналогичные программы переселения соотечественников, принятые в Израиле и Германии, позволили в свое время этим странам увеличить свое население на несколько миллионов человек за период не более пяти лет. Однако российская программа такого эффекта не дает.

Это обусловлено, с одной стороны, отсутствием широкой рекламы данной программы – мигранты о ней, как правило, не знают. Заниматься этой рекламой должны структуры Россотрудничества или МИД России в зарубежных государствах, в т.ч. с использованием СМИ и интернет-ресурсов. С другой стороны, условия, которые предоставляются программой, не во всем являются привлекательными, поскольку предусматривают переселение мигрантов преимущественно в сельскую местность регионов России. Причем регионы, участвующие в программе, распо-

ложены преимущественно в Сибири и на Дальнем Востоке.

Сегодня складываются условия, когда за пределами России проживает не менее 25 миллионов наших соотечественников, становятся гражданами в год всего лишь чуть более 250 тыс. человек. Причем из них всего 100 тыс. получают гражданство по процедуре переселения соотечественников. Соответственно, не более 130 тыс. человек получают в год российское гражданство в общем порядке (в основном близкие родственники граждан России). Данная цифра представляется ничтожной в размерах страны. Причем происходит это в основном из-за сложной, многоступенчатой, дорогой и чрезвычайно забюрократизированной процедуры.

Таким образом, приведенные данные позволяют признать практическую неэффективность миграционной политики по репатриации русского населения. Соответственно, миграционная составляющая в решении демографических проблем нашей страны не играет ту роль, которую должна была играть.

Во-вторых, одной из задач, которые постоянно декларировались в миграционной политике, было привлечение для работы в России высококвалифицированных специалистов, лиц, имеющих нужные стране профессии и квалификации. Однако стати-

стика показывает, что количество неквалифицированных мигрантов в десятки и сотни раз больше, чем

квалифицированных специалистов. Данное утверждение демонстрируют данные из таблицы 2.

Таблица 2

Оформление разрешений на работу в России в 2015-2018 гг. [15]

	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Оформлено разрешений на работу	214 559	149 013	148 326	130 136
в том числе высококвалифицированным специалистам	43 555	26 995	26 531	28 183
квалифицированным специалистам	22 099	14 775	18 017	20 145
Оформлено патентов	1 788 201	1 510 378	1 682 622	1 671 706

Неквалифицированные мигранты создают излишнее предложение на рынке труда и оказывают негативное влияние на общую социально-экономическую обстановку, особенно в столичных регионах.

Особо необходимо отметить, что программой переселения соотечественников пользуется преимущественно русскоязычное славянское население, которое желает переехать в Россию семьями. А трудовыми мигрантами являются в основном представители государств Центрально-Азиатского региона, которые не связывают свое дальнейшее будущее с Российской Федерацией.

Таким образом, можно констатировать, что миграционная политика России требует существенных корректировок. Разрешению указанных выше проблем призвана способствовать принятая 31 октября 2018 г. новая Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, утвержденная Указом Президента РФ № 622 [8] (далее – Концепция).

Необходимо отметить, что в Концепции в качестве части цели определено решение задач в «сфере защиты и сохранения русской культуры, русского языка и историко-культурного наследия народов России, составляющих основу ее культурного (цивилизационного) кода». В этой связи нужно обратить внимание на первую задачу миграционной политики, сформулированную в пункте 21 Концепции. Предполагается, что должно осуществляться совершенствование правового регулирования и организации системы, которая позволит обеспечить переселение в Россию лиц, способных интегрироваться в наше общество, преимущественно соотечественников, проживающих как в ближнем, так и в дальнем зарубежье.

Анализируя основные направления миграционной политики, сформулированные в пунктах 22-27 Концепции, хотелось бы особо выделить некоторые из них. Так, в области переселения соотечественников предполагается обеспечить простоту, понятность и прозрачность процедур и условий как пребывания в России, так и приобретения российского граждан-

ства. Кроме того, предполагается снижение административных барьеров, улучшение условий привлечения инженеров, врачей, педагогов, ученых, а также фермеров. Также предполагается совершенствование финансовых механизмов распределения денежных средств программы. Реализация указанных мер позволит существенно повысить количество желающих воспользоваться программой переселения соотечественников, что, в свою очередь, положительно скажется на демографическом развитии страны.

В области привлечения иностранных работников планируется создание системы адаптации мигрантов, препятствование созданию национальных анклавов, упрощение процессов оформления документов на право трудовой деятельности на территории России. Представляется, что в сфере трудовой миграции необходимо принятие отдельного законодательного акта, который будет регламентировать правовой статус трудовых мигрантов. Это позволит упорядочить ситуацию с оформлением иностранных работников, снизит коррупционные риски и, как следствие, оптимизирует ситуацию на рынке труда. Приоритет лиц, желающих переехать в Россию для дальнейшего проживания и прибывших в нашу страну семьями, над трудовыми мигрантами должен быть закреплен законодательно. Кроме того, на наш взгляд, необходимо обеспечить приоритет трудовых мигрантов, для которых русский язык является родным, над другими трудовыми мигрантами.

Особо необходимо выделить направление миграционной политики, связанное со снижением диспропорции в размещении населения на территории России. Предполагается создание привлекательных условий для мигрантов в регионах, в которых в последние годы наблюдалась депопуляция. Для этого будут необходимы «создание и модернизация объектов жилищной, медицинской, образовательной, транспортной и иной инфраструктуры».

Подводя итог рассмотрению некоторых положений Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг., можно сделать следующие выводы.

В последние шестнадцать лет миграционная политика России была нацелена преимущественно на контроль и упорядочение трудовой миграции, усиление ответственности, обеспечение поступления обязательных платежей в бюджет. Не умоляя необходимости выполнения обозначенных направлений, можно признать особую важность переориентирования миграционной политики на привлечение на территорию России русскоязычного населения из-за рубежа.

Нам представляется, что кардинальное изменение миграционной политики, особое внимание именно к переезжающим на постоянное место жительства мигрантам являются необходимыми для страны на современном этапе. Российская Федерация – государство с огромной территорией и малой плотностью населения во многих регионах, и решение демографических проблем без миграционной составляющей видится невозможным.

Мы считаем, что потоки мигрантов, которые приехали на постоянное место жительства, и трудовых мигрантов необходимо разделить как законодательно, так и фактически. Законодательно необходимо принятие отдельного закона, регламентирующего деятельность трудовых мигрантов. Должны быть организованы отдельные центры работы с переезжающими соотечественниками, которые будут заниматься исключительно оформлением их документов, регулированием их статуса, помощью в расселении, трудоустройстве. Причем оценка деятельности данных центров должна прямо зависеть от количества переехавших соотечественников. Эти же центры должны заниматься мигрантами, которые получают гражданство России через получение разрешения на временное проживание и вид на жительство. Большая часть таких лиц также является соотечественниками, однако не воспользовалась программой по разным основаниям. Например, они хотят проживать в том регионе, где у них есть родственники, но там не действует программа, или они не обладают необходимой для региона специальностью.

Кроме того, необходима унификация норм Федерального закона от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» и Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [7]. Должны быть исключены неоднократное оформление одних и тех же документов, прохождение медицинских обследований, пересдачи экзамена по русскому языку по другим правилам и т.д. Если лицо декларирует, что оно приехало в Россию на постоянное место жительства, но не попадает в программу переселения соотечественников, то для него должен быть предусмотрен понятный алгоритм действий по

приобретению гражданства, не растягиваемый на десятилетия и без оформления документов в центрах одновременно с трудовыми мигрантами. Лица, желающие переехать в нашу страну, должны видеть заинтересованность нашего государства в них, а не равнодушное и формальное отношение бюрократической системы.

Кроме того, система выделения квот на получение РВП должна быть преобразована. Целесообразным является объединение этой системы с Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом. База данных востребованных профессий, предлагаемых условий должна быть общей. Регион декларирует, сколько переселенцев он готов принять в следующем году, соответственно, все места, которые не будут заняты лицами, переезжающими по программе переселения соотечественников, могут быть предоставлены для мигрантов, получающих РВП. Предоставление рабочих мест переезжающим на постоянное место жительства мигрантам должно быть приоритетным и осуществляться службами занятости на равных основаниях с российскими гражданами. Патенты или разрешения на работу трудовым мигрантам должны выдаваться только в том случае, если все лица, переехавшие на постоянное место жительства, обращавшиеся за соисканием работы, официально трудоустроены.

Указанные изменения позволят регионам планировать нагрузку на социальную инфраструктуру и рынок труда. На территории опережающего развития, а также в отдельные муниципалитеты в регионах, где создается новое производство и инфраструктура, будут привлекаться люди для постоянного проживания, а не трудовые мигранты.

Таким образом, от приглашения в Россию иностранных граждан на работу для возмещения трудовых ресурсов для национальной экономики Российская Федерация переходит к стратегии привлечения русскоязычного населения на свою территорию. Подобная цель впервые ставится в стратегических документах Российской Федерации в качестве одной из приоритетных.

Можно констатировать, что после принятия Концепции начнется новый этап формирования правовой политики России в сфере миграции, который будет направлен на создание условий переселения в нашу страну соотечественников и просто русскоязычного населения со всего мира. При этом трудовая миграция будет переориентирована с низкоквалифицированной на высококвалифицированную и с кратковременной на долгосрочную.

Литература

1. Катаева О.В. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов: учебник. Белгород: БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. 219 с.
2. Кодекс РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 12.11.2018) // Российская газета. 2001. 31 дек. № 256.
3. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года: утв. Президентом РФ (утратила силу) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Малышев Е.А. Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции: теория и практика: монография. М.: Юстицинформ, 2017.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федеральный закон от 20.04.2014 № 74-ФЗ // Российская газета. 2014. 23 апр. № 92.
6. О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (в части усиления ответственности за нарушение порядка привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации иностранных граждан и лиц без гражданства): федеральный закон от 05.11.2006 № 189-ФЗ // Российская газета. 2006. 9 нояб. № 251.
7. О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Российская газета. 2002. 5 июня. № 100.
8. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2018).
9. О Концепции регулирования миграционных процессов в Российской Федерации: распоряжение Правительства РФ от 01.03.2003 № 256-р (утратило силу) // Собрание законодательства РФ. 2003. № 10. Ст. 923.
10. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом (вместе с «Государственной программой по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом»): Указ Президента РФ от 22.06.2006 № 637 // Российская газета. 2006. 28 июня. № 137.
11. О миграционной карте: постановление Правительства РФ от 16.08.2004 № 413 // Собрание законодательства РФ. 2004. № 34. Ст. 3553.
12. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Российская газета. 2002. 31 июля. № 140.
13. О Федеральной миграционной программе: Указ Президента РФ от 09.08.1994 № 1668 (утратил силу) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 18. Ст. 2065.
14. Об утверждении квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности: постановление Правительства РФ от 30.10.2002 № 782 // Российская газета. 2002. 6 нояб. № 212.
15. Сводки основных показателей деятельности по миграционной ситуации в Российской Федерации за 2015-2018 годы // Официальный сайт ГУВМ МВД России. URL: <https://мвд.рф/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/12162186/> (дата обращения: 20.02.2019).

УДК 342.92

А.Г. Репьев, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России,

докторант Саратовской государственной юридической академии

E-mail: rep-ev-artem@yandex.ru;

К.А. Васильков

СО ОМВД России по Первомайскому району Алтайского края

E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ПРЕЮДИЦИЯ: ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА, ТЕХНИКА

В статье авторами путем анализа административной преюдиции и рассмотрения ее практической реализации в условиях современного общества выдвигается тезис о перспективности взгляда на данный институт не только с технико-юридических позиций, но и как на целостное правовое явление. Используя совокупность общенаучной и специальной методологии исследования, в т.ч. диалектического, сравнительно-правового, формально-юридического методов, формулируются конкретные предложения точечного реформирования административного законодательства в целях усиления воздействия превентивной составляющей на правонарушителей и совершенствования административно-деликтного права в целом. Предложения, высказанные авторами, с одной стороны, могут благоприятно повлиять на реализацию задачи административного законодательства по предупреждению совершения правонарушений, а с другой – послужат продолжением научной дискуссии относительно восприятия категории «преюдиция» в праве.

Ключевые слова: административная преюдиция, административная ответственность, юридическая техника, превенция, судебное предупреждение.

A.G. Repev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,

doctoral candidate of Saratov State Law Academy

E-mail: rep-ev-artem@yandex.ru;

K.A. Vasilkov

Investigation department of the Ministry of Internal Affairs of Russia

on the Pervomaisky district of the Altai territory

E-mail: konstantin.vasilkov.95@mail.ru

ADMINISTRATIVE COLLATERAL ESTOPPEL: THEORY, PRACTICE, LEGAL WRITING

The authors propose the thesis about prospects of administrative collateral estoppel consideration, not only from technical and legal positions, but as of the complete legal phenomenon, based on the analysis of administrative collateral estoppel and consideration of its implementation in the conditions of the modern society. The article formulates specific proposals of pointed reforming of the administrative legislation for greater impact of a preventive component on offenders and delictual administrative law improvement in general. The authors use complex of general scientific and special research methodology, including dialectic, rather legal and technical methods. The suggestions made by the authors, on the one hand, can favorably influence realization of the administrative legislation's task of offenses prevention, and, on the other hand, will serve as continuation of a scientific discussion concerning perception of category "collateral estoppel" in the law.

Key words: administrative collateral estoppel, administrative responsibility, legal writing, prevention, judicial prevention.

Предупреждение административных правонарушений всегда являлось приоритетным направлением деятельности государства в ракурсе обеспечения и защиты прав человека, общественного порядка и общественной безопасности. Статья 1.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях РФ (далее – КоАП РФ) определяет одной из задач предупреждение совершения административных правонарушений [10].

Тематика реализации мер предупреждения в сфере административной деликтологии, проблемы выбора методов воздействия на личность правонарушителя не раз поднимались в научной среде [3, 5, 7, 16]. Однако административная превенция редко рассматривалась в сочетании с криминологической. Такого рода междисциплинарные исследования, основывающиеся на анализе причин и условий совершения преступления и совмещающие среди методов воздействия на правонарушителя взаимосвязь норм административного и уголовного законодательства, практически не встречаются. В этой связи выдвинем тезис, что традиционная система мер государственного принуждения (в виде предупреждения, пресечения, процессуального обеспечения и наказания), полагаем, может быть расширена. Одной из форм предупреждения совершения преступлений через выявление и документирование общественно вредных деяний сегодня можно считать административную преюдицию.

Этимологически этот термин берет свое начало из норм римского права и происходит от *praeiudicium*, где *prae* – это «заранее, предварительно», *iudic* – «судить», в самом общем виде означая предварительное судебное решение [12, с. 65]. Мы убеждены в том, что в настоящее время возможно говорить об административной преюдиции как о полноценной, пусть и несколько нетипичной форме превентивного воздействия на правонарушителя.

На сегодняшний день насчитывается более десяти составов уголовно наказуемых деяний с так называемой административной преюдицией. В их числе наиболее распространенные статьи, такие как: 116.1 (Нанесение побоев лицом, подвергнутым административному наказанию); 151.1 (Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции); 157 (Неуплата средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей); 158.1 (Мелкое хищение, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию); 171.4 (Незаконная розничная продажа алкогольной и спиртосодержащей пищевой продукции); 264.1 (Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию); ч. 1 ст. 282 (Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства); ч. 2 ст. 314.1 (Уклонение от администра-

тивного надзора или неоднократное несоблюдение установленных судом в соответствии с федеральным законом ограничения или ограничений) Уголовного кодекса Российской Федерации [18] и др.

Несмотря на то что законодатель активно применяет административную преюдицию в качестве инструмента предупреждения общественно опасных последствий, легального определения данного правового явления, раскрывающего сущностные и содержательные аспекты, не закреплено. В этой связи назрела необходимость проанализировать вопрос о том, что из себя представляет административная преюдиция, определить ее место в системе права, выделить ее цели, признаки и влияние на превенцию (т.е. деятельность по профилактике и предупреждению преступлений и административных правонарушений).

Формально-юридические признаки преюдиции (в ее классической, технико-юридической интерпретации) косвенно отражены в некоторых нормах отечественного законодательства. К примеру, ст. 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) определяет, что «обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором, за исключением приговора, постановленного судом в соответствии со статьями 226.9, 316 или 317.7 настоящего Кодекса, либо иным вступившим в законную силу решением суда <...> признаются судом, прокурором, следователем, дознавателем без дополнительной проверки» [17].

Части 2 и 3 ст. 68 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации указывают, по сути, на аналогичное содержание преюдиции: «Обстоятельства, установленные вступившим в законную силу судебным актом арбитражного суда по ранее рассмотренному делу, не доказываются вновь при рассмотрении арбитражным судом другого дела, в котором участвуют те же лица. Вступившее в законную силу решение суда общей юрисдикции по ранее рассмотренному гражданскому делу обязательно для арбитражного суда, рассматривающего дело по вопросам об обстоятельствах, установленных решением суда общей юрисдикции и имеющих отношение к лицам, участвующим в деле» [1]. Отчасти схожие положения изложены в ч. 2, 3 и 4 ст. 60 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации [4].

С точки зрения юридической техники полагаем допустимым отнесение преюдиции к специальным приемам, в частности к правовым предположениям, при помощи которых законодатель, с одной стороны, стремится к объективизации, конкретизации юридического процесса с позиции его формально-юридической определенности, а с другой – демонстрирует гибкость, вариативность подходов нормотворчества к поиску оптимальных вариантов правового регули-

рования. Подобный правовой прием весьма оправдан, особенно с точки зрения экономии времени, материальных ресурсов, затрачиваемых на повторное установление обстоятельств рассматриваемого дела. Именно в этом ключе, как правовую презумпцию, воспринимают преюдицию большинство ученых.

Так, профессор Т.Н. Радько пишет, что «преюдиция – это разновидность нетипичного нормативного предписания, преддрешающего признаки обязательности для разбираемого юридического дела, ранее вступившего в законную силу тех или иных актов применения права и затрагивающих интересы сторон другого дела» [14, с. 35].

Согласимся с мнением уважаемого автора с точечной ремаркой: предписание – это непреложный, обязательный для исполнения акт. Преюдиция – все же предположительное суждение, предлагаемое для следования ему.

В вышеуказанном ключе рассматривает преюдицию и В.Н. Бабаев, отводя при этом ей отчетливо роль процессуального института. Автор пишет: «Это вступившие в законную силу приговор или решение суда либо административный акт, изданный компетентным органом в установленном законом порядке, о наличии или отсутствии юридического факта, обязательный для суда, разрешающего дело, связанное с ранее разрешенным» [2, с. 37].

Признак обязательности, установленный автором, также не бесспорен. Мы помним, что с точки зрения юридической техники презумпция – это не правило, не истина, она лишь положение, принимаемое за таковую до тех пор, пока не будет установлено обратное.

В свою очередь, А.В. Карданец указывает, что «преюдиция – это прием юридической техники, представляющий собой правило доказывания о том, что вступившее в законную силу правоприменительное решение уполномоченного органа, принятое в установленном законом порядке о наличии или отсутствии юридического факта, обязательное для всех правоприменительных органов, разрешающих юридическое дело, связанное с ранее разрешенным по поводу этого же факта» [6, с. 39].

Автор, на наш взгляд, уместно обратил внимание на важную процессуальную роль преюдиции в виде средства доказывания. Это позволяет очертить некоторые грани соприкосновения ее проявления как специфического приема юридической техники и института превенции, способствующего профилактике совершения общественно вредных деяний. Обобщив все приведенные и иные позиции, существующие в науке, возможно выделить ряд признаков преюдиции, характеризующих ее на современном этапе:

а) это нетипичное правило доказывания, применяемое преимущественно в рамках судопроизводства;

б) всегда связана с ранее принятым решением суда о наличии или отсутствии юридического факта;

в) факт, зафиксированный преюдицией, принимается за истину, и пока не установлено обратное, все решения правоприменительных органов исходят из положений, установленных ею;

г) использование потенциала преюдиции может быть связано только с разрешением спора по поводу одного и того же факта.

В этой связи на первый взгляд не совсем понятным и объяснимым становится восприятие института установления уголовной ответственности в случае совершения лицом в период действия административного наказания аналогичного правонарушения в качестве преюдиции [11, 13]. Тем более что ряд ученых еще более тридцати лет назад высказались за недопустимость считать повторность действий субъекта составной частью признака уголовно наказуемого деяния [8, с. 11-12]. И сегодня административная преюдиция (в понимании ранее установленного факта привлечения к ответственности, образующего состав преступления) не согласуется с технико-теоретическим понятием «преюдиция» и включает в себя только часть указанных признаков. В этой связи считаем необходимым выделить признаки административной преюдиции (в понимании элемента пенологии), предшествующей уголовному наказанию.

Во-первых, данное явление всегда связано с совершением административного правонарушения (юридического факта) конкретным лицом, т.е. персонифицировано. К примеру, в органах внутренних дел осуществляется учет граждан, привлеченных к административной ответственности через модуль «Сервис обеспечения охраны общественного порядка» (далее – СООП). При выявлении нового деликта проверка лица на предмет повторности через модуль СООП обязательна.

Во-вторых, административная преюдиция коррелирует на стыке уголовного и административного законодательства (в частности, норм материального права). Полагаем, что данный признак определяет ее как парадоксальное явление, поскольку за повторное совершение административного правонарушения (характеризующееся низкой степенью общественной опасности) устанавливается уголовная ответственность (характеризующаяся высокой степенью общественной опасности). Отметим, что с точки зрения воспитательных целей подобный подход весьма оправдан. Если исправление лица после совершения административного правонарушения не произошло и оно повторно его совершает, то необходимо применять более строгие меры ответственности.

В-третьих, административная преюдиция возникает лишь в области конкретных общественных отношений, указанных в законе. Как известно, пере-

чень уголовно наказуемых деяний с административной преюдицией исчерпывающий.

В-четвертых, целью административной преюдиции является предупреждение совершения административных правонарушений. При этом данная форма превенции имеет вид специальной, поскольку распространяется только на те составы деяний, которые указаны в законе и в отношении конкретных лиц.

Таким образом, по соотношению качественных характеристик общеправовой и административной преюдиции можно заключить, что данные понятия имеют различный предмет, объект, цели и задачи. В этой связи предложим определение термина «административная преюдиция» – это *принятое уполномоченным органом решение в отношении конкретного лица о назначении административного наказания за совершение административного правонарушения, впоследствии предусматривающее уголовную ответственность в отношении последнего за повторное совершение аналогичного правонарушения в течение срока действия административного наказания, с целью предупреждения совершения данного правонарушения.*

Основной целью рассматриваемого правового явления выступает предупреждение совершения правонарушений. Это объясняется тем фактом, что перед повторным совершением административно наказуемого деяния лицо может остановить страх привлечения к более суровому виду ответственности. Как нами было отмечено выше, вполне возможно и логично выделять административную преюдицию как отдельную форму специальной превенции, но с учетом ряда характерных для нее обстоятельств.

Во-первых, административная преюдиция имеет силу лишь тогда, когда правонарушение уже совершено. По нашему мнению, реагирование на уже совершенное правонарушение в целях его предупреждения противоречиво, поскольку, с одной стороны, вред общественным отношениям уже нанесен, а с другой – подменяются истинные цели общей профилактики в виде недопущения совершения административного правонарушения еще до его начала.

Зарубежным примером административной преюдиции выступает установление дополнительных требований к поведению лица в Республике Казахстан.

Так, в отношении субъекта, совершившего правонарушение, посягающее на общественный порядок и общественную безопасность (мелкое хулиганство и др.), в области семейно-бытовых отношений (побои и пр.), и по иным наиболее общественно вредным деяниям суд праве применить дополнительные меры контроля [9, ст. 54].

Во-вторых, административная преюдиция может воздействовать лишь на конкретную область общественных отношений, предметно очерченную законодательством. В то же время такой масштабный механизм воздействия можно было бы использовать в рамках общей превенции. К примеру, установив новую меру административного наказания в виде «судебного предупреждения», предусматривающего уголовную ответственность за систематическое совершение административных правонарушений, о чем мы писали ранее [15].

В-третьих, административная преюдиция имеет место исключительно в течение конкретного срока (пока действует административное наказание), который, по нашему мнению, является недостаточным и нуждается в его увеличении. К примеру, анализ 100 материалов дел по ч. 1 ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, возбужденных и оконченных производством органами дознания г. Новоалтайска Алтайского края, показал, что в 38 случаях лицо, ранее совершавшее мелкое хищение, было привлечено к административной ответственности по ст. 7.27 КоАП РФ, но к моменту выявления признаков преступления срок привлечения к административной ответственности превысил 1 год.

Таким образом, полагаем, что административную преюдицию следует рассматривать как правовое явление преимущественно в рамках административного законодательства и с учетом его особенностей. Кроме того, мы убеждены, что данный институт непосредственно связан с превенцией и является его частью, однако в целях усиления эффективности требует коренного реформирования. В рассматриваемом контексте назрела необходимость введения такого вида административного наказания, как «судебное предупреждение», имеющее значительно более широкий потенциал воздействия на личность правонарушителя и общественное сознание в целом.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (в ред. от 25.12.2018) // Российская газета. 2002. 27 июля; 2018. 28 дек.
2. Бабаев В.Н. Презумпции в советском праве. Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. 174 с.
3. Водяная М.Ю. Перспективы совершенствования деятельности полиции в сфере предупреждения и пресечения правонарушений, связанных с пьянством // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2015. № 2. С. 71-72.
4. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (в ред. от 27.12.2018) // Российская газета. 2002. 20 нояб.; 2018. 28 дек.

5. Дерюга Н.Н., Дерюга А.Н. Правовой контур административной пенологии: проблемы современного состояния // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 4-14.
6. Карданец А.В. Преюдиция в российском праве (проблемы теории и практики): дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 181 с.
7. Кивик Ю.В. Меры административно-правового предупреждения правонарушений, посягающих на общественный порядок и общественную безопасность, их место в системе правоохраны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 7. С. 102-105.
8. Ковалев М.И. Преступление и проступок // Проблемы совершенствования законодательства по укреплению правопорядка и усиление борьбы с правонарушениями: межвузовский сборник научных трудов / отв. ред. М.И. Ковалев. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1982. С. 3-14.
9. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 05.07.2014 № 235-V // Ведомости парламента Республики Казахстан. 2014. № 18-II. Ст. 95.
10. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 18.03.2019) // Российская газета. 2001. 31. дек.; 2019. 20 марта.
11. Колосова В.И. Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011. № 5-1. С. 246-254.
12. Крицкая С.Ю. Преюдиция как правовое средство судебной деятельности // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2008. № 3 (3). С. 63-68.
13. Малков В.П. Административная преюдиция: за и против // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2011. № 3 (23). С. 58-64.
14. Радько Т.Н. Теория государства и права в схемах и определениях. М.: Проспект, 2011. 176 с.
15. Репьев А.Г., Васильков К.А. Проблемы реализации отдельных видов административного наказания на современном этапе // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2017. № 4. С. 12-16.
16. Репьева А.М. Особенности воздействия на несовершеннолетнего преступника в местах лишения свободы // Уголовная юстиция. 2017. № 1 (9). С. 61-64.
17. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в ред. от 06.03.2019) // Российская газета. 2001. 22. дек.; 2019. 11 марта.
18. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (в ред. от 27.12.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 08.01.2019) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954; 2018. № 53 (ч. I). Ст. 8495.

УДК 343.85

Е.П. Шляхтин

Казанский юридический институт МВД России

E-mail: kentavr.kaz@mail.ru;

Р.Ф. Степаненко, доктор юрид. наук, профессор

Казанский (Приволжский) федеральный университет

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ КАК ЭФФЕКТИВНАЯ ФОРМА ПРЕВЕНЦИИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

В статье исследуются механизмы и отдельные формы системы предупреждения правонарушений, одним из элементов которой в деятельности органов внутренних дел советской эпохи являлось официальное предостережение. Исторический опыт превентивной деятельности органов внутренних дел показывает его эффективность с позиции изучения и анализа имеющихся научных и иных мнений по реализации стратегий предупредительной деятельности территориальных органов МВД России различного уровня. Современное развитие российской государственности направлено на повышение эффективности применения предупреждения как одного из важных элементов противодействия преступности, выполнение которого позволяет сократить материальные и другие затраты, непосредственно связанные с борьбой с криминалом и минимизацией и (или) ликвидацией последствий от его противоправных деяний. Для этого необходимо добавить право должностным лицам полиции выносить официальное предостережение. В настоящее время порядок его применения определен лишь отдельными субъектами профилактики, что существенно затрудняет правоприменение.

Ключевые слова: правовая политика, предупреждение правонарушений, правовой мониторинг, официальное предостережение.

E.P. Shliakhtin

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: kentavr.kaz@mail.ru;

R.F. Stepanenko, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), professor

Kazan (Volga region) Federal University

E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

OFFICIAL WARNING AS AN EFFECTIVE FORM OF OFFENSES PREVENTION BY INTERNAL AFFAIRS AGENCIES

This article explores the mechanisms and specific forms of the crime prevention system. One of the elements of it in the activities of the internal affairs bodies of the Soviet era was an official warning. The historical experience of the preventive activities of the internal affairs bodies shows its effectiveness from the standpoint of studying and analyzing existing scientific and other opinions on the preventive strategies implementation by the territorial bodies of the Russian Interior Ministry at various levels. The modern development of Russian statehood is aimed at improving the prevention effectiveness as one of the important elements of combating crime, the fulfillment of which allows reducing material and other costs directly related to combating crime and minimizing and (or) eliminating the illegal acts consequences. To achieve the result it is necessary to give police officials the right to make a formal warning. Currently, the procedure for its application is determined only by individual prevention subjects, which significantly complicates law enforcement.

Key words: legal policy, crime prevention, legal monitoring, official warning.

Историческое развитие государственности в той или иной форме направлено на обеспечение общественной безопасности, охрану общественного порядка, защиту конституционных прав и свобод человека и гражданина. Правовая политика, являясь одним из видов государственной деятельности, направлена на решение одной из важнейших задач – предупреждение правонарушений и преступлений. Российский законодатель в качестве основного элемента противодействия противоправным деяниям называет прежде всего деятельность по предупреждению, в т.ч. по выявлению и последующему устранению, причин и условий, способствующих его совершению (непосредственно профилактика) [11]. В данном контексте серьезная роль в превентивной правовой политике отводится мерам административного принуждения как одним из методологических подходов государственного управления, который является основным средством обеспечения общественной безопасности и охраны общественного порядка при реакции правоохранительных органов на противоправное поведение виновных лиц. Соответственно, наибольший интерес для юриспруденции не только научного, но и практического характера представляет предупредительная компонента мер административного принуждения. Следует отметить, что подобная постановка проблемы имеет своё подтверждение в истории российского права, на чем мы далее остановим своё внимание [16, с. 109-112; 2, с. 35-39; 1, с. 104-108]. Если обратиться к документам, опубликованным на официальном сайте МВД России, следует отметить, что российские органы внутренних дел уделяют большое внимание предупредительной деятельности. Например, в уточненном годовом отчете о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» за 2016 год термин «предупреждение» используется пятнадцать раз применительно к различным аспектам оперативно-служебной деятельности территориальных и иных органов МВД России [23]. Анализ статистических данных, характеризующих количественные и качественные показатели, связанные с анализом числа административных правонарушений, показывает их определенный рост с 66,3 млн фактов по итогам 2010 г. до 95,4 млн выявленных правонарушений в 2016 г. [5, с. 180].

Следует согласиться с мнением С.Г. Костина, объясняющего этот рост двумя факторами: «Это усиливающееся противоправное поведение населения или повышение активности правоохранительных органов по выявлению и пресечению противоправных деяний населения... При любой точке зрения, на наш взгляд, актуальным становится изучение вопросов административно-предупредительной деятельности

полиции, которые, в свою очередь, позволят сформулировать предложения по ее совершенствованию» [5, с. 180-181]. Собственный опыт службы авторов данной публикации в различных должностях начальствующего и руководящего состава первоначально в советских, а затем и в российских органах внутренних дел, а также позиции многих практиков и теоретиков права, убедительно свидетельствующие, что «своевременно не пресеченное административное правонарушение создает предпосылки к перерастанию его в более тяжкое уголовное преступление» [6, с. 125-137], дают все основания утверждать, что значение административно-предупредительной деятельности для обеспечения правопорядка велико.

В статье 3.4 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях раскрывается понятие предупреждения в рамках административного права. «Предупреждение – это мера административного наказания, выраженная в официальном порицании физического или юридического лица, которое выносится в письменной форме. Оно устанавливается за впервые совершенные административные правонарушения при отсутствии причинения вреда или возникновения угрозы причинения вреда жизни и здоровью людей, объектам животного и растительного мира, окружающей среде, объектам культурного наследия (памятникам истории и культуры) народов Российской Федерации, безопасности государства, угрозы чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, а также при отсутствии имущественного ущерба» [3]. Также в статье 2 Федерального закона «О полиции» отмечено, что предупреждение и пресечение административных правонарушений и преступлений является одним из основных направлений деятельности полиции, которое заключается в осуществлении оперативно-служебной и иной деятельности органов внутренних дел, проводимой в пределах их компетенции, направленной на недопущение преступлений и правонарушений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением [10]. В настоящее время в системе МВД России принят и находит свою реализацию целый ряд нормативных правовых актов, в которых в той или иной степени раскрываются требования к предупредительной деятельности органов внутренних дел. Основным из них является Приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений», в котором под предупреждением преступлений органами внутренних дел понимается «...деятельность служб, подразделений и сотрудников органов внутренних дел, осуществляемая в пределах их компетенции, направ-

ленная на недопущение преступлений путем выявления, устранения или нейтрализации причин, условий и обстоятельств, способствующих их совершению, оказания профилактического воздействия на лиц с противоправным поведением. Предупреждение преступлений органами внутренних дел осуществляется с целью защиты личности, общества, государства от преступных посягательств, обеспечения сдерживания и сокращения преступности» [8].

Мы выражаем согласие с мнением ряда ученых и практиков, которые полагают, что термин «предупреждение» весьма омонимичен и имеет сразу несколько вариантов толкования: а) как мера административного наказания; б) как форма деятельности, направленная на недопущение чего-либо; в) как сигнал, форма оповещения (например, штормовое предупреждение) и т.д. В то же время высказывая желание уйти в своей работе от излишней полемики на эту тему с учетом ограниченного объема рукописи, полагаем, что вышеуказанный термин необходимо считать синонимичным словам «превенция», «профилактика» и пр.

Правовой политике в области превенции правонарушений в целом присущ публичный, прогнозируемый, динамичный, информационно открытый характер, реализуемый в правовой сфере с применением правовых методов и средств, направленных на достижение и сохранение правовых ценностей, правового порядка и социального согласия в обществе [17, с. 71-76]. Установление и обеспечение порядка и законности в обществе и правовом государстве осуществляется исключительно в правовом поле в рамках действующего законодательства. Его значение в правовой превентивной проблематике было ключевым на всех этапах возникновения и развития российской государственности. Нормами самых различных отраслей права как раньше, так и теперь сдерживается противоправное и поощряется правомерное, социально полезное и социально активное поведение субъектов правоотношений, отмечается нами в работах [18, 24].

По нашему мнению, предупреждение административных правонарушений и преступлений несет в себе не только правовую составляющую, но прежде всего идеологическую. Исторический анализ показывает, что любое государство заинтересовано в законопослушном поведении своих граждан. Если противоправные деяния не совершаются, то государство имеет возможность направить высвобождающиеся материальные, финансовые и иные ресурсы на решение других своих социальных функций. Поэтому, рассматривая позитивную превенцию, мы акцентируем свое внимание прежде всего на уголовно-правовых запретах, являющихся наиболее эффективным средством, влияющим на правомерный путь

развития социальных отношений. Очевидно, что уголовно-правовые запреты являются наиболее эффективными средствами в предупреждении правонарушений, в т.ч. преступлений. Однако они не являются единственными в вопросах пресечения противоправных видов поведения. Как считает Ю.В. Степаненко, не меньшей социально-правовой эффективностью обладают и механизмы административной юрисдикции органов внутренних дел [21].

Например, в советский период была разработана эффективная стратегия противодействия преступности, при этом основное внимание законодателей и правоприменителей было сосредоточено на предупредительной работе. В свою очередь, юридическая наука обосновывала и разрабатывала систему правовых механизмов и инструментария, способных повлиять на отклоняющееся от норм права поведение, устанавливая новые и вполне действенные способы возможного решения задач предупреждения правонарушений. Одной из таких научно обоснованных и применяемых на практике правовых форм было официальное предостережение о недопустимости антиобщественного поведения. Являясь одним из видов административно-правового воздействия на поведение субъектов (нарушающих правила паспортного режима, занимающихся бродяжничеством и попрошайничеством, ведущих антиобщественный, паразитический образ жизни и др.), официальное предостережение предшествовало и предваряло применение санкций уголовного законодательства за данные виды противоправного поведения.

В частности, в целях прекращения ведения антиобщественного, паразитического образа жизни (тунеядство) и последующей криминализации поведения лицу, которое в течение четырех месяцев одного календарного года не занималось общественно полезным трудом и официально не работало, объявлялось официальное предостережение о необходимости трудоустройства в течение одного месяца. Если условие объявленного официального предостережения в указанный срок не исполнялось, то гражданин привлекался уже к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР «Занятие бродяжничеством или попрошайничеством либо ведение иного паразитического образа жизни» [14]. Применение такого вида административно-предупредительного воздействия на поведение и образ жизни граждан, нарушающих закон, являлось эффективной формой психолого-правового воздействия на субъектов, характеризующихся маргинальным поведением. Как отмечается в монографическом исследовании «Преступность лиц, ведущих маргинальный образ жизни, и ее предупреждение» (Казань, 2008 г.), работа по профилактике и контролю за поведением лиц, ведущих маргинальный образ жизни, преимущественно

осуществлялась сотрудниками органов внутренних дел (участковыми инспекторами милиции, сотрудниками служб профилактики, уголовного розыска и дознания и др.). Об эффективности профилактической работы в части предупреждения преступлений, совершаемых лицами, ведущими маргинальный образ жизни, свидетельствуют следующие статистические данные: доля тунеядцев, привлеченных к уголовной ответственности по ст. 209 УК РСФСР из числа граждан, получивших официальное предостережение о недопустимости ведения антиобщественного, паразитического образа жизни, с 1980 по 1990 гг. сократилась с 45,4 до 10,5%. Следовательно, результативность таких предупредительных механизмов, как официальное предостережение, не может подлежать сомнению. Тем не менее с принятием Конституции Российской Федерации 1993 г. [4], провозгласившей Россию правовым, демократическим государством, запретившей использование принудительного труда, такие общественно опасные (на тот момент) деяния, как бродяжничество, попрошайничество, тунеядство (ведение иного паразитического образа жизни), нарушение правил соблюдения паспортного режима и др., были декриминализованы, что деактуализировало значимость официального предупреждения.

В настоящее время подобная форма предупреждения правонарушений применяется в деятельности органов прокуратуры и Федеральной службы безопасности. В частности, Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» [12] от 27 июля 2010 г. был дополнен статьей 13.1 следующего содержания: «К мерам профилактики, применяемым органами федеральной службы безопасности, относятся внешние представления об устранении причин и условий, способствующих реализации угроз безопасности Российской Федерации, и объявление официального предостережения *о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений*, дознание и предварительное следствие по которым отнесено законодательством Российской Федерации к ведению органов Федеральной службы безопасности... При наличии достаточных и предварительно подтвержденных сведений в действиях физического лица, создающих условия для совершения указанных преступлений, и при отсутствии оснований для его привлечения к уголовной ответственности органы Федеральной службы безопасности, *предварительно уведомив об этом прокурора*, могут объявлять этому лицу *обязательное для исполнения официальное предостережение*» [7].

Российскими правоохранительными органами (МВД России, ФСБ России, Генеральной прокуратурой РФ и Следственным комитетом России) наработан определенный положительный опыт по противо-

действию, в частности, экстремистской деятельности и крайней форме её проявления – совершению террористических актов. В качестве одного из эффективных способов предупреждения экстремистских проявлений российские правоохранительные органы активно используют такую меру воздействия, как прокурорское предостережение или официальное предостережение, выносимое ФСБ России. В то же время один из основных субъектов профилактики [9] в данном случае экстремизма – МВД России и его территориальные органы на местах, которые не имеют возможности использовать данный инструментарий, при этом оказывая содействие иным правоохранительным органам в осуществлении предупредительной деятельности. Так, например, по итогам января-декабря 2017 г. в рамках надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами российской прокуратуры было внесено 789 431 (+2,9% к аналогичному периоду прошлого 2016 г.) представлений, а также предостережено 86 036 (-6,8% к АППГ) лиц о недопустимости нарушения закона. В том числе в рамках надзора за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму прокурорами различного уровня было внесено 65 384 (+3,4% к АППГ) представлений, а также предостережено 7 146 (-5,1% к АППГ) лиц о недопустимости нарушения закона [19]. Анализ аналогичных результатов по Республике Татарстан по итогам 2010 г. показывает, что *на основании материалов, собранных сотрудниками оперативных подразделений полиции*, было вынесено 66 прокурорских предостережений, а также одно представление о недопустимости осуществления экстремистской деятельности. По итогам января-декабря 2017 г. в рамках надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина органами прокуратуры Республики Татарстан было внесено 16 152 (+1,8% к аналогичному периоду 2016 г.) представления, а также предостережены 1 453 (-37,0% к АППГ) лица о недопустимости нарушения закона. Также в рамках надзора за исполнением законов о федеральной безопасности, межнациональных отношениях, противодействии экстремизму и терроризму прокурорами различного уровня было внесено 2 568 (+62,5% к АППГ) представлений, а также предостережено 442 (-9,8% к АППГ) лица о недопустимости нарушения закона. Аналогичны результаты и по итогам января-июня 2018 г. В рамках надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина органы прокуратуры Республики Татарстан внесли 9 752 (+6,2 % к АППГ) представления, а также вынесены предостережения 362 (-60,2 % к АППГ) лицам о недопустимости нарушения закона [20].

Следовательно, органам внутренних дел доверено собирать материалы для вынесения иными правоприменителями официального предостережения, а использование этой формы самими сотрудниками полиции не легитимизировано должным образом. Руководствуясь вышеизложенным, полагаем необходимым предусмотреть возможность внесения соответствующих изменений в главу 4 «Применение полицией отдельных мер государственного принуждения» Закона о полиции, в т.ч. включив в нее новую статью 17.1 «Применение органами внутренних дел мер профилактики», предусматривающую право, например, руководителей территориальных и иных органов МВД России федерального, регионального и районного или городского уровней по согласованию с надзирающим прокурором вносить представления об устранении причин и условий, способствующих преступности и создающих угрозу государственной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, и объявлять официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, дознание и предварительное следствие по которым отнесено российским законодательством к ведению органов внутренних дел.

В случае положительного решения вопроса о наделении руководителей правом по согласованию с надзирающим прокурором выносить предостережения потребуются в кратчайшие сроки внести соответствующие изменения в КоАП РФ и в ведомственные нормативные акты с учетом того, что именно органы внутренних дел выявляют большинство противоправных деяний, в т.ч., например, по фактам экстремизма и терроризма от 60 до 80%. По итогам 12 месяцев 2009 г. удельный вес раскрытых органами внутренних дел преступлений террористического характера и экстремистской направленности соответственно составил 89,1 и 83%, а при общем снижении количества подобных противоправных деяний аналогичные показатели к концу декабря 2018 г. – 59,3 и 62,4% [15].

Подводя итог изложенному, сделаем вывод, что, безусловно, комплекс предлагаемых нами мер требует прежде всего их научного изучения и обоснования. Необходимо обсуждение этих вопросов общественностью, представителями органов власти и гражданского общества. Необходимо не только разработать нормативную основу применения одной из рассмотренных форм правового регулирования общественных отношений (официальное предостережение), но и соизмерить её с пределами их правового регулирования, с нормами Конституции Российской Федерации.

Также необходимо широкое обсуждение данных инициатив с участием заслуженных и авторитетных ученых и практиков из числа работников и сотрудников территориальных и иных органов МВД России, с помощью которых в советский период эффективно функционировала и развивалась система профилактики правонарушений и преступлений.

Кроме того, в процессе работы над настоящей статьей в средствах массовой информации появилась информация, что 18 марта 2019 г. в Госдуму Российской Федерации внесен проект поправок (№ 667479-7) в Закон о полиции, закрепляющий за полицейскими право официального предостережения физических лиц о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. В частности, перечень прав полиции (п. 12 ч. 1 ст. 13 Закона о полиции) предлагается дополнить правом объявлять физическому лицу обязательное для исполнения официальное предостережение о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений, административных правонарушений, отнесенных законодательством Российской Федерации к подведомственности полиции, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения. В пояснительной записке отмечается, что проект призван устранить правовую коллизию и установить единообразие в деятельности субъектов профилактики правонарушений, уполномоченных выносить такое предостережение [22, 25]. Так, в соответствии с Законом об основах системы профилактики правонарушений правом объявлять официальное предостережение обладают должностные лица органов прокуратуры Российской Федерации, следственных органов Следственного комитета Российской Федерации, органов внутренних дел, органов Федеральной службы безопасности, органов уголовно-исполнительной системы и иных государственных органов, если такое право им предоставлено законодательством Российской Федерации [13]. Соответствующие полномочия закреплены в специальных законах, однако в Законе о полиции они отсутствуют, несмотря на то, что органы внутренних дел – один из основных субъектов профилактики правонарушений, поскольку большинство преступлений и правонарушений отнесено к его подведомственности.

Все вышеизложенное, несомненно, свидетельствует об актуальности анализируемой темы, а также обоснованности и востребованности предложений, указанных в настоящей статье.

Литература

1. Васильков К.А. Объявление сотрудниками полиции официального предостережения как средство повышения эффективности предупреждения преступлений // Современность в творчестве начинающего исследователя.

дователя: мат-лы научно-практ. конф-ции молодых ученых: вып. 19. Электронное издание сетевого распространения. Иркутск: ФГКОУ ВО ВСИ МВД РФ, 2018. С. 104-108.

2. Иванова С.И. Объявление официального предостережения (предостережения) о недопустимости действий, создающих условия для совершения правонарушений, либо недопустимости продолжения антиобщественного поведения как форма профилактического воздействия // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2017. № 2 (9). С. 35-39.

3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (в ред. от 03.07.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Костин С.Г. Административное предупреждение правонарушений: понятие и правовая сущность // Летняя школа молодых ученых – 2018: сборник мат-лов международной научно-практ. конф-ции. М.: Академия управления МВД России, 2018.

6. Масленников М.Я. Предупреждение административных правонарушений // Административный процесс: теория и практика / отв. ред. А.С. Дугенец. М.: НОУ Школа спецподготовки «Витязь», 2008. С. 125-137.

7. О внесении изменений в Федеральный закон «О Федеральной службе безопасности»: федеральный закон от 27.07.2010 № 238-ФЗ // Собрание законодательства РФ.

8. О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 17.01.2006 № 19 (в ред. от 28.11.2017). Доступ из СТРАС «Юрист» (дата обращения: 20.07.2019).

9. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации») [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 26.07.2011 № 988 (в ред. от 17.02.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (в ред. от 01.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. О противодействии терроризму [Электронный ресурс]: федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ (ред. от 18.04.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. О федеральной службе безопасности [Электронный ресурс]: федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ (в ред. от 07.03.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР (вместе с Уголовным кодексом РСФСР) [Электронный ресурс]: Закон РСФСР от 27.10.1960 (в ред. от 25.04.1991) (утратил силу). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. Общие сведения о состоянии преступности за 2009-2017 годы и январь-декабрь 2018 года // Официальный сайт МВД РФ. URL: <http://мвд.рф/reports/item> (дата обращения: 20.07.2019).

16. Равнюшкин А.В. Об актуальности совершенствования системы предупреждения и пресечения участковыми уполномоченными полиции правонарушений, совершаемых в сфере семейно-бытовых отношений // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2016. № 2 (31). С. 109-112.

17. Рыбаков О.Ю. Приоритеты развития информационного общества в России: правовое обеспечение // Мониторинг правоприменения. 2017. № 3 (24). С. 71-76.

18. Сливный А.А., Шляхтин Е.П. Предостережение как возможная форма оперативно-розыскного предупреждения организации незаконной миграции // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 1. С. 118-123.

19. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 12 месяцев 2017 г. и январь-май 2018 г. URL: <https://www.genproc.gov.ru/stat/data/1336134/1406222/> (дата обращения: 20.07.2019).

20. Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Республики Татарстан за 12 месяцев 2017 г. и январь-июнь 2018 г. URL: <https://prokrt.ru/about/pravovaya-statistika/pravovaya-statistika/> (дата обращения: 20.07.2019).

21. Степаненко Ю.В. Административная юрисдикция органов внутренних дел на транспорте: проблемы и меры по их устранению // Научный портал МВД России. 2018. № 2 (42). С. 83-90.

22. Татьяна Кузнецова. Полицейским хотят дать право объявлять гражданам обязательные для исполнения предостережения // Адвокатская газета. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/politseyskim-khotyat-dat-pravo-obyavlyat-grazhdanam-obyazatelnye-dlya-ispolneniya-predosterezheniya/> (дата обращения: 20.07.2019).

23. Уточненный годовой отчет за 2016 год о ходе реализации и оценке эффективности: государственная программа Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности». URL: www.mvd.ru/Deljatelnost/gosprogram/Gosprogramma/отчет-о-ходе-реализации-программы-2016 (дата обращения: 20.07.2019).

24. Шляхтин Е.П., Степаненко Р.Ф. Противодействие деятельности экстремистских организаций и сообществ: актуальные проблемы теории и практики // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 100-104.

25. URL: <https://www.pnp.ru/social/policiyu-predlagayut-nadelit-pravom-obyavlyat-grazhdanam-oficialnoe-predosterezhenie.html> (дата обращения: 20.07.2019).

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.237

Н.Н. Бугера, канд. юрид. наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

E-mail: knn.76@mail.ru;

О.Н. Штаб, канд. пед. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: shtabon@mail.ru

О КОЛИЧЕСТВЕННОМ СОСТАВЕ ИСПОЛНИТЕЛЕЙ В ГРУППЕ ЛИЦ ПО ПРЕДВАРИТЕЛЬНОМУ СГОВОРУ: АНАЛИЗ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящена одной из форм соучастия преступления, именуемой «группа лиц по предварительному сговору», и преследует цель показать специфику данной формы и ее отражение при квалификации преступлений. В работе охарактеризован признак группы лиц по предварительному сговору, показано влияние на квалификацию преступлений, высказаны суждения по возникшим вопросам. Данный признак анализируется в современной судебной практике и действующих разъяснениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

На протяжении длительного времени среди учёных и практиков ведутся дискуссии о правильном толковании ч. 2 ст. 35 Уголовного кодекса Российской Федерации. Основываясь на анализе действующего уголовного законодательства и присутствующих в науке позиций, авторы высказывают собственное мнение по рассматриваемой проблеме.

Ключевые слова: два или более исполнителя, группа лиц, предварительный сговор, квалификация, «участвовали лица», соисполнительство, групповой признак.

N.N. Bugera, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: knn.76@mail.ru;

O.N. Shtab, PhD. (Candidate of Pedagogic Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: shtabon@mail.ru

ON NUMBERS OF PERFORMERS IN THE COLLUSIVE GROUP OF PERSONS: ANALYSIS OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article is devoted to one of the forms of fellowship in crime, called «collusive group of persons», and aims to show the specifics of this form and its reflection when qualifying crimes. The paper describes the characteristic of a collusive group of persons, shows the impact on the qualification of crimes, expresses opinions on the issues arisen. This feature is analyzed in modern judicial practice and the current explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

For a long time, there have been discussions among scholars and practitioners about the correct interpretation of Part 2 Art. 35 of the Criminal Code of the Russian Federation. Based on the analysis of the current criminal law and the positions present in science, the authors express their own opinions on the problem under consideration.

Key words: two or more performers, group of persons, collusive, qualification, «participated persons», co-performance, group feature.

Определения, указанные в ч. 1 и 2 ст. 35 УК РФ, а также наличие во многих составах преступлений признака «группа лиц по предварительному сговору» вызывают много споров среди учёных [3, с. 31; 4, с. 32; 14; 17, с. 40] и порождают проблемы квалификации преступлений в правоприменительной практике. В частности, к числу проблем можно отнести количественный состав исполнителей в группе лиц по предварительному сговору. Наиболее простой и представляющей наименьшую опасность формой простого соучастия является группа лиц (предварительный сговор отсутствует). Законодатель прямо указал в ч. 1 ст. 35 УК РФ на обязательный признак группы лиц – наличие двух или более исполнителей. Соответственно, пособничество в совершении преступления или подстрекательство к его совершению одного исполнителя не образуют формы соучастия – группы лиц.

Понятие «группа лиц по предварительному сговору» включает два самостоятельных признака: группу лиц и предварительный сговор. Наличие этих признаков в совокупности позволяет признать правильной квалификацию деяния в качестве совершенного «группой лиц по предварительному сговору» [15, с. 20].

Законодатель в ч. 2 ст. 35 УК РФ, в отличие от понятия «группа лиц», в определении «группа лиц по предварительному сговору» не использует словосочетание «два или более исполнителя», заменяя его на «участвовали лица».

Употребление слова «лица» обусловлено тем, что в данном случае, помимо соисполнителей, могут принимать участие в совершении преступления организатор или подстрекатель и (или) пособник. При этом установление из двух соучастников одного как исполнителя, а другого, например, как пособника не образует группового признака по сговору.

Определяя понятие «исполнитель», законодатель в ч. 2 ст. 33 УК РФ использует словосочетания «непосредственно совершившее», либо «непосредственно участвовавшее», либо в ч. 2 ст. 35 УК РФ «участвовали лица». Что же понимается под «непосредственным участием» и «совершением»? Органы следствия и суды первой инстанции нередко оценивают действия одного исполнителя и соучастника как совершенные группой лиц по сговору, поскольку в ч. 2 ст. 35 УК РФ говорится не об исполнителях, а о лицах, однако суд вышестоящей инстанции такой признак исключает. Президиум Верховного Суда РФ придерживается той позиции, что под непосредственным участием в совершении преступления совместно с другими лицами следует понимать тот случай, когда исполнитель выполняет объективную сторону состава преступления совместно с соисполнителями [11].

Любой состав преступления имеет свою объективную сторону, поэтому если каждым из предварительно договорившихся на совместное совершение преступления лиц выполнена хотя бы часть его объективной стороны, то имеет место групповой признак по сговору. Здесь не должно происходить смешивание технического и юридического распределения ролей между соучастниками. При совершении мошенничества или присвоения и растраты двумя или более лицами необходимо определить, какие действия, направленные непосредственно на выполнение объективной стороны этих преступлений, осуществлял каждый из соучастников [8]. При совершении вымогательства каждый из соучастников согласно своей роли выполняет самостоятельное действие, входящее в объективную сторону (предъявляет требование, или высказывает угрозу, или применяет насилие) [6]. При хищении в виде кражи, грабежа или разбоя группой лиц по предварительному сговору достаточно того, что в соответствии с предварительной договоренностью непосредственное изъятие имущества осуществляет один из соучастников, а также когда действия участников непосредственно направлены на оказание содействия исполнителю при совершении хищения (взлом дверей, наблюдение за окружающей обстановкой) [7]. Таким образом, из разъяснений Пленумов Верховного Суда РФ соисполнителями следует признавать лиц, которые выполняют полностью или частично объективную сторону того или иного состава преступления.

На наш взгляд, исходя из особенностей объективной стороны таких форм хищений, как кража, грабеж или разбой, уголовно-правовая оценка действий лиц, которые выполняли роль наблюдателя за окружающей обстановкой, порождает определенные споры среди ученых и в судебной практике.

Приведем несколько примеров. Г. и М. совершили два разбойных нападения: в ноябре на предпринимателя А. и в декабре на продавца магазина «Садко». В обоих случаях М., вооруженный пистолетом, совершал непосредственное нападение и завладевал деньгами (заходил в помещения, угрожал, требовал), а Г. находился недалеко от места нападения, в соответствии с отведенной ему ролью осуществлял наблюдение за окружающей обстановкой и в случае появления посторонних лиц мог вовремя предупредить М. о возможном обнаружении совершаемого ими преступления. Президиум Верховного Суда РФ квалифицировал действия Г. по двум эпизодам, связанным с его участием в разбоях, как соучастие в преступлениях в форме соисполнительства, включив в обвинение признак «группа лиц по предварительному сговору» [12].

В другом примере судом был исключен групповой признак по сговору при разбое, поскольку из

определения установлено, что жена осталась на улице подстраховывать мужа от возможного появления посторонних лиц, в то время как муж вошел в магазин и, угрожая ножом продавцу, забрал из кассы деньги. В ходе допроса жена показала, что должна была предупредить кивком головы мужа о появлении посторонних лиц [5]. Действия жены суд квалифицировал как пособничество.

В следующем примере судебная коллегия включила в обвинение Г. групповой признак по сговору. Установлено, что Г. остался ожидать Х. и другое лицо в автомобиле, когда последние, наставив обрез на продавца магазина, похитили сумку с деньгами. После совершенного нападения Х. и Г. скрылись с похищенным. Суд в определении сослался на разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о краже, грабеже и разбое, заключающиеся в том, что разбой считается совершенным в группе лиц по сговору и в тех случаях, когда непосредственно изъятие имущества осуществляет один из них при наличии предварительной договоренности.

Кроме того, в обосновании данного признака судебная коллегия указала, что установлен совместный характер действий Х. и Г., заранее разработанный план, в реализации которого каждый выполнял отведенную ему роль, совершены совместные действия по перевозке обреза в автомобиле, которым управлял Г. для совершения разбоя, сокрытию его после совершения преступления и последующей передаче Х. [10].

И последний пример. Рассмотрим обвинение только в части квалификации о наличии или об отсутствии группового признака. Так, Г. Сахи предварительно договорился с М. о совершении разбойного нападения на оператора букмекерской конторы. Г. Сахи оставался в автомашине вблизи от места нападения и ожидал М., который прошел в помещение букмекерской конторы и, держа в руках пистолет и угрожая им, нанес удар гражданину В., затем подошел к стойке кассы, стал угрожать пистолетом оператору и требовать деньги. Затем М. покинул помещение и сел в автомобиль, в котором ожидал его Г. Сахи, после чего оба скрылись с похищенным. В ходе предварительного расследования Г. Сахи был признан организатором в разбое. Суд лишь изменил квалификацию в части применения пистолета (М. вышел за пределы состоявшегося сговора – нанес удар гражданину В.), в остальном уголовно-правовую оценку оставил прежней, квалифицировав действия М. по ч. 2 ст. 162 УК РФ, а Г. Сахи – по ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 162 УК РФ [13] (организатор в совершении разбоя).

Считаем, что абсолютно схожи между собой приведенные выше примеры, однако судебная практика в первом и третьем примерах пошла по пути призна-

ния их соисполнителями для возможности вменения группового признака, при том что по сути описанные действия лиц, на наш взгляд, образуют пособничество.

Более того, фраза, указанная Пленумом Верховного Суда РФ в отношении кражи, грабежа или разбоя, о том, что групповой признак по сговору имеется, когда непосредственно изъятие имущества осуществляет один из соучастников при согласованности действий, не применима ко всем формам хищения. Считаем, что в разбое лицо, наблюдавшее за обстановкой для подстраховки, непосредственно в нападении не участвует, и его действия выходят за пределы совершения объективной стороны разбоя исходя из особенностей данной формы хищения, поэтому такие действия лица вернее оценивать как пособничество. Возможно, в таком случае по отношению к различным составам преступления следует дифференцированно подходить к пониманию соисполнительства.

При убийстве и изнасиловании действия исполнителя трактуются более узко, чем при совершении хищений.

В пункте 10 постановления Пленума Верховного Суда РФ об убийстве указано, что при квалификации по п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ необходимо учитывать ст. 35 УК РФ, где групповой признак по сговору при убийстве предполагает договоренность двух или более лиц, которая возникла до начала совершения действий, непосредственно направленных на лишение жизни потерпевшего. Действия других участников группы, наряду с соисполнителями, надлежит квалифицировать по соответствующим частям ст. 33 и п. «ж» ч. 2 ст. 105 УК РФ [9], тем самым Верховный Суд РФ не оставил сомнений в том, что для применения рассматриваемого квалифицирующего признака прежде всего необходимо наличие двух исполнителей.

Так, например, установлено, что на ферме в ходе распития спиртных напитков между И., Р. и М. произошла ссора. Они решили убить М. Реализуя свои преступные намерения, Р. светил фонариком сотового телефона на спавшего М., а И. из гладкоствольного охотничьего ружья произвел выстрел в голову М. Суд дал уголовно-правовую оценку действиям И. и Р., квалифицировав их как убийство, совершенное группой лиц по сговору. Президиум указал, что Р. в убийстве М. не принимал непосредственного участия, а лишь содействовал И. в совершении убийства (светил фонариком сотового телефона), создавая ему необходимые условия для производства выстрела в голову М.

В приговоре суд отметил, что Р., действуя согласно отведенной ему роли (освещая фонариком), облегчил действия И., который произвел выстрел в потерпевшего М. Из приговора установлено, что не-

посредственное причинение смерти М. совершил один И., а Р. лишь облегчил действия И., создавая ему условия для производства выстрела, и поэтому признается пособником в убийстве. Президиум с учетом таких обстоятельств исключил групповой признак по сговору [11].

Анализ правоприменительной практики показывает, что иногда встречаются проблемы в установлении выполняемой роли каждого лица, участвовавшего в совершении преступления. Когда в совершении преступления участвуют исполнитель и пособник, правоприменитель нередко квалифицирует их действия как группы лиц по предварительному сговору.

Так, установлено, что П. и С. решили похитить автомобиль, при этом С. подыскал соответствующий автомобиль, сообщил П. данные автомобиля и хозяина, а также место его нахождения. Затем предоставил специальное техническое устройство для управления сигнализацией автомобиля потерпевшей и предоставил информацию о том, как незаметно убрать автомобиль из города. Таким образом, С. непосредственного участия в хищении автомобиля не принимал, в месте хищения не находился, за окружающей обстановкой не следил, непосредственного содействия в краже не принимал (не взламывал замки, не заводил двигатель). Все это совершал П. Из обвинения П. и С. судом был исключен признак «группой лиц по предварительному сговору» [16]. Исполнителем кражи следует признать П., а С. – пособником. Таким образом, если в совершении преступления один – исполнитель, а другой – пособник, то действия указанных

лиц не могут быть квалифицированы как совершенные группой лиц по сговору.

В судебной практике нередко признак «предварительный сговор» не находит своего подтверждения и из обвинения исключается. Например, судебная коллегия исключила из осуждения А. и Ш. признак «группа лиц по предварительному сговору», поскольку установила, что между осужденными отсутствовали договоренность, распределение ролей на совершение разбойного нападения, а других доказательств, подтверждающих сговор, в материалах дела не имеется [1].

В другом случае в пользу рассматриваемого признака суд указал, что осужденными до совершения преступления рассматривались вопросы об участниках преступления, о времени и способе его совершения. Вместе с этим были приняты во внимание показания потерпевшей, которая указала, что их действия были согласованными и носили совместный характер [2].

Таким образом, решающим аргументом для признания соисполнительства в преступлении следует установить то обстоятельство, что два или более лица непосредственно выполняли полно или частично действия, составляющие объективную сторону определенного состава преступления. При этом правоприменителю необходимо детально выяснять распределение ролей между соучастниками преступления, что, в свою очередь, отражается на квалификации действий каждого.

Литература

1. Апелляционное определение г. Кемерово от 14 января 2015 г. Решение по делу 22-174/2015 (22-5970/2014). URL: <https://rospravosudie.com/court-kemerovskij-oblastnoj-sud-kemerovskaya-oblast-s/act-470182666/> (дата обращения: 14.03.2017).
2. Апелляционное определение г. Самары от 16 января 2015 г. Решение по делу 22-69/2015. URL: <https://rospravosudie.com/court-samarskij-oblastnoj-sud-samarskaya-oblast-s/act-470124993/> (дата обращения: 14.03.2017).
3. Бриллиантов А., Яни П. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? // Законность. 2013. № 6. С. 31-36.
4. Иванов Н. Группа и ее интерпретация в решениях Верховного Суда РФ // Уголовное право. 2014. № 1. С. 32-36.
5. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 29 июня 2005 г. № 83-005-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. О судебной практике по делам о вымогательстве (статья 163 Уголовного кодекса Российской Федерации) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 декабря 2015 г. № 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29. Пункт 10 (в ред. от 16 мая 2017 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1. Пункт 10 (в ред. от 3 марта 2015 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение № 18-АПУ14-431 (2015) // Обзор судебной практики Верховного Суда РФ. URL: <http://ппвс.рф/2015> (дата обращения: 14.09.2018).
11. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2013 г. [Электронный ресурс]: постановление Президиума Верховного Суда РФ от 4 июня 2014 г. № 235-П13. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 641-П06 по делу Гарифулина и Матренина [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Приговор Подольского городского суда Московской области от 9 декабря 2011 г. // «Росправосудие»: база данных судебных решений. URL: <https://rospravosudie.com/court-podolskij-gorodskoj-sud-moskovskaya-oblast-s/act-100526183/> (дата обращения: 14.03.2017).
14. Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2010.
15. Соучастие в преступлении: особенности квалификации: учебно-метод. пособие / В.В. Намнясева [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2018.
16. Справка по результатам обобщения судебной практики по теме «Уголовная ответственность соучастников преступления и эксцесс исполнителя» (извлечение). Дело № 1-30/2013. URL: <http://old.arhcourt.ru> (дата обращения: 14.09.2018).
17. Яни П. Квалификация групповых хищений в судебной практике // Законность. 2016. № 1. С. 40-45.

УДК 343.988

А.О. Жакупжанов, магистр юрид. наук

Костанайская академия МВД Республики Казахстан имени Ширакбека Кабылбаева,

аспирант Челябинского государственного университета

E-mail: ama_zv@mail.ru

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ

Научные исследования киберпреступности только набирают оборот в различных областях научного знания, в первую очередь криминологического. Огромные масштабы вредных последствий, причиняемых преступлениями, совершаемыми посредством использования информационно-коммуникационных технологий, требуют отдельного учета такого фактора, как поведение пользователей соответствующих ресурсов, способного привести к их виктимизации. Процесс виктимизации потенциальных жертв в контексте киберпреступности имеет как общие (объективные и субъективные) закономерности формирования, так и индивидуальные, касающиеся специфических параметров личных свойств и качеств, служебной, производственной деятельности и т.д. Для успешного противодействия росту кибернетических посягательств часто недостаточно даже штата высококлассных специалистов, в силу чего развитые в информационном отношении страны нередко становятся жертвами кибератак. Более того, именно высокий уровень развития информационно-коммуникационных взаимодействий в стране, как правило, прямо пропорционален количеству обнаруженных или предполагаемых кибернетических посягательств. Однако учитывая объем киберпреступлений в отношении рядовых граждан, следует признать, что виктимологический аспект данных посягательств также должен быть одним из приоритетных в современных научных исследованиях. В настоящей статье систематизируются отдельные аспекты виктимологии киберпреступности, а также обозначаются некоторые теоретические и практические моменты, не получившие до настоящего времени достаточного освещения.

Ключевые слова: киберпреступность, киберпреступление, виктимность, виктимология, латентность, виктимизация, информационно-коммуникационные технологии.

A.O. Zhakupzhanov, Master of Juridical Sciences

The Kostanai Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan after Shyrakbek Kabylbayev,

postgraduate student of Chelyabinsk State University

E-mail: ama_zv@mail.ru

VICTIMOLOGICAL FACTORS OF CYBERCRIME

Scientific investigations of cybercrime grow in intensity in various fields of scientific knowledge and in first turn in criminological one. Great scales of bad consequences of crimes committed by means of information and communicative technologies demand separate calculation of such factor as corresponding resources user behavior capable of their victimization. The process of victimization of potential victims in the context of cybercrime has both general (objective and subjective) organization features and individual ones concerning specific features of personal qualities, service, business processes etc. For successful counteraction to growth of cyber encroachments even highly-qualified staff of specialists is not enough, that's why developed in information term countries often become the victims of cyber-attacks. Moreover, namely the high level of information and communicative interactions development in the country is as a rule directly proportional to the quantity of disclosed and assumed cyber encroachments. However taking into account the number of cybercrimes delinquency of ordinary citizens, one should confess, that victimological aspect of the given encroachments also must have priority in modern researches. The given article systematizes separate aspects of cybercrime victimology, and points out some theoretical and practical moments, not having sufficient elucidation to preset time.

Key words: cybercrime, cyber fraud, victimhood, victimology, latency, victimization, information and communicative technologies.

Учитывая тот факт, что киберпреступность представляет собой сравнительно молодой сегмент современной преступности, виктимологические исследования данной разновидности криминальных угроз до настоящего времени представлены незначительным объемом. Одной из очевидных особенностей киберпреступности является тот факт, что она развивается, модифицируется и мимикрирует значительно более быстрыми темпами, нежели правовые механизмы реагирования на нее. Иными словами, законодательные конструкции находятся в объективном «отставании» от темпов развития данного криминального сектора, приносящего миллиардные убытки государству [1, с. 24].

Предваряя исследование, следует признать условную синонимичность таких терминов, как «киберпреступность», «интернет-преступность», «информационная преступность», «преступность в сфере информационных технологий», «компьютерная преступность» и пр., в разрезе данного научного исследования. Фактически все эти понятия консолидируют признаки одного и того же криминального явления (сложенного из фрагментов, представляющих собой отдельно взятые общественно опасные деяния или их группы) – совершения преступных посягательств посредством высокотехнологичных информационных систем и ресурсов. По нашему мнению, термин «киберпреступность» во многом более предпочтителен по причине того, что отражает высокую степень общественной опасности, объективно имеющую место в современных условиях развития информационно-коммуникационных технологий. Современные исследователи под киберпреступностью понимают «совокупность преступлений, совершаемых в киберпространстве с помощью или посредством компьютерных систем или компьютерных сетей, а также иных средств доступа к киберпространству, в рамках компьютерных систем или сетей, и против компьютерных систем, компьютерных сетей и компьютерных данных» [14, с. 117-118]. Особую группу киберпреступлений составляют деяния, осуществляемые в секторе «теневое», «невидимого» интернета, в частности в сети TOR, не идентифицируемой стандартными поисковыми системами. В данной сфере происходит совершение значительного количества незаконных действий (секс-индустрия, распространение наркотиков и оружия, незаконные экономические сделки и пр.), причем нередко средством расчета является биткоин [15, с. 651-652].

Понятие киберпространства также получило достаточно разветвленное научное определение у исследователей данной проблемы. Так, во-первых, кибернетическое пространство определяется как «особое информационное пространство со специфическими пространственно-временными характери-

стиками (трансграничность, экстерриториальность, децентрализованность, разветвленность, многоканальность, виртуальность, имитационность, гипертекстовость)», во-вторых, оно возникает и функционирует с помощью компьютерных и других электронных устройств, в силу чего обладает параметрами глобального информационного объема. В-третьих, благодаря указанным характеристикам киберпространство «выполняет функции коммуникации, размещения и использования информации, предоставления информационных и иных социально значимых услуг, взаимодействия институтов государственной власти, гражданского общества и отдельной личности». И наконец, в-четвертых, оно неизбежно является «моделирующим фактором воздействия на индивидуальное, групповое и массовое сознание, социально-политическую, экономическую, духовную (культурную, религиозную, идеологическую, научную, образовательную) и иные сферы жизнедеятельности социума» [13].

Именно по причине того, что термин «киберпространство» является удачным симбиозом всех наиболее значимых параметров использования информационно-коммуникационных технологий, а равно подразумевает глобальность информационного потока и массовость пользователей соответствующими информационными ресурсами, мы полагаем, что и термин «киберпреступность» в большей степени отражает характер и степень общественной опасности деяний, совершаемых посредством использования информационно-коммуникационных технологий.

Исследования различных сегментов криминальных угроз уже подтвердили тот факт, что в подавляющем большинстве случаев определенные признаки потерпевшего способны понизить или повысить уровень его виктимности (т.е. способности стать жертвой соответствующего преступного посягательства). Причем спектр этих признаков весьма разнообразен и может быть систематизирован исключительно в рамках того или иного вида преступности. Таким образом, и в контексте киберпреступности виктимологический аспект обладает рядом специфических признаков, учет которых необходим как для расследования фактов уже случившихся фактов киберпреступлений, так и для профилактики потенциальных киберугроз.

Учитывая тот факт, что киберпреступность объективно имеет трудно поддающиеся оценке темпы развития и расширения, криминализация отдельных составов преступлений, учитывающих степень общественной опасности того или иного киберпреступления, происходит именно от виктимологического критерия. То есть объективизация вредных последствий от тех или иных криминальных манипуляций в информационно-коммуникационных сетях про-

исходит либо через оценку особой категории виктимности потенциальных жертв кибернетических преступлений, либо через анализ фактически причиненного вреда конкретным лицам, организациям, государствам. Так, прогнозирование кибератак в отношении крупных банков, хранилищ засекреченных данных военного характера, стратегически важной государственной информации предполагает необходимость превентивного механизма противодействия предполагаемым атакам в будущем. Что же касается основного сектора использования информационно-коммуникационных технологий, то в данном случае обычно используются стандартизированные антивирусные программы, разработанные в отношении ранее обнаруженных и типизированных вредоносных программ. В отношении преступных посягательств, совершаемых посредством информационно-коммуникационных технологий (мошенничеств, хищений служебной информации, различных способов воздействия на сознание и психику людей и т.д.), как показывает законодательная практика, криминализация происходит уже по факту совершения достаточного количества однородных киберпреступлений (например, учащение случаев мошенничества с использованием компьютерных технологий) или по факту причинения значительного вреда охраняемым объектам (в частности, суицидального поведения подростков, подключившихся к «играм смерти» в сети Интернет).

Очевидно, именно по указанным причинам исследователями констатируется факт фрагментарности виктимологических исследований в области кибернетической преступности. Преимущественно виктимность оценивается в рамках того или иного состава преступления, связанного с использованием информационно-коммуникационных технологий. Подобное положение вещей вполне объяснимо ввиду сложности комплексной оценки всех возможных случаев проявлений криминала в кибернетической области, а также унификации типичных свойств потерпевших от данных деяний. Особенностью киберпреступности является то, что как отдельные граждане, так и крупные организации, корпорации и даже государства могут стать жертвами действий киберпреступников. Соответственно, и факторы виктимности в данном случае имеют целый ряд специфических признаков, которые достаточно сложно объединить и сгруппировать по более или менее релевантным группам.

Интерес представляет также то обстоятельство, что в системе средств информационной коммуникации можно констатировать потенциальную виктимность лиц, способных стать жертвами совершенно различного рода преступных посягательств – мошенничеств, опасных для здоровья способов врачевания, половых посягательств на несовершенно-

летних и малолетних лиц, фактов торговли людьми, вовлечения в проституцию, экстремальные формы поведения, опасные для жизни и многие другие. Так, в частности, отслеживание посещения сайтов экстремистского содержания может дать необходимую оперативную информацию относительно потенциальных жертв вербовки в экстремистские организации. Это своего рода опосредованная виктимность, поскольку основные признаки виктимного поведения обусловлены не функционированием информационно-коммуникационных технологий, а иными свойствами личности (склонность быть подверженным манипуляции, социальное неблагополучие, интровертизм личности, доверчивость, низкий уровень грамотности и недостаточный социальный опыт, отношение к определенной этнической или религиозной группе и др.). В целом же следует отметить, что киберпреступность как стремительно развивающийся негативный фактор современного общества (своего рода обратная сторона медали с точки зрения быстрого технического прогресса) неизбежно влияет и на устоявшиеся, фундаментальные положения уголовно-правовой науки. В частности, современные исследователи ставят вопрос о том, что ввиду достаточно большой распространенности случаев использования информационно-коммуникационных технологий при совершении преступлений различной качественной характеристики пришло время пересмотреть традиционное понимание средств и орудий совершения преступления исключительно как объектов материального мира и дополнить их теоретическую трактовку указанием на процессы как особую разновидность средств и орудий совершения преступных посягательств [18, с. 7].

Изучив научные публикации по вопросам виктимности в контексте киберпреступности, полагаем, что можно выделить целый комплекс факторов объективного и субъективного характера, продуцирующих виктимность по отношению к преступлениям в киберпространстве. Весьма часто современные исследователи указывают на тот факт, что виктимизация в отношении киберпреступлений формируется под воздействием объективных и субъективных факторов, но не детализируют значение каждого из них [12, с. 68]. Разработанная нами классификация, приведенная ниже, не претендует на универсальность, однако мы считаем, что она определенным образом систематизирует факторы кибернетической виктимности, имеющие, соответственно, объективный и субъективный характер.

В частности, к объективным факторам можно отнести: 1) неизбежное возрастание роли информационно-коммуникационных технологий в жизни людей, перемещение значительного количества повседневных функций, потребностей, интересов отдельно

взятого человека в «виртуальную» реальность; 2) все большее включение персональных данных частных лиц в различные информационные системы для расширения сферы оказания различного рода услуг; 3) неизбежное отставание уровня знаний «среднего» пользователя информационно-коммуникационными технологиями от темпов развития, усложнения и разветвления информационно-коммуникационных ресурсов; 4) ощутимые преимущества использования информационно-коммуникационных сетей для криминального элемента, поскольку это позволяет вуалировать свою личность и свою преступную деятельность (в частности, заявлять в ресурсе оказание легальных услуг, а фактически совершать незаконные действия); 5) доступность пользования информационно-коммуникационными сетями для детей, когда они начинают познавать и использовать возможности глобального информационного пространства гораздо раньше, нежели получают минимально необходимый набор знаний относительно собственной безопасности, сформируют свое собственное представление о системе ценностей; 6) умеренное (фактически минимальное) вмешательство государственных органов и должностных лиц в сферу функционирования информационно-коммуникационных технологий, обусловленное необходимостью соблюдения права гражданина на свободное получение и распространение информации любым законным способом; 7) недостаточная компетентность лиц, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность и досудебное расследование, в вопросах технического характера по функционированию информационно-коммуникационных технологий.

Что касается субъективных факторов формирования виктимности от кибернетических преступлений, то к ним можно отнести следующие: 1) разнообразный набор личных качеств, формирующих виктимность именно в сфере информационно-коммуникационных технологий, таких как: доверчивость, беспечность, низкий уровень знаний в сфере собственной информационной безопасности, стремление к быстрому и высокому заработку, к которому призывают в сети Интернет и др.; 2) издержки культуры современного общества, при которых одной из основных форм самовыражения и самореализации становится активное поведение в социальных сетях, создание блогов и участие в них и т.п. Фактически имеет место ситуация, когда не столько воспринимается содержание информации о личности, ее достоверность или недостоверность, сколько сам факт того, что информация доступна значительному количеству пользователей и востребована ими; 3) формирование определенных поведенческих стереотипов, снижающих осторожность при использовании средств информационно-коммуникационных

технологий (например, пренебрежение предупреждениями в сети о неблагонадежности сайта, передача ключей, паролей иным лицам, которые в итоге могут получить доступ к персональным данным или денежным средствам потенциального потерпевшего и др.); 4) отсутствие психологической готовности к «здоровому» пользованию информационно-коммуникационными технологиями. Под «здоровым» пользованием мы понимаем взвешенное, дозированное и субъективно-контролируемое использование возможностей информационно-коммуникационных ресурсов конкретными лицами, внутреннюю защиту от сублимации нормальных потребностей в общении, развитии, получении информации посредством тотального нахождения в информационном пространстве. Особенно это обстоятельство касается лиц молодого возраста, склонных гиперболизировать или даже абсолютизировать выгоду от пользования информационно-коммуникационными технологиями. Совсем недавно, в июне 2018 г., Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) учла опасность чрезмерного увлечения компьютерными и видеоиграми в качестве отдельного заболевания, требующего самостоятельного лечения [3]. Опасность такого зависимого состояния заключается не только в том, что данное лицо постепенно отказывается от реальных социальных контактов, заменяет социально полезную деятельность компьютерным суррогатом, но и в том, что посредством компьютерных игр возможно сформировать особый негативный культурный код, пропагандирующий насилие, пренебрежение к собственной и чужой жизни, а также к иным правам человека. Происходит «застывание» в виртуальной реальности, размывание границ действительной и вымышленной жизни. Фактически игроман может стать как жертвой кибернетического преступления, так и потенциальным киберпреступником.

Имеющие место виктимологические исследования киберпреступности демонстрируют тот факт, что не выявлена дифференциация степени виктимности от пола потерпевшего. Интернет-аудиторию составляют 54,8% мужчины и 45,2% женщины. Примерно в таком же процентном соотношении распределяется и количество жертв кибернетических преступлений [16]. Закономерно предположить, что определенные гендерные отличия потерпевших в структуре совершаемых кибернетических преступлений все-таки имеются и могут быть воспроизведены при дифференциации разновидностей соответствующих преступных посягательств. Так, женщины в силу большей доверчивости и склонности верить в нетрадиционные способы врачевания, решения личных, семейных, финансовых проблем и т.п. гораздо чаще становятся жертвами именно такого рода мошенничеств. Для мужчин более характерным будет использование

информационных ресурсов, содержащих азартные игры (например, покер), различного рода виртуальные тотализаторы и пр.

Закономерен тот факт, что в подавляющем большинстве случаев констатируется анонимность киберпреступника. В частности, такое деяние, как распространение вредоносных программ, квалифицируемое в рамках ст. 273 УК РФ, заключается в том, что распространение вируса происходит не персонализировано, а посредством заражения как можно большего количества систем, которые в последующем заражают другие системы. Установить разработчика (распространителя) подобных вредоносных программ весьма затруднительно, причем фактически распространение вредоносной программы впоследствии может иметь и неосторожный характер. В целом неосторожность, беспечность и небрежность пользователя информационно-коммуникационных сетей в значительном количестве случаев продуцируют соответствующий тип виктимности, делают пользователя удобной «мишенью» для совершения киберпреступлений.

Что касается возрастных параметров жертв кибернетических преступлений, то исследователи преимущественно указывают на сравнительно молодой возраст потерпевших (в среднем около 34 лет) [7, с. 94]. Объясняется это, на наш взгляд, преимущественно тем обстоятельством, что люди молодого возраста гораздо более активны в вопросах использования информационно-коммуникационных систем, гораздо чаще используют возможности интернет-магазинов, систем электронных денег и т.д. Таким образом, с одной стороны, пользователи более молодого возраста в силу своей информационно-коммуникационной активности постоянно приобретают новые навыки, повышают свою компьютерную грамотность и оперативность, а с другой стороны, по причине значительного присутствия в информационно-коммуникационных системах закономерно формируют у себя определенный уровень виктимности. Касательно лиц более старшего возраста следует отметить, что их участие в системе информационно-коммуникационных взаимодействий, как правило, происходит либо вынужденно (в силу их включения в различного рода реестры, банки персональных данных и т.д.), либо имеет место «дозированное» использование для удовлетворения личных потребностей общения, получения и обмена информацией и т.д. В данном случае весьма распространены такие способы обманных действий в информационно-коммуникационном пространстве, которые иногда называют своеобразной криминальной «социальной инженерией». В частности, учитывая доверчивость людей старшего поколения к личным контактам, они могут быть введены в заблуждение посредством телефонного звонка лица,

представившегося агентом, оператором, должностным лицом и т.д.

Мы поддерживаем позицию исследователей, предлагающих выделять уровни виктимности в контексте киберпреступности, в частности общий и индивидуальный уровень [6, с. 163-165]. На наш взгляд, обособление уровней данного вида, а также анализ их специфических признаков способны создать основу для выработки более или менее действенной системы виктимологической профилактики киберпреступности. В частности, особого внимания заслуживает индивидуальный уровень виктимности, в отношении которого вполне мыслимы специальные программы виктимологической профилактики. Причем здесь следует учитывать различный качественный состав потенциальных жертв киберпреступности. Так, для рядового пользователя информационно-коммуникационных сетей наиболее востребованы инструкции, памятки, предупредительные знаки по наиболее типичным схемам криминального поведения киберпреступников и в зависимости от сферы присутствия пользователя в информационно-коммуникационном пространстве. Такого рода информирование следует включать во всех случаях, когда появляются фактические данные о недобросовестности сайтов, случаях причинения пользователю материального ущерба, утечки конфиденциальной информации и т.д. Например, предупреждение о том, что рекомендуется проверить реальность существования и законность действий туроператора, а также инструкция, каким образом можно эти действия осуществить. Наличие такого предупредительного оповещения для добросовестного держателя информационного контента не представит никаких затруднений, не повлияет на его имиджевую и маркетинговую политику, но создаст сложности для мошеннических сайтов. Иными словами, необходимо добиваться практики качественного, своевременного, постоянно обновляемого и достоверного информирования пользователей.

Что же касается индивидуальной виктимности крупных финансовых организаций, государственных структур и государств в целом, то степень индивидуальной виктимности в данном случае должна оцениваться самостоятельно, посредством аналитической и прогностической деятельности штата квалифицированных сотрудников. В данном сегменте воздействия киберпреступников действия «на опережение» особенно важны, поскольку риск создания колоссальных угроз финансовому благополучию, национальной безопасности, деловой репутации, политическому имиджу в данном случае весьма велик, а последствия трудно устранимы. Современные исследователи совершенно справедливо отмечают, что в последнее время нередким стало использование информационно-коммуникационных технологий

«в целях, не совместимых с задачами поддержания международной стабильности и безопасности: для подавления и подчинения других государств» [17, с. 37]. Совершенно справедливы и утверждения о том, что в настоящее время проблемы, связанные с формированием и использованием информационных ресурсов, регулярно используются в политических и экономических противоборствах государств, при которых достаточно заметным является информационное неравенство [11, с. 5]. С другой стороны, следует отметить, что степень информационной насыщенности различных сфер жизнедеятельности общества существенным образом влияет и на уровень виктимизации населения, поскольку в данном случае качественные процессы неизбежно воздействуют на количественную составляющую, в частности на количество потерпевших от киберпреступлений. В связи с этим исследователи совершенно справедливо указывают, что именно в развитых в информационном отношении странах количество потерпевших возрастает наибольшими темпами [9, с. 51]. Исследователи, ссылаясь на данные лаборатории Касперского, указывают на существенное возрастание кибератак, при этом констатируют, что кибератаки преимущественно являются краткосрочными, но интенсивными. Учитывая тот факт, что в последние годы Россия входит в число ТОП-стран, интернет-ресурсы которых подвергаются кибератакам наиболее часто, исследователи указывают на необходимость развития новых правовых дисциплин, связанных с вопросом кибернетической безопасности [4, с. 9].

В одном из первых российских исследований вопросов виктимности в контексте киберпреступности было сформулировано предложение выделять не только виктимность отдельно взятого пользователя информационно-коммуникационных технологий, но и особую виктимность персонального компьютера. В частности, обосновывается термин «компьютерная уязвимость», которая подразумевает собой способность персонального компьютера в силу своих технических, потребительских свойств быть виктимным [2, с. 141]. Такого рода постановка вопроса нам представляется спорной, поскольку виктимология имеет своим предметом изучение жертвы преступных посягательств, что предполагает в первую очередь возможность осознавать себя в качестве жертвы. Кроме того, несмотря на то, что компьютер как особый вид технического устройства, безусловно, может быть подвергнут определенному воздействию, тем не менее данные, пострадавшие в ходе воздействия на компьютер, принадлежат определенному субъекту, и, соответственно, вред причиняется именно ему. Таким образом, и жертвой киберпреступления в данном случае будет человек-пользователь компьютера.

Специфика виктимологической характеристики киберпреступлений неизбежно оказывает влияние и на степень латентности данных видов общественно опасных посягательств. Исследователи приводят достаточно развернутые классификации латентных групп в сфере киберпреступности. В частности, заслуживает внимания следующая классификация: а) противоправные деяния, совершенные по небрежности в силу неосведомленности самого пользователя о незаконном характере его действий; б) противоправные деяния, о которых потерпевшая сторона не сообщает в правоохранительные органы в силу собственной незаинтересованности; в) противоправные деяния, где нет явно выраженной потерпевшей стороны; г) противоправные деяния, которые известны узкому кругу лиц; д) неучтенные правоохранительными органами преступления в сфере компьютерной информации; е) нераскрытые (неполно раскрытые) преступления в сфере компьютерной информации [10, с. 209]. Если рассматривать факторы латентизации, провоцируемые самими потерпевшими, то к ним в первую очередь следует относить несообщение о факте совершенного посягательства в правоохранительные органы. Причин для подобного поведения потерпевшего существует достаточно много: нежелание предоставлять доступ к своим личным данным, скептическое отношение к возможностям раскрытия киберпреступления, соразмерение «риска и пользы» обращения с принятием решения о воздержании от огласки, страх утраты репутации, привлечения других киберпреступников ввиду возрастания уязвимости и др. Безусловно, нелишним будет заметить также, что низкий уровень правовой грамотности населения, равно как и знаний о собственной информационной безопасности, неизбежно приводит к тому, что пользователь может и не распознать того, что стал объектом кибернетического преступления. Все эти факторы требуют учета при оценке масштабов преступных посягательств в сфере информационно-коммуникационных технологий.

Заслуживают отдельного внимания и смежные с виктимологическими факторами исследования психологии лиц, совершающих киберпреступления. Исследователи данного вопроса указывают на специфику взаимодействия в данном случае между виновным и потерпевшим, в котором существенно нивелируется составляющая социального взаимодействия, как в большинстве других преступных посягательствах. «В условиях киберпространства, — указывают исследователи психологии киберпреступника А.Н. Косенков, Г.А. Черный, — существенно меняется психологическое содержание взаимосвязей "преступник — предмет преступления", а также "преступник — потерпевший", которые из прямых превращаются в опосредованные: преступник — электронное устрой-

ство (сеть) – потерпевший (предмет преступления), что ведет к устранению материальной составляющей как действий человека, так и социального взаимодействия. При этом "виртуальные" предметы психологически кажутся более доступными, в том числе для незаконного завладения ими» [8, с. 90]. Подобные исследования заслуживают особого внимания в контексте оценки виктимологического фактора киберпреступности, поскольку они акцентируют внимание на тех аспектах своего рода псевдосоциальных взаимодействий, которые часто складываются в сфере использования информационно-коммуникационных технологий.

Более того, при криминологическом исследовании киберпреступности, в особенности ее виктимологической части, необходимо в обязательном порядке учитывать и результаты социологических исследований, посвященных данной проблеме. В частности, современные исследователи в области социологии указывают на тот факт, что в настоящее время имеется ощутимая диспропорция между техническим развитием общества и его социально-культурным развитием, при которой второй компонент существенно отстает от первого. В итоге это приводит к достаточно серьезным затруднениям в том смысле, что рядовые граждане оценивают киберне-

тические угрозы достаточно фрагментарно, только в контексте каких-либо конкретных общественно опасных посягательств, а комплексное восприятие серьезности проблемы как своеобразной угрозы безопасности общества отсутствует [5, с. 8]. В контексте исследования виктимологического аспекта киберпреступности проигнорировать такого рода факты недопустимо, поскольку отсутствие четкого восприятия собственной уязвимости неизбежно негативным образом сказывается на любых мероприятиях по повышению информационной безопасности общества.

Таким образом, виктимологическая характеристика киберпреступлений обладает значительным количеством отличительных признаков, обусловленных спецификой данных посягательств. Несмотря на сложность виктимологической профилактики киберпреступности, затруднения в получении достоверных знаний о тех или иных формах посягательств в сфере информационно-коммуникационных технологий, систематический, разноплановый анализ виктимологической информации необходим как для своевременной криминализации общественно опасных деяний в киберпространстве, так и для выработки специальных программ и методов повышения информационной безопасности пользователей.

Литература

1. Анин Б.Ю. Защита компьютерной информации. СПб.: БХВ, 2000. 384 с.
2. Бессонов В.А. Виктимологические аспекты предупреждения преступлений в сфере компьютерной информации: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2000. 249 с.
3. ВОЗ признала игроманию заболеванием // Новости Интерфакс. 2018. 18 июня. URL: <http://www.interfax.ru/world/617432> (дата обращения: 11.04.2019).
4. Горшков Е.А., Голованов Е.Р. Информационно-документационное обеспечение управления кибернетической безопасностью в России: анализ, проблемы, перспективы // Молодой ученый. 2017. № 21 (155). С. 9.
5. Жуйков А.А. Информационная безопасность в условиях генезиса виртуального пространства трансформирующегося российского общества: автореф. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2016.
6. Зыков Д.А. Виктимологические аспекты предупреждения компьютерного мошенничества: дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2002. 211 с.
7. Кесарева Т.П. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в российском сегменте сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 195 с.
8. Косенков А.Н., Черный Г.А. Общая характеристика психологии киберпреступника // Криминологический журнал ОГУЭП. 2012. № 3 (21). С. 90.
9. Лопатина Т.М. Виктимологическая профилактика компьютерных преступлений // Российская юстиция. 2006. № 4. С. 51.
10. Лопатина Т.М. Криминологические и уголовно-правовые основы противодействия компьютерной преступности: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 418 с.
11. Мазитов Р.Р. Информационная безопасность Российской Федерации на современном этапе // Российская юстиция. 2009. № 11. С. 5.
12. Попов К.И. Виктимологическая характеристика преступлений в сфере компьютерной информации // Виктимология. 2014. № 1 (1). С. 68.
13. Тонконогов А.В. Кибернетическая безопасность: понятие и сущность феномена // Аналитический портал «Отрасли права РФ». URL: <http://xn----7sbabaj7auwnffhk.xn--p1ai/article/7472> (дата обращения: 29.03.2019).
14. Тропина Т.Л. Киберпреступность: понятие, состояние, уголовно-правовые меры борьбы: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2005. 234 с.

15. Узденов Р.М. Новые границы киберпреступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 4. С. 651-652.
16. Федоренко В. Виктимологический аспект преступлений в сети Интернет // Блог «Zakon.ru». URL: https://zakon.ru/blog/2012/01/19/viktimologicheskij_aspekt_prestuplenij_v_seti_internet (дата обращения: 14.04.2019).
17. Чекунов И.Г. Киберпреступность: понятие и классификация // Российский следователь. 2012. № 2. С. 37.
18. Чекунов И.Г. Криминологическое и уголовно-правовое обеспечение предупреждения киберпреступности: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

УДК 343.851.5

И.Н. Заварыкин, канд. юрид. наук

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: criminal-man@mail.ru

К ВОПРОСУ О ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (ПО МАТЕРИАЛАМ СИБИРСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА)

В статье анализируются закономерности преступности несовершеннолетних в Сибирском федеральном округе, а также рассматриваются пути решения проблем, связанных с профилактикой данного негативного социального явления.

Автор приходит к выводу о том, что в Сибирском федеральном округе уровень преступности несовершеннолетних в 2018 г. почти в 2 раза превышал аналогичный общероссийский показатель.

Для более эффективного противодействия рассматриваемому явлению, по мнению автора, следует усовершенствовать предупредительную деятельность органов внутренних дел в местах концентрации несовершеннолетних (в торговых, развлекательных центрах и т.д.), решив кадровые вопросы нехватки сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и иных служб, выделяя дополнительные патрули полиции, взаимодействуя с представителями торговых организаций и руководством торгово-развлекательных центров.

Также необходимо совершенствовать деятельность по созданию отрядов содействия полиции из числа обучающихся образовательных организаций.

Ключевые слова: несовершеннолетние, закономерности преступности, Сибирский федеральный округ, профилактика преступности.

I.N. Zavarykin, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: criminal-man@mail.ru

ON THE JUVENILE CRIME PREVENTIVE MEASURES (BASED ON THE MATERIALS OF THE SIBERIAN FEDERAL OKRUG)

The article analyses juvenile crime patterns in the Siberian Federal Okrug along with consideration of the ways to solve the problems related to the measures against this negative social phenomenon. The author draws the conclusion that in 2018 the level of juvenile crime in the Siberian Federal Okrug was almost twice higher than the mentioned characteristics generally in the Russian Federation. To the author's opinion for efficient enhancement of considered phenomenon counteraction it is necessary to improve preventive activities of police authorities in places of mass juvenile gathering (trade and entertainment centers, etc.) by means of increasing of cadre list of the juvenile crime departments and other responsible authorities, providing additional police patrols, collaborating with the trade organizations and entertainment centers management. Furthermore, it is required to improve activities in creation of police assistance squads among students of educational institutions.

Key words: juvenile, crime patterns, Siberian Federal Okrug, crime preventive measures.

Общественные отношения, связанные с противодействием и в первую очередь предупреждением делинквентности несовершеннолетних, являются одним из наиболее значимых объектов криминологических исследований.

Особое значение рассматриваемой проблематики обусловлено тем, что в будущем обществу и государству нужны социально полезные законопослушные граждане, способные не только воздерживаться от противоправного поведения, но и воспитать достой-

ное следующее поколение. Ведь то, что мы заложим в детей сейчас, то «зерно», которое мы в них взрастим, в значительной мере повлияет на благополучие нашей Родины.

Обращаясь к объекту проведенного исследования и рассмотрев компоненты его предмета, мы проанализировали статистические показатели преступности несовершеннолетних в Сибирском федеральном округе за последние 5 лет, а также сравнили их с общероссийскими показателями (см. таб. 1, таб. 2) [5].

Таблица 1

***Состояние преступности несовершеннолетних
в Российской Федерации и Сибирском федеральном округе в 2014-2018 гг.***

Регион / период	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Российская Федерация	54 369	55 993	48 589	42 504	40 860
Сибирский федеральный округ	13 499	13 217	11 642	10 229	8 203
Республика Алтай	175	167	194	160	163
Республика Тыва	305	345	300	357	402
Республика Хакасия	507	404	322	264	229
Алтайский край	1 129	1 337	1 219	1 115	1 067
Красноярский край	2 029	1 870	1 621	1 316	1 222
Иркутская область	1 968	1 895	1 667	1 647	1 550
Кемеровская область	1 893	1 760	1 607	1 395	1 510
Новосибирская область	1 571	1 504	1 401	1 054	1 085
Омская область	811	773	610	522	497
Томская область	628	733	630	548	478

Таблица 2

***Уровень преступности несовершеннолетних в Российской Федерации
и Сибирском федеральном округе на 100 тысяч населения в 2014-2018 гг.***

Регион / период	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Российская Федерация	37	38	33	29	28
Сибирский федеральный округ	70	68	60	53	48
Республика Алтай	82	78	90	74	74
Республика Тыва	98	110	95	112	124
Республика Хакасия	95	75	60	49	43
Алтайский край	47	56	51	47	46
Красноярский край	71	65	56	46	43
Иркутская область	81	79	69	68	65
Кемеровская область	69	65	59	52	57
Новосибирская область	57	55	51	38	39
Омская область	41	39	31	27	26
Томская область	59	68	58	51	44

По данным ГИАЦ МВД России, количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступления в 2014-2018 гг., снижалось год от года как по стране в целом, так и в Сибирском федеральном округе (далее – СФО). На учет в подразделениях по делам несовершеннолетних в СФО в 2018 г. было поставлено 21 782 подростка (-18,9% АППГ). Однако количество несовершеннолетних, совершивших уголовно наказу-

емые деяния в 2018 г., возросло в Республике Алтай на 3%, в Новосибирской области – на 3%, в Кемеровской области – на 8,2%, в Республике Тыва – на 12,6%.

Следует также учитывать, что Указом Президента России от 3 ноября 2018 г. № 632 из состава федерального округа исключены Республика Бурятия и Забайкальский край, данные территории переданы в Дальневосточный федеральный округ.

Необходимо отметить, что в Республике Бурятия количество несовершеннолетних, совершивших преступления в 2018 г., выросло на 12% к аналогичному периоду прошлого года, а в Забайкальском крае этот показатель снизился на 12%, нивелировав рассматриваемые характеристики для округа.

В некоторых субъектах СФО динамика преступности несовершеннолетних имела волнообразный характер, а уровень преступности был значительно выше общероссийских показателей.

Так, в Сибирском федеральном округе уровень преступности несовершеннолетних в 2018 г. почти в 2 раза превышал аналогичный общероссийский показатель; в Иркутской области – в 2,3 раза; в Республике Алтай – в 2,6 раза; в Республике Тыва – в 4,4.

Если рассматривать ситуацию более подробно, то можно увидеть, что в 2018 г. в округе наблюдался рост тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков, связанных с их сбытом, совершенных несовершеннолетними или при их участии (+15,7% АППГ). Подобная тенденция сохраняется в регионе последние 3 года.

К 2014 году рост особо тяжких преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков составил 89%.

Неблагоприятная обстановка в рассматриваемой сфере сложилась почти во всех регионах Сибирского федерального округа за исключением Омской области.

Необходимо отметить, что в 2014-2018 гг. преступность несовершеннолетних в регионах Сибирского федерального округа имела тенденции, обусловленные негативным воздействием ряда региональных криминогенных детерминант:

1. Сопровождающий развитие рыночных отношений рост индустрии развлечений (увеличение количества торгово-развлекательных центров в столицах регионов СФО и т.д.) и снижение возможности ими пользоваться, а также снижение реальных доходов населения округа.

Например, Алтайский край входит в число девяти регионов России, где количество людей, получающих менее 10 тысяч рублей в месяц, больше 25% [2].

2. Недостаточная организация социально полезного досуга несовершеннолетних (особенно в сельской местности), обусловленная отсутствием должного финансирования, а также ошибками в принятии управленческих решений.

В положительном ключе хотелось бы отметить Красноярский край, где досугу несовершеннолетних уделено достаточное внимание, однако субъекты профилактики занимаются, как правило, малолетними.

3. Достаточно высокий уровень алкоголизма, наркомании и токсикомании несовершеннолетних.

4. Увеличение числа аутсайдеров, подростков, живущих вне коллективов. Дети становятся изгоями

и объектами насмешек со стороны сверстников, нередко подвергаются насилию.

Так, в Алтайском крае в июне 2019 г. девочки-подростки заставили 15-летнюю сверстницу пить воду из лужи и сняли это на видео, которое потом выложили в социальную сеть «ВКонтакте». Поводом для унижений стала ревность. По данному факту в следственном управлении Следственного комитета Российской Федерации по Алтайскому краю организована доследственная проверка [6].

5. Рост интернет-мании, связанный с развитием телекоммуникационных сетей в Сибири, в последние годы (компьютерные игры, социальные сети, различные сайты с контентом, отрицательно влияющим на несформировавшуюся личность подростка). При этом дети могут совершать преступления, выкладывая их в социальные сети для самоутверждения, набора «лайков» и лжепопулярности.

Например, в Бурлинском районе Алтайского края в июле 2018 г. 13-летняя школьница зарубила живого котенка топором, сняла это на видео и выложила в социальную сеть «ВКонтакте» похвастаться.

Данный эпизод имел широкий общественный резонанс и обсуждался в региональных и федеральных СМИ.

6. Достаточно высокий уровень насилия в регионах СФО. Например, 10 октября 2018 г. в инфекционное отделение Заринской детской больницы поступили шестеро детей из опекаемой семьи от 2,5 лет до 16 лет. У всех были следы побоев, удушья на шее, вырванные волосы. Месяц назад из этой же семьи в больницу привезли мальчика со сломанной ногой, травмой затылка, ушибами. По факту было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 293 УК РФ (в отношении должностных лиц органов опеки и попечительства) и п. «г» ч. 2 ст. 117 УК РФ (в отношении приемной матери).

Следует также проанализировать организационно-правовые факторы, влияющие на преступность несовершеннолетних в Сибирском федеральном округе:

1. Несогласованность законодательства, направленного на профилактику правонарушений несовершеннолетних.

Так, до недавнего времени в кодексах субъектов СФО об административных правонарушениях эффективно действовали статьи, предусматривающие наказание родителей за нахождение несовершеннолетних в ночное время без сопровождения законного представителя.

По представлению прокуратуры они были исключены, поскольку признаны дублирующими статьёй 5.35 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Однако механизм реализации вышеуказанных норм достаточно различается.

Следует сказать и о том, что неисполнение родителями или иными законными представителями несовершеннолетних обязанностей по содержанию и воспитанию несовершеннолетних первоначально влечет предупреждение, а уже повторно наложение штрафа от 100 до 500 рублей [4, с. 69].

2. Кадровая неукomплектованность подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

3. Организационные проблемы взаимодействия подразделений органов внутренних дел с педагогами и психологами образовательных организаций.

4. Проблемы выявления, пресечения и привлечения виновных к ответственности за вовлечение несовершеннолетних в совершение антиобщественных действий, связанные с трудностью доказывания их систематичности [1, с. 192].

Так, в 2018 г. количество выявленных в СФО преступлений, предусмотренных ст. 151 УК РФ, осталось на достаточно низком уровне (18 уголовно наказуемых деяний в 2018 г., 22 – в 2017 г.). При этом пьяная преступность несовершеннолетних остается на достаточно высоком уровне.

5. Проблемы взаимодействия подразделений органов внутренних дел и иных правоохранительных органов при выявлении и раскрытии преступлений, совершаемых несовершеннолетними, возникшие из-за установленных форм отчетности (статистических карточек на выявленное и раскрытое преступление). Например, уголовно наказуемое деяние выявляется и раскрывается двумя или несколькими подразделениями, а показатель идет только одному, другим – лишь участие.

С учетом вышеизложенного сформулируем пути решения проблем, связанных с профилактикой преступности несовершеннолетних.

1. Привлекать специалистов в области педагогики и психологии для обучения сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних методикам работы с несовершеннолетними, а также представителей учебных заведений, располагающихся на обслуживаемой территории для совершенствования организации взаимодействия с ними.

2. Совершенствовать деятельность по контролю над несовершеннолетними во внеучебное время. Рекомендовать отчитываться родителям перед классными руководителями о том, чем дополнительно занимается ребенок после занятий (посещает кружки, секции, патриотические клубы и т.д.). Передавать обобщенную информацию в ПДН.

3. Совершенствовать деятельность по созданию отрядов содействия полиции из числа обучающихся вузов, сузов.

4. Решить кадровые вопросы нехватки сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних и иных служб ОВД.

5. Усовершенствовать предупредительную деятельность органов внутренних дел в местах концентрации несовершеннолетних (в торговых, развлекательных центрах и т.д.), выделяя дополнительные патрули полиции, взаимодействуя с представителями торговых организаций и руководством торгово-развлекательных центров.

6. Сделать возможным внесение в формы отчетности выявления и раскрытие преступлений двумя и более подразделениями ОВД и правоохранительными органами.

Реализация предложенных мероприятий по устранению вышеуказанных проблем на государственном и местном уровнях позволит сократить количество совершаемых несовершеннолетними противоправных деяний.

Литература

1. Ботвин И.В., Аксенов М.С. Розничная продажа несовершеннолетним алкогольной продукции: уголовно-правовой и криминологический аспект // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 191-192.

2. В РИА Новости рассказали, какая на самом деле зарплата на Алтае // Новостной портал «Алтапресс» (Новость от 07.12.2017). URL: <https://altapress.ru/job/story/v-ria-novosti-rasskazali-kakaya-na-samom-de-zarplata-na-altae-213209> (дата обращения: 07.05.2019).

3. Заварыкин И.Н. Современное состояние и детерминанты преступности несовершеннолетних в Алтайском крае // Государство и право в эпоху глобальных перемен: мат-лы международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. С. 199-201.

4. Заварыкин И.Н. Современное состояние и детерминанты преступности несовершеннолетних в Томской области // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции: вып. 15. Барнаул: БЮИ МВД России, 2017. Ч. 2. С. 68-70.

5. Официальный сайт Единой межведомственной информационно-статистической системы. URL: <http://www.fedstat.ru>.

6. Подростки в Бийске заставили девочку пить из лужи // Новостной портал «Алтапресс» (Новость от 05.06.2019). URL: <https://altapress.ru/proisshestvija/story/podrostki-v-biyske-zastavili-devochku-pit-iz-luzhi-243318> (дата обращения: 07.06.2019).

УДК 343.271

А.М. Каримов

Казанский юридический институт МВД России

E-mail: karimov485@mail.ru

ЗАГЛАЖИВАНИЕ ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО СОВЕРШЕНИЕМ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, КАК ОСНОВАНИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

*В статье на основе анализа норм российского законодательства, УК РСФСР, правопримени-
тельной практики исследованы особенности оценки возмещения ущерба и заглаживания вреда, при-
чиненного совершением преступления иным образом, в качестве основания применения освобожде-
ния от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Автор пришел к выводу о
необходимости законодательного закрепления приоритетности выбора положения ст. 76 УК РФ
(освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим) при обстоя-
тельствах, когда, помимо упомянутого выше института, имеется фактический состав для приме-
нения альтернативного основания, предусмотренного ст. 76.2. УК РФ (освобождение от уголовной
ответственности с назначением судебного штрафа). Дополнительно обосновываются выводы о до-
пущении отсрочки выполнения обязательств по возмещению ущерба и заглаживанию вреда, причи-
ненного преступлением иным образом, и уплате судебного штрафа, а также необходимости учета
интересов потерпевшего при применении института освобождения от уголовной ответственности
с назначением судебного штрафа.*

*Ключевые слова: судебный штраф, возмещение ущерба, потерпевший, заглаживание вреда, де-
нежное взыскание.*

A.M. Karimov

Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: karimov485@mail.ru

COMPENSATION FOR HARM CAUSED BY COMMISSION OF A CRIME AS THE BASIS FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY WITH THE APPOINTMENT OF A JUDICIAL FINE

*The features of the assessment of compensation for damage and mitigation of harm caused by committing
a crime in another way, as a basis for applying exemption from criminal responsibility, with the appointment
of a judicial fine, are investigated in the article. It is based on the analysis of the norms of the Russian
legislation, the RSFSR Criminal Code, law enforcement practice. The author came to the conclusion that
it is necessary to legislatively establish the priority of choosing the provision of article 76 of the Criminal
Code of the Russian Federation (exemption from criminal liability due to reconciliation with the victim) in
circumstances when, in addition to the above-mentioned institution, there is an actual composition for the
application of the alternative basis provided for in Article 76.2. Criminal Code of the Russian Federation
(exemption from criminal liability with the appointment of a judicial fine). In addition, the conclusions are
substantiated on the admission of deferment of fulfillment of obligations to compensate for damage and to
mitigate harm caused by a crime in another way and to pay a court fine, as well as the need to take into
account the interests of the victim when applying the institution of exemption from criminal responsibility
with the appointment of a court fine.*

*Key words: Judicial fine, compensation for damage, victim, compensation for harm, pecuniary
punishment.*

По данным Верховного Суда РФ, за 12 месяцев 2017 г. по различным основаниям уголовные дела по реабилитирующим основаниям были прекращены в отношении более 240 тыс. человек (24% от общего числа лиц, в отношении которых был вынесен судебный акт). Из них в связи с деятельным раскаянием от уголовной ответственности были освобождены 5, или 6%, в связи с примирением с потерпевшим – 65,4%, на основании примечания к статьям УК РФ (ч. 2 ст. 75 УК РФ) – 0,5%, в связи с возмещением ущерба по делам экономической направленности (ст. 76.1 УК РФ) – 0,01%, с назначением судебного штрафа – 28% [9].

Федеральным законом от 03.07.2016 № 323-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ) были добавлены глава 15.2 «Судебный штраф» и статья 76.2 «Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа».

Согласно ст. 76.2 УК РФ лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред. Согласно положениям статьи 15 УК РФ преступления небольшой тяжести признаются умышленные и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает трех лет лишения свободы, а преступления средней тяжести признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание превышает трехлетний срок лишения свободы [16]. По данным Судебного департамента, в 2017 г. наказание в виде лишения свободы было назначено в отношении более 203 тыс. человек, из них на срок не более 5 лет – 83% [10]. Анализ статистических данных указывает на то, что подавляющее большинство лиц, совершивших преступление, были осуждены именно по данной категории дел.

Согласно ч. 1 ст. 104.4 судебный штраф есть денежное взыскание, назначаемое судом при освобождении лица от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных ст. 76.2 Уголовного кодекса. Часть 2 указанной статьи предусматривает, что в случае неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок судебный штраф отменяется и лицо привлекается к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Судебный штраф уголовным наказанием не является. Он

относится к иным мерам уголовно-правового характера. Соответственно, положения статьи 46 УК РФ (штраф) к ней не применяются [6].

Максимальный размер судебного штрафа не может превышать половину размера максимального штрафа, предусмотренного санкцией нормы Особенной части уголовного закона, по которой подлежит привлечению к ответственности лицо, совершившее преступление; если же санкцией данной нормы штраф не предусмотрен в качестве вида наказания, – не более 250 тыс. рублей. В законе не конкретизируется минимальный размер судебного штрафа. При этом, руководствуясь принципом системности уголовно-правового регулирования и логикой определения максимального размера штрафа, можно сделать вывод, что минимальная сумма судебного штрафа составит половину минимального размера штрафа, предусмотренного соответствующей нормой Особенной части, или 2500 рублей (ч. 2 ст. 46 УК) [4]. Необходимо урегулировать вопрос о минимальном размере судебного штрафа, закрепив его в ч. 2 статьи 104.5 УК РФ (порядок определения размера судебного штрафа), указав, что он определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения лица, освобождаемого от уголовной ответственности, и его семьи, а также с учетом возможности получения указанным лицом заработной платы или иного дохода, но не может быть менее 2500 рублей.

В науке уголовного права под иными мерами уголовно-правового характера принято понимать часть уголовно-правовых мер, выступающих формой реализации уголовной ответственности. Они носят принудительный характер и назначаются судом в отношении лица, совершившего преступление. По своему содержанию иные меры уголовно-правового характера не связаны с ограничениями и не имеют карательного свойства, а направлены на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение совершения новых преступлений.

Проводя ретроспективный анализ, мы выявили, что рассматриваемая правовая категория является современным аналогом закрепленного в статье 50.1 УК РСФСР 1960 г. института освобождения от уголовной ответственности в связи с привлечением к административной [17]. Только в современном варианте это уже не способ административно-правового воздействия, а мера уголовно-правового характера.

Законотворческие нововведения обусловлены следованием тенденциям гуманизации и либерализации уголовного закона, стремлением сократить или во всяком случае не увеличивать криминалитет в стране, что проявляется, в частности, в углублении дифференциации ответственности лиц, совершивших преступление небольшой и средней тяжести

впервые. Данный законопроект был внесен Верховным Судом РФ, который в пояснительной записке к нему указывал, что, согласно статистике 2013-2014 гг., 46% из числа всех осужденных составили лица, совершившие преступления небольшой тяжести, которые, в свою очередь, не обладают достаточной степенью общественной опасности. Отрицательные последствия судимости несоразмерны с характером деяния и личности осужденного [7].

Согласимся с мнением С.В. Анощенковой, которая считает, что институт освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа представляет собой симбиоз освобождения от уголовной ответственности и меры уголовно-правового характера [2].

Судебный штраф содержит в себе элемент наказания в виде денежного взыскания. То есть лицо, совершившее преступление, помимо возмещения ущерба или и иного заглаживания причиненного его действиями вреда, обязано заплатить штраф в пользу государства. Применение такой уголовно-правовой меры направлено на восстановление социальной справедливости. Таким образом, институт судебного штрафа является правовой категорией, в которой сочетаются альтернативные средства разрешения уголовного правового конфликта и наказания. Судебный штраф является следствием положительного посткриминального поведения [15].

Казалось бы, уже есть нормы, определяющие основания и порядок освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших незначительные деяния. В отличие от прекращения уголовного преследования по иным нереабилитирующим основаниям (деятельное раскаяние, примирение с потерпевшим, возмещение ущерба бюджетной системе РФ), когда лицо освобождается от уголовной ответственности без возложения на него каких-либо санкций и ограничений, при освобождении от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа причинитель вреда подвергается карательному воздействию в виде судебного штрафа. Институт судебного штрафа входит в некоторое противоречие с правовой категорией примирения с потерпевшим, где загладивший вред преступник освобождается от уголовной ответственности без каких-либо штрафных санкций. Упомянутый выше ФЗ № 323 не вносит каких-либо изменений в положения ст. 76 УК РФ. Остается неясным, чем должен руководствоваться суд, принимая решение о применении того или иного основания. По мнению А.П. Рыжакова, с введением в действие ст. 76.2 УК РФ появляется возможность прекращения уголовного дела прежде всего в тех случаях, когда в деле нет потерпевшего. У преступника появляется возможность искать «примирение» не с потерпевшим, а с судом [13]. Соглашаясь с данным тезисом в

части, отметим, что анализ судебной практики показал, что в 47% решений о применении данного основания имелись сведения о потерпевшем [1].

Можно предположить, что расположение рассматриваемых статей в структуре УК и меньшее количество обязательств лица, совершившего преступление, предполагают обращение в первую очередь к институту примирения с потерпевшим. Однако здесь есть ряд нюансов. Во-первых, уголовные дела по ст. 76 УК РФ прекращаются органами дознания, предварительного следствия и негативно сказываются на ведомственной статистике ОВД. Освобождение от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа применяется только судом и не отражается на показателях эффективности деятельности ОВД, что может негативно сказаться на практике применения первого основания. Во-вторых, судебный штраф является существенным источником пополнения федерального бюджета, что также может привести к ограничению института примирения с потерпевшим. При применении ст. 76.2 УК РФ к лицу, совершившему преступление, придется не только загладить вред потерпевшему, но и заплатить судебный штраф, что отчасти ухудшает положение тех лиц, которые могли бы рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности по ст. 76 УК РФ без каких-либо дополнительных штрафных санкций.

В целях исключения необоснованной подмены оснований освобождения от уголовной ответственности считаем необходимым на законодательном уровне (в виде примечания к ст. 76.2 УК РФ) закрепить возможность освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа только при отсутствии оснований для применения положений статьи 76 УК РФ.

При правильном применении институт судебного штрафа может оказать эффективное уголовно-правовое воздействие на охраняемые общественные отношения, позволяющее органам государственной власти реализовывать принцип неотвратимости ответственности. Данное основание позволяет обвиняемому переосмыслить образ жизни и встать на путь исправления, потерпевшему быстро и эффективно получить возмещение. Это обстоятельство ввиду часто звучащих упреков в ущемлении прав и законных интересов потерпевших от преступлений со стороны государства представляется особенно злободневным.

ППВС РФ № 56 устанавливает, что обещания, а также различного рода обязательства лица, совершившего преступление, возместить ущерб или загладить вред в будущем не являются обстоятельствами, дающими основание для освобождения этого лица от уголовной ответственности [8].

В своем идеальном воплощении институт освобождения от уголовной ответственности с назначе-

нием судебного штрафа предусматривает, что лицо, совершившее преступление, уже на стадии предварительного расследования возмещает ущерб потерпевшему или заглаживает вред иным образом. Однако сложно представить, что такая ситуация свойственна большинству расследуемых уголовных дел. Необходимо учесть, что большинство преступников на момент совершения общественно опасного деяния не имеют постоянного источника доходов. Так, только в 2016 г. 65,6% осужденных не имели постоянного источника дохода или являлись безработными [12]. Соответственно, не все имеют материальную возможность возместить ущерб потерпевшему сразу либо в короткий срок. Если обвиняемый не сможет загладить вред, причиненный преступлением, предварительное расследование будет проведено в полном объеме. Стоит учитывать, что обвиняемому также будет необходимо изыскать средства на выплату судебного штрафа. В противном случае ему придется нести уголовную ответственность в соответствии с санкцией Особенной части УК РФ. Данное положение, на наш взгляд, во многом ущемляет права лица, совершившего преступление, т.к. ему при принятии решения о выплате компенсации жертве преступления необходимо будет оценить свои финансовые возможности, чтобы он мог и загладить вред, и оплатить судебный штраф. Если у него имеется возможность возместить ущерб потерпевшему, но при этом не остается денежных средств на оплату штрафа, то, соответственно, и стимула к позитивному посткриминальному поведению в виде заглаживания вреда потерпевшему у него не будет. Конечно, факт заглаживания вреда может быть учтен судом как обстоятельство, смягчающее наказание, но все же это не сопоставимо с освобождением от уголовной ответственности.

Данное обстоятельство свидетельствует о главенстве публичных интересов в возмещении расходов на предварительное расследование правоохранительных органов над частными потребностями как потерпевшего в вопросах заглаживания вреда, так и лица, причинившего вред. Если смотреть на это обстоятельство сквозь призму обвиняемого, налицо нарушение конституционного принципа равенства перед законом вне зависимости от имущественного положения (ч. 2 ст. 19 Конституции РФ). Лицо, совершившее преступление и обладающее финансовыми возможностями, используя свои ресурсы, может избежать уголовной ответственности, в то время как совершивший аналогичное деяние малоимущий преступник будет вынужден отвечать за свои действия в полном объеме. К примеру, подсудимый Жуков в полном объеме возместил причиненный материальный ущерб и был освобожден от уголовной ответственности с назначением меры уголовно-правового

характера в виде судебного штрафа в размере 30 000 рублей. Суд предоставил срок для оплаты один месяц после вступления постановления в законную силу [3]. Если учесть, что подсудимый возместил потерпевшему материальный ущерб, и предположить, что больше денег у него нет, то как человек с сомнительной теперь уже биографией должен за месяц заработать 30 тыс. рублей? И это мы еще не учитываем его личных расходов на питание, проживание, содержание детей. Ставя человека в такие жесткие рамки, не «толкаем» ли мы его на совершение очередного преступления?

В свою очередь, оказываются ущемленными и интересы потерпевшего, в частности его право на заглаживание вреда, причиненного преступлением. На наш взгляд, предпочтительнее получить возмещение хотя бы части ущерба одновременно и в дальнейшем оставшуюся часть получать ежемесячными платежами согласно графику выплат, утвержденному судом, нежели ждать удовлетворения исковых требований от человека, находящегося в местах лишения свободы, заработка которого едва хватает на его собственное содержание и выплату алиментов.

Считаем, что было бы более логичным пересмотреть положения статьи 76.2 УК РФ, предусмотрев возможность освобождения от уголовной ответственности при частичном возмещении ущерба с наложением обязанности по дальнейшему его заглаживанию и уплате штрафа по аналогии с институтом условно-досрочного освобождения от отбывания наказания. Параллельно необходимо скорректировать положение п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19, исключающее такую возможность. В случае неисполнения обязательств или неуплаты судебного штрафа в установленный судом срок привлекать данное лицо к уголовной ответственности по соответствующей статье Особенной части УК РФ. Такое положение будет свидетельствовать о первоочередности интересов частного лица, которому преступлением был причинен вред.

Следует отметить, что существуют два основания освобождения от уголовной ответственности с назначением штрафа: возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом и уплата судебного штрафа в установленный судом срок.

Причиненный преступлением вред может быть заглажен в форме: денежной или иной материальной компенсации, реституции, восстановления за свой счет или своими силами, оплаты лечения, протезирования и т.д. Способы заглаживания вреда могут быть совершенно разнообразными. Так, обвиняемая в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 112 УК РФ, Д. принесла потерпевшей С. свои извинения, указала, что по мере необходимости ока-

зывает потерпевшей помощь (например, в случае с перестановкой мебели в комнате). Данное обстоятельство судом было учтено в качестве основания освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа [11]. Но тем не менее анализ судебной практики показал, что чаще всего (92%) вред заглаживается путем возмещения ущерба в денежной форме [1].

Согласно ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ (Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа) суд по собственной инициативе или по результатам рассмотрения ходатайства, поданного следователем либо дознавателем, вправе прекратить уголовное дело в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления небольшой или средней тяжести, если это лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, и назначить данному лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [18]. Именно судья принимает решение и оценивает факт заглаживания вреда. Из дословного толкования данной нормы следует, что прекращение уголовного дела с назначением судебного

штрафа возможно и тогда, когда потерпевший возмещает вред против принятия такого решения, не считая вред заглаженным или считая, что ущерб возмещен лишь частично.

Мы считаем, что суд, рассматривая ходатайство об освобождении лица от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа, непременно должен принимать во внимание позицию потерпевшего, поскольку согласно п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ уголовное судопроизводство имеет своим назначением защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений. Только потерпевший вправе однозначно утверждать, что виновное лицо возместило ему ущерб в полном объеме. В пункте 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» указано, что способы заглаживания вреда, а также размер его возмещения определяются потерпевшим. Однако это положение распространяется только на ст. 76 УК РФ. Было бы уместно дополнить текст ППВС № 19 указанием на то, что положение п. 10, помимо ст. 76 УК РФ, распространяется также и на ст. 76.2 УК РФ.

Литература

1. Анализ судебной практики Верховного суда Республики Татарстан за период с 01.01.2017 по 01.03.2018. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 29.11.2017).
2. Анощенко С.В. Назначение судебного штрафа: вопросы теории и практики // Журнал российского права. 2017. № 7.
3. Дело № 1-60/2017: Постановление о прекращении уголовного дела и назначении меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа Мирового судьи судебного участка № 200 района Кунцево г. Москвы от 12 июля 2017 г. URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/qc0fnmzIYcNp>.
4. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г.А. Есакова. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2017.
5. Маркунцов С.А. Теория уголовно-правового запрета: монография. М.: Юриспруденция, 2015. 559 с.
6. О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 29.11.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности: пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: <http://www.vsrp.ru/catalog.php?c1>.
8. О внесении изменений в некоторые постановления Пленума ВС РФ по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел за 12 месяцев 2017 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 29.02.2018).
10. Отчет о сроках лишения свободы и размерах штрафов (приложение к отчету формы № 10.3) за 12 месяцев 2017 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 20.02.2018).
11. Постановление от 23 июня 2017 г. по делу № 01-0020/150/2017 Судебный участок № 150 Хорошевского суд. района (Москва). URL: <http://sudact.ru/magistrate/doc/DReKGZMFjOo4/>.
12. Преступность и правонарушения 2016: статистический сборник. М.: ФКУ ГИАЦ МВД России, 2017.
13. Рыжаков А.П. Прекращение уголовного дела: новое основание: научно-практическое пособие. 2017. 112 с. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

14. Сундуrow Ф.Р., Талан М.В. Наказание в уголовном праве: учебное пособие. М.: Статут, 2015. 256 с.
15. Трофимова Г.А. Судебный штраф – альтернатива? // Российский судья. 2017. № 8.
16. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.07.2017; с изм. и доп., вступ. в силу с 26.08.2017).
17. Уголовный кодекс РСФСР (ред. от 30.07.1996) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федеральный закон от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 17.04.2017; с изм. от 11.05.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

УДК 343.34

С.Л. Нудель, доктор юрид. наук, доцент

Институт законодательства и сравнительного правоведения

при Правительстве Российской Федерации

E-mail: slnudel@gmail.com

САМОВОЛЬНОЕ ПОДКЛЮЧЕНИЕ К НЕФТЕПРОВОДАМ, НЕФТЕПРОДУКТОПРОВОДАМ И ГАЗОПРОВОДАМ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

В статье рассмотрены вопросы криминализации самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенного лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние (ч. 1 ст. 215.3 УК РФ), и дана комплексная уголовно-правовая характеристика данного преступления. В работе с учетом положений отраслевых нормативных правовых актов, позиций Конституционного Суда Российской Федерации определены непосредственный объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона рассматриваемого состава преступления, раскрыто содержание его признаков, в т.ч. оценочных и бланкетных (нефтепровод, нефтепродуктопровод, газопровод, самовольное подключение). Также на основании разъяснений Пленума Верховного Суда Российской Федерации проанализированы основные проблемы его отграничения от смежных составов преступлений (ч. 3 ст. 158 УК РФ) и административных правонарушений (ст. 7.19 КоАП РФ). Особое внимание в статье отведено особенностям определения ущерба, причиненного в результате совершения преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 215.3 УК РФ.

Ключевые слова: преступление, квалификация, самовольное подключение, нефтепровод, нефтепродукт, газопровод, административная преюдиция.

S.L. Nudel, PhD. (Doctor of Juridical Sciences), assistant-professor
Institute of Legislation and Comparative Law under the Government
of the Russian Federation
E-mail: slnudel@gmail.com

UNAUTHORIZED CONNECTION TO OIL PIPELINES, OIL PRODUCT PIPELINES AND GAS PIPELINES: QUALIFICATION PROBLEMS

The author considers the issues of criminalization of unauthorized connection to oil pipelines, oil product pipelines and gas pipelines, committed by a person subjected to administrative punishment for a similar act (part 1 of art. 215.3 of the Criminal Code) and gives a comprehensive criminal-legal characteristic of this crime. In the work taking into account provisions of branch regulatory legal acts, positions of the Constitutional Court of the Russian Federation the direct object, the objective party, the subject, the subjective party of the considered structure of crime is defined, the content of its signs, including estimated and blanket (the oil pipeline, the oil product pipeline, the gas pipeline, unauthorized connection) is opened. Also, on the basis of explanations of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation the main problems of its separation from related crimes (part 3 of art. 158 of the Criminal Code) and administrative offences (art. 7.19 of the Administrative Code) are analyzed. Particular attention is paid to the peculiarities of the definition of damage caused by the commission of a crime under part 1 of art. 215.3 of the Criminal Code.

Key words: crime, qualification, unauthorized connection, oil pipeline, oil product, gas pipeline, administrative prejudice.

Целью государственной политики России в топливно-энергетической сфере является максимально эффективное использование природных ресурсов и потенциала топливно-энергетического сектора для устойчивого роста экономики, повышения качества жизни населения страны и содействия укреплению ее внешнеэкономических позиций [18].

Вместе с тем, как неоднократно отмечалось на заседаниях Правительства Российской Федерации, ситуация в данной сфере достаточно сложная. Одна из наиболее остро стоящих перед органами государственной власти и топливно-энергетическими компаниями проблем – это хищения и неплатежи за потребленные энергоресурсы в результате самовольных подключений и врезок. Помимо этого, указанные явления зачастую сопровождаются применением различных схем уклонения от уплаты, включая намеренное банкротство предприятий ЖКХ и энергосбытовых компаний, коррупционными проявлениями. Все названные факторы в целом ухудшают криминальную обстановку, что мешает росту экономики и благосостояния населения, снижает инвестиционную привлекательность регионов. Чтобы переломить ситуацию, требуется координация усилий региональных властей, энергокомпаний и правоохранительных органов по оперативному выявлению правонарушений и преступлений [5, 6].

Изначально в целях противодействия рассматриваемой проблеме в ст. 7.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) была установлена административная ответственность за самовольное подключение и использование электрической, тепловой энергии, нефти или газа. Также в 2006 г. и в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) Федеральным законом от 30.12.2006 № 283-ФЗ [1] были внесены изменения: включена статья 215.3 «Приведение в негодность нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов», а часть 3 статьи 158 «Кража» УК РФ дополнена пунктом «б», в котором установлена ответственность за кражу, совершенную из нефтепровода, нефтепродуктопровода, газопровода.

Однако эффективность указанных правовых норм оказалась недостаточной для искоренения или минимизации рассматриваемого негативного явления и его последствий.

Также и статистика свидетельствует о том, что, несмотря на актуальность проблемы противодействия преступлениям в топливно-энергетической сфере, результативность деятельности правоохранительных органов в данной сфере остается низкой. В 2017 году в России было зарегистрировано 298 (в 2016 г. – 300, в 2015 г. – 285, в 2014 г. – 271) преступлений, предусмотренных ст. 215.3 УК РФ, из них было расследовано 38 (в 2016 г. – 69, в 2015 г. – 27, в

2014 г. – 53), выявлено лиц, совершивших преступления, 43 (в 2016 г. – 96, в 2015 г. – 41, в 2014 г. – 49). Наибольшее количество указанных преступлений в 2017 г. выявлено в Ставропольском крае (60), Ханты-Мансийском АО – Югра (44), Ленинградской области (34), Пермском крае (28), Республике Башкортостан (27).

В результате в целях снижения угрозы повреждения объектов для передачи энергоресурсов, следствием которого может стать возникновение аварий на распределительных системах, влекущих за собой серьезные риски причинения вреда жизни и здоровью людей, имуществу граждан и юридических лиц, в статью 215.3 УК РФ Федеральным законом от 29.07.2018 № 229-ФЗ [10] была включена часть 1, предусматривающая ответственность за самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, совершенное лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние [19].

Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 215.3 УК РФ, непосредственно посягает на общественные отношения в сфере охраны собственности и законных экономических интересов общества и государства, физических и юридических лиц, на обеспечение энергетической и экологической безопасности нефтепроводов, нефтепродуктопроводов и газопроводов, обеспечение выполнения требований технической безопасности [15].

Объективная сторона рассматриваемого состава преступления выражается в самовольном подключении к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам, т.е. в подключении в нарушение установленного порядка [12, 14, 16, 17] без соответствующего разрешения уполномоченных (специализированных) нефтеснабжающих или газоснабжающих (газораспределительных) организаций.

При этом, как показал опыт применения ст. 215.3 УК РФ, в процессе квалификации рассматриваемого преступления могут возникнуть сложности при определении содержания конструктивных признаков.

Понятия нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода, как верно отмечает Н.А. Лопашенко, в позитивном и уголовном законодательстве не раскрываются [7, с. 404]; из анализа позитивного законодательства и иных правовых актов следует вывод, что они представляют собой сложные технические сооружения, предназначенные для транспортировки соответственно нефти, нефтепродуктов, горючих газов от места их добычи или производства к потребителям. Их основой являются трубопроводы, т.е. сооружения из труб, деталей трубопровода, арматуры, плотно и прочно соединенных между собой [2].

Газопровод представляет собой конструкцию (инженерно-техническое сооружение), состоящую

из соединенных между собой труб, предназначенную для транспортирования газа и его продуктов (в основном природного газа) [20]. Существуют магистральные газопроводы и газопроводы распределительных сетей.

Нефтепровод также является конструкцией (инженерно-техническим сооружением), предназначенной для транспортировки нефти потребителю, состоящей из одного или несколько параллельных трубопроводов с общими резервуарными парками в начале и в конце трубопровода [21]. Различают магистральные и промысловые нефтепроводы.

Нефтепродуктопроводы – трубопроводные транспортные системы, состоящие из перекачивающих станций, наливных пунктов и линейных сооружений, включающих магистраль, распределительные трубопроводы и отводы, предназначенные для обеспечения перекачки и отгрузки нефтепродуктов по потребителям [1].

Также необходимо отметить, что данные разновидности трубопроводов предполагают наличие целого комплекса устройств (сооружений), которые обеспечивают их функционирование (например, компрессорные или насосные станции, распределительные узлы (станции), хранилища нефте-, газопродуктов и др.) [7, с. 404-405].

При этом согласно примечанию 3 к статье 158 УК РФ трубопроводы отнесены к категории хранилищ, но данное обстоятельство не влияет на квалификацию преступления, предусмотренного ст. 215.3 УК РФ, т.к. указанное примечание распространяется исключительно на деяния, предусмотренные главой 22 УК РФ.

В целом под подключением (технологическим присоединением) понимается совокупность организационных и технических действий, включая врезку и пуск, дающих возможность потреблять соответствующий ресурс (нефть, нефтепродукты или природный газ) [22].

Фактически самовольное подключение может осуществляться тремя способами:

- путем криминальной врезки, т.е. действий и их результата криминального характера, связанных с незаконным проникновением во внутреннюю полость нефтепровода, нефтепродуктопровода и газопровода. Криминальная врезка представляет собой проделываемое в стенках трубопровода (или какого-либо его элемента) отверстие. По своему виду и конструкции они классифицируются на некавалифицированные (отверстие в теле трубопровода или его оборудования, не снабженное специальным приспособлением для потребления ресурса) и квалифицированные (отверстие в теле трубопровода или его оборудования с присоединенным приспособлением для потребления ресурса – патрубком, снабженным запорным устрой-

ством, а также со шлейфом или без него или возможностью подключения шлейфа) [8; 23, с. 257-268];

- путем самовольного подключения к газопроводу (без соответствующего разрешения поставщиков, в отсутствие заключенного договора газоснабжения и т.п.), т.е. путем использования существующих легальных точек технологического присоединения к газопроводу;

- путем самовольного (безучетного) использования газа, нефти, нефтепродуктов вследствие отсоединения или изменения показателей контрольных измерительных приборов.

Необходимо отметить, что описываемое деяние, совершенное в отношении магистрального трубопровода (т.е. единого производственно-технологического комплекса, включающего в себя здания, сооружения, его линейную часть, в т.ч. объекты, используемые для обеспечения транспортирования, хранения и (или) перевалки на автомобильный, железнодорожный и водный виды транспорта жидких или газообразных углеводородов, измерения жидких (нефть, нефтепродукты, сжиженные углеводородные газы, газовый конденсат, широкая фракция легких углеводородов, их смеси) или газообразных (газ) углеводородов [24]), подлежит квалификации по ч. 2 ст. 215.3 УК РФ.

Если самовольное подключение к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам привело к разрушению, повреждению или приведению иным способом в негодное для эксплуатации состояние указанных сооружений, а также технологически связанных с ними объектов, сооружений, средств связи, автоматики, сигнализации, которые повлекли или могли повлечь нарушение их нормальной работы и были совершены из корыстных или хулиганских побуждений, то такие деяния надлежит квалифицировать по ч. 3 или 4 ст. 215.3 УК РФ.

По смыслу пункта 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» следует сделать вывод, что если в результате самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам произойдет кража нефти, нефтепродуктов и газа, то содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных п. «б» ч. 3 ст. 158 и ст. 215.3 УК РФ [13].

Однако для квалификации деяния по ст. 158 УК РФ необходимо установить и иные признаки состава преступления, в т.ч. факт хищения. Можно согласиться с мнением, что деяния, связанные с тайным, противоправным безвозмездным изъятием газа в пользу виновного или других лиц из газопровода, могут быть квалифицированы по п. «б» ч. 3 ст. 158 УК РФ, при этом для юридической оценки не имеет

значения, использовался газ для бытовых или иных личных нужд [25].

Исходя из содержания описанных признаков, следует отметить, что по конструкции рассматриваемый состав преступления является формальным. Следовательно, преступление считается оконченным с момента начала совершения указанных деяний.

При этом объем материальных затрат на устранение повреждения трубопровода, а также финансовые потери от наступивших экологических последствий и затрат на их устранение на квалификацию содеянного по ст. 215.3 УК РФ не влияют. К тому же согласно п. 8 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде» в силу ст. 1079 ГК РФ «юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, обязаны возместить вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от наличия вины, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы (п. 1 ст. 1079 ГК РФ). В связи с этим, например, владелец нефтепровода отвечает за вред окружающей среде, причиненный вследствие осуществления третьими лицами незаконной врезки в нефтепровод» [11].

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 215.3 УК РФ, может быть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста, подвергнутое

административному наказанию за аналогичное деяние. То есть в данном случае речь идет о лице, которому назначено административное наказание за совершение аналогичного административного правонарушения, предусмотренного ст. 7.19 КоАП РФ. При этом согласно ст. 4.6 КоАП РФ данное лицо считается таковым со дня вступления в законную силу постановления о назначении административного наказания до истечения одного года со дня окончания исполнения данного постановления.

Следует отметить, что данная конструкция состава преступления обусловлена в том числе и позицией Европейского Суда по правам человека по проблеме корреляции норм уголовной и административной ответственности в системе российского права, согласно которой невозможно использовать обстоятельства совершения административного правонарушения при конструировании объективной стороны уголовного обвинения [3; 4, с. 25-31].

Субъективная сторона преступления характеризуется виной в форме прямого умысла. К тому же лицо, привлеченное ранее к административной ответственности, безусловно, знает о противоправности совершаемых деяний.

Таким образом, проведенный анализ позволит решить отдельные вопросы, возникающие в правоприменительной практике в связи с квалификацией самовольного подключения к нефтепроводам, нефтепродуктопроводам и газопроводам.

Литература

1. ВНТП-3-90. Нормы технологического проектирования разветвленных нефтепродуктопроводов, утв. приказом Госкомнефтепродукта РСФСР от 02.11.1989 № 172. М., 1991.
2. ГОСТ 32569-2013. Межгосударственный стандарт. Трубопроводы технологические стальные. Требования к устройству и эксплуатации на взрывопожароопасных и химически опасных производствах. Принят Межгосударственным советом по стандартизации, метрологии и сертификации (протокол от 14.11.2013 № 44). Введен в действие Приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 08.04.2014 № 331-ст. М.: Стандартинформ, 2015.
3. Дело «Сергей Золотухин против Российской Федерации» (жалоба № 14939/03): постановление ЕСПЧ от 10.02.2009 // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2010. № 1.
4. Долгих Т.Н. Оценка судом постановления о назначении административного наказания при рассмотрении уголовного дела по статье, предусматривающей административную преюдицию // Уголовное право. 2018. № 2.
5. Заседание Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа 27.12.2016 // Официальный интернет-сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/25894/>.
6. Заседание Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа 11.07.2018 // Официальный интернет-сайт Правительства РФ. URL: <http://government.ru/news/33213/>.
7. Лопашенко Н.А. Посягательства на собственность: монография. М.: Норма, Инфра-М, 2012.
8. Методика расчета ущерба от криминальных врезок в нефтепродуктопроводы. РД 153-39.4-060-00 (утв. Приказом Минэнерго РФ от 06.06.2001 № 167) (вместе с «Инструкцией по использованию пакета прикладных программ "Хакер" ("Расследование хищений топлива через криминальные врезки")»). [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2006 № 283-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 46.
10. О внесении изменений в статью 215.3 Уголовного кодекса Российской Федерации и статьи 150 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 29.07.2018 № 229-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 31. Ст. 4818.
11. О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении вреда, причиненного окружающей среде: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 49 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.
12. О порядке поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан (вместе с «Правилами поставки газа для обеспечения коммунально-бытовых нужд граждан»): постановление Правительства РФ от 21.07.2008 № 549 (ред. от 09.09.2017) // Собрание законодательства РФ. 2008. № 30 (ч. 2). Ст. 3635.
13. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
14. Об обеспечении недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации (вместе с «Правилами обеспечения недискриминационного доступа к услугам субъектов естественных монополий по транспортировке нефти (нефтепродуктов) по магистральным трубопроводам в Российской Федерации»): постановление Правительства РФ от 29.03.2011 № 218 (ред. от 16.08.2014) // Собрание законодательства РФ. 2011. № 14. Ст. 1943.
15. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Звягинцева Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 25.02.2016 № 247-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Об утверждении Правил охраны газораспределительных сетей: постановление Правительства РФ от 20.11.2000 № 878 (ред. от 17.05.2016) // Собрание законодательства РФ. 2000. № 48. Ст. 4694.
17. Об утверждении Правил подключения (технологического присоединения) объектов капитального строительства к сетям газораспределения, а также об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации: постановление Правительства РФ от 30.12.2013 № 1314 (ред. от 12.04.2018) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 2 (ч. I). Ст. 137.
18. Об Энергетической стратегии России на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 13.11.2009 № 1715-р // Собрание законодательства РФ. 2009. № 48. Ст. 5836.
19. Пояснительная записка «К проекту федерального закона № 372369-7 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации"» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
20. Приложение № 1 к Руководству по безопасности «Инструкция по техническому диагностированию подземных стальных газопроводов», утв. приказом Федеральной службы по экологическому, технологическому и атомному надзору от 06.02.2017 № 47 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
21. Р 50-605-91-94. Рекомендации по стандартизации. Энергосбережение. Агрегаты насосные для транспорта нефти. Нормативные коэффициенты полезного действия, утв. приказом ВНИИстандарта от 10.06.1994 № 29. М.: ИПК Издательство стандартов, 1996.
22. Разъяснение № 7 Президиума ФАС России «Порядок применения закона о защите конкуренции с учетом правил технологического присоединения, правил недискриминационного доступа, правил подключения и законодательства о теплоснабжении» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 30.11.2016 № 15) // Официальный интернет-сайт ФАС России. URL: <http://fas.gov.ru> (дата обращения: 09.12.2016).
23. Руководство для следователя по осмотру места происшествия: учебно-практическое пособие / под ред. И.А. Попова, Г.В. Костылевой, Н.Е. Муженской. М.: Прогресс, 2015.
24. СП 36.13330.2012 «СНиП 2.05.06-85*. Магистральные трубопроводы». Актуализированная редакция СНиП 2.05.06-85* (утв. приказом Федерального агентства по строительству и жилищно-коммунальному хозяйству (Госстрой) от 25.12.2012 № 108/ГС). М.: ФАУ «ФЦС», 2013.
25. Фаргиев И.А. Проблемы квалификации кражи из газопровода // Уголовное право. 2018. № 3.

УДК 343.57

Р.А. Семенюк, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

СОСТОЯНИЕ, УДЕЛЬНЫЙ ВЕС И ДИНАМИКА ОСНОВНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ В СОСТОЯНИИ ОПЬЯНЕНИЯ (ЗА 2014-2018 ГГ.)

В представленной статье рассматривается состояние, удельный вес, динамика как самих преступлений, совершенных в состоянии опьянения, так и выявленных лиц, их совершивших. Отмечается проблема стабильного роста удельного веса лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения. В работе раскрыты статистические данные за период 2014-2018 гг. о лицах, совершивших в состоянии опьянения отдельные составы преступлений. Проведен анализ наиболее распространенных преступлений против жизни и здоровья, против собственности, против общественной безопасности и общественного порядка, совершенных в состоянии алкогольного, наркотического и токсического опьянения. Отражены субъекты Российской Федерации, где чаще всего совершаются подобные преступления. Наиболее проблемными остаются вопросы профилактики преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения на улицах и в общественных местах, а также в семейно-бытовой сфере. Настоящее исследование позволило сделать вывод о том, что рост либо снижение преступлений, совершенных в состоянии опьянения, соответствует динамике преступности в целом.

Ключевые слова: состояние, удельный вес, динамика преступлений, лица, совершившие преступление, состояние опьянения.

R.A. Semeniuk, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ruslanbarnaul@mail.ru

STATE, PROPORTION AND DYNAMICS OF THE MAIN ELEMENTS OF INTOXICATED CRIME (2014-2018)

The article deals with the state, proportion, dynamics of both the crimes committed in a state of intoxication and the identified persons who committed them. The problem of stable growth of specific weight of the persons who have committed a crime in a state of intoxication is noted. The paper reveals statistical data for the period 2014-2018 on persons who committed certain crimes in a state of intoxication. The analysis of the most common crimes against life and health, against property, against public safety and public order, committed in a state of alcohol, drugs and toxic intoxication. Subjects of the Russian Federation where similar crimes are most often committed are reflected. The most problematic issues are the prevention of crimes committed in a state of intoxication on the streets and in public places, as well as in the family and household sphere. The present study concluded that the increase or decrease in crimes committed while intoxicated corresponds to the dynamics of crime in general.

Key words: state, proportion, dynamics of crimes, perpetrators, intoxication.

В процессе исследования отдельных составов преступлений и наиболее распространенных видов преступной деятельности актуальной остается проблема их совершения в состоянии опьянения. В последние годы в нашей стране сложилась парадоксальная криминологическая обстановка, которая характеризуется, с одной стороны, снижением количества выявляемых лиц, в т.ч. преступлений, совершенных в состоянии опьянения, а с другой – стабильным ростом удельного веса «пьяных преступников» (их процентного соотношения ко всем лицам, совершившим преступление). Статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России показывают, что в целом на территории Российской Федерации каждое третье преступление совершается в состоянии алкогольного, наркотического или токсического опьянения (по результатам 2018 г. – 33,6%) [4].

В ряде субъектов России отмечается еще более высокий удельный вес исследуемых нами преступле-

ний. Например, по результатам 2018 г. в состоянии только алкогольного опьянения каждое второе преступление было совершено в Чукотском АО (56,7%), в Республике Саха (Якутия) (50,6%), Республике Тыва (49,3%) [4]. Также традиционно высоким удельным весом «пьяных» преступлений характеризуются Республика Алтай, Забайкальский край, Ненецкий АО, Республика Коми, Республика Башкортостан, Ямало-Ненецкий АО, Кировская область и Удмуртская Республика.

Таким образом, каждое третье преступление в России сегодня совершается в состоянии опьянения, а в отдельных регионах – каждое второе [3, с. 29].

В 2017-2018 гг. наблюдалось снижение преступлений, совершенных в состоянии опьянения. Однако при сравнении аналогичных показателей за более большой промежуток времени, например, сравним данные 2008 и 2018 гг., отмечается рост рассматриваемых преступлений на 50% (см. таблицу 1).

Таблица 1

Состояние, динамика и удельный вес числа зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии опьянения, в России за 2008, 2013-2018 гг.

Преступления	2008 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Преступления, совершенные в состоянии опьянения	244622	369372	384836	430682	468391	401876	366175
Темпы прироста / снижения по сравнению с предыдущим годом, в %	-10,7	+8,5	+4,2	+11,9	+8,7	-14,2	-8,8
Темпы прироста к 2008 г., в %	-	+50,9	+57,3	+76	+91,4	+64,3	+50
Удельный вес, в %	7,6	16,7	19,7	34,8	39,4	35,9	33,6

Из представленной таблицы видно, что число зарегистрированных преступлений, совершенных в состоянии опьянения, в период с 2013-2016 гг. стабильно увеличивалось, а за 2017 по 2018 гг., наоборот, снижалось. Самый резкий темп снижения данных преступлений был зафиксирован в 2017 г. (на 14,2% по сравнению с предыдущим годом). Самый высокий темп прироста отмечался в 2015 г. –

на 11,9% по сравнению с предыдущим годом и в 2016 г. – на 91,4% по сравнению с 2008 г. Удельный вес преступлений, совершенных в состоянии опьянения, также увеличился с 7,6% в 2008 г. до 33,6% в 2018 г.

Особый интерес при этом представляют статистические данные о лицах, совершивших преступление в состоянии опьянения (см. таблицу 2).

Таблица 2

Состояние и удельный вес выявленных лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, в России за 2014-2018 гг.

Лица, совершившие преступления в состоянии опьянения	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Общее число лиц, совершивших преступление в состоянии:					
алкогольного опьянения	311347	354397	395299	352062	326269
наркотического опьянения	29451	30523	25962	21370	11998
токсического опьянения	176	202	165	152	122
опьянения (в целом)	340974	385122	421426	373584	338389
их удельный вес по отношению к общему объему выявленных лиц, совершивших преступление, в %	33,9	35,8	41,5	38,6	36,3

Анализ показателей первой и второй таблиц показал, что количество и удельный вес преступлений, совершенных в состоянии опьянения, и лиц, их совершивших, в период 2014-2018 гг. имеет скачкообразный характер. До 2016 года отмечался их стабильный рост, а с 2017 г. – снижение. Традиционно большинство преступлений совершаются в состоянии именно алкогольного, нежели наркотического либо иного токсического опьянения.

Удельный вес преступлений, совершаемых в состоянии опьянения в структуре преступности, как правило, ниже, чем доля выявленных лиц, их совершивших. Данное соотношение значительно различа-

лось в 2014 г., когда удельный вес данного вида преступлений составлял 19,7%, а лиц, их совершивших, – 33,9%. При этом доля выявленных лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, за исследуемый нами промежуток времени стабильна и даже возросла: в 2014 г. – 33,9%; в 2018 г. – 36,3% (см. таблицы 1, 2).

Далее мы предлагаем рассмотреть наиболее распространенные составы «пьяных» преступлений. Как показывает практика, чаще всего в состоянии опьянения виновные посягают на жизнь и здоровье, чужое имущество, общественный порядок и общественную безопасность. Более подробно эти показатели показаны в таблицах 3, 4, 5.

Таблица 3

Состояние и удельный вес выявленных лиц, совершивших в состоянии опьянения отдельные составы преступлений против жизни и здоровья, на территории России за период 2014-2018 гг.

Лица, совершившие	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Убийство (ст. 105, 106, 107 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	7263	6803	6474	5757	5100
наркотического опьянения	92	75	61	60	69
токсического опьянения	7	8	12	4	6
удельный вес лиц, совершивших убийство в состоянии опьянения, в %	74,4	75	75,8	77,1	76
Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	22772	21430	20094	17659	16331
наркотического опьянения	55	45	48	44	32
токсического опьянения	10	7	2	6	7
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	75,5	76,7	77	76,9	76,7
Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст. 112 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	13195	12875	12858	12291	11732
наркотического опьянения	9	4	9	7	10
токсического опьянения	1	1	1	0	2
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	53,9	54,1	56,4	57	55,9
Побои (ст. 116 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	-	-	27939	3362	1144
наркотического опьянения	-	-	12	3	2
токсического опьянения	-	-	2	0	1
удельный вес лиц, совершивших побои в состоянии опьянения, в %	-	-	60,1	63	58,2
Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	-	-	40496	40426	38250
наркотического опьянения	-	-	68	42	49
токсического опьянения	-	-	4	8	6
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	-	-	77,5	78,2	78,3

Лица, совершившие	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Изнасилование (ст. 131 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	1997	1892	1782	1527	1406
наркотического опьянения	20	13	25	27	17
токсического опьянения	8	6	3	6	3
удельный вес лиц, совершивших изнасилования в состоянии опьянения, в %	72,3	72,2	70,8	74,7	71,9
Половое сношение и иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста (ст. 134 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	288	450	498	554	-
наркотического опьянения	3	1	1	3	-
токсического опьянения	0	3	0	1	-
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	18,9	14,9	15,1	15,5	

Анализ статистических данных, указанных в таблице 3, показал, что количество большинства указанных нами преступлений против жизни и здоровья, совершенных в состоянии опьянения, имеет динамику на стабильное снижение, а их удельный вес, наоборот, растет. Похожая ситуация и среди выявленных лиц, совершивших рассматриваемые нами преступления. Например, в 2009 г. было выявлено 8383 лица, совершивших убийство (ст. 105, 106, 107 УК РФ) в состоянии опьянения, их удельный вес составлял 57,3% [2, с. 88]. А по результатам 2018 г. выявлено 5175 таких лиц (снижение на 38,2% по сравнению с 2009 г.), но их доля составила уже 76%.

В особенности предлагается обратить внимание на резкое снижение количества лиц, совершивших уголовно наказуемые побои в 2017 г. Они снизились в восемь раз, что объясняется их частичной декриминализацией. Исключение составляют лишь лица, совершившие преступления, предусмотренные ст. 134 УК РФ, количество которых, наоборот, неуклонно растет.

Также анализ результатов проведенного нами исследования позволил нам сделать вывод о том, что

рост либо снижение выявленных лиц, совершивших преступления против жизни и здоровья в состоянии опьянения, соответствует общей динамике виновных в совершении насильственных преступлений. Однако эти количественные изменения не повлияли на их стабильный удельный вес.

В итоге на территории России за период 2014-2018 гг. в состоянии опьянения в среднем совершается:

- 75,6% убийств;
- 76,6% умышленного причинения тяжкого вреда здоровью;
- 55,5% умышленного причинения средней тяжести вреда здоровью;
- 60,4% побоев;
- 78% угроз убийством или причинением тяжкого вреда здоровью;
- 72,4% изнасилований;
- 16,1% половых сношений или иных действий сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста.

Таблица 4

Состояние и удельный вес выявленных лиц, совершивших в состоянии опьянения отдельные составы преступлений против собственности, на территории России за 2014-2018 гг.

Лица, совершившие	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Кражу (ст. 158 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	93337	100745	94377	87932	81979
наркотического опьянения	456	332	311	227	147
токсического опьянения	41	59	30	29	26
удельный вес лиц, совершивших кражу в состоянии опьянения, в %	31,5	31,5	32,6	33,5	32,2
Мошенничество (ст. 159.1.-159.6 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	1710	1658	1528	1671	1651
наркотического опьянения	12	16	14	7	4

Лица, совершившие	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
токсического опьянения	0	1	0	1	0
удельный вес лиц, совершивших мошенничество в состоянии опьянения, в %	4,4	4,2	4,3	4,6	4,5
Грабеж (ст. 161 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	20373	20356	18991	18185	16328
наркотического опьянения	142	131	92	90	54
токсического опьянения	15	17	10	11	8
удельный вес лиц, совершивших грабеж в состоянии опьянения, в %	49,6	51,3	51,5	51,2	49,5
Разбой (ст. 162 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	5655	5735	5308	4742	3902
наркотического опьянения	70	50	55	44	45
токсического опьянения	7	2	2	3	4
удельный вес лиц, совершивших разбой в состоянии опьянения, в %	45,7	47,9	47,6	51	48,4
Вымогательство (ст. 163 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	620	577	479	479	426
наркотического опьянения	9	6	6	3	5
токсического опьянения	0	0	1	0	0
удельный вес лиц, совершивших вымогательство в состоянии опьянения, в %	21,3	21,5	20,8	19,9	17,6
Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	13850	12734	10971	10007	9059
наркотического опьянения	37	24	35	36	21
токсического опьянения	4	2	7	2	1
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	62,7	64,7	65,3	65,8	65,1

Динамика выявленных лиц, совершивших преступления против собственности в состоянии опьянения, выглядит следующим образом. В 2015 году по сравнению с 2014 г. был зафиксирован рост количества лиц, совершивших кражи и разбой. По остальным составам преступлений количество лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, в период 2014-2018 гг. снижалось. При этом стабильным остается удельный вес

лиц, совершивших данные преступления (см. таблицу 4).

Анализ результатов проведенного нами исследования показал, что в структуре преступлений против собственности в состоянии опьянения чаще всего совершаются угоны автомобилей или иных транспортных средств (64,7%), грабежи (50,6%), разбой (48,1%), кражи (32,2%) и вымогательства (20,2%). Реже всего – мошенничества (4,4%).

Таблица 5

Состояние и удельный вес выявленных лиц, совершивших в состоянии опьянения отдельные составы преступлений против общественной безопасности и общественного порядка, на территории России за 2014-2018 гг.

Лица, совершившие	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
Массовые беспорядки (ст. 212 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	4	3	1	9	0
наркотического опьянения	3	0	0	0	0
токсического опьянения	0	0	0	0	0

Лица, совершившие	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	16,6	5,7	5,2	12,8	0
Хулиганство (ст. 213 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	993	829	652	594	590
наркотического опьянения	4	4	3	4	3
токсического опьянения	1	0	0	0	0
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	45,4	51,2	52	56	55,7
Вандализм (ст. 214 УК РФ) в состоянии					
алкогольного опьянения	-	-	257	264	249
наркотического опьянения	-	-	1	1	0
токсического опьянения	-	-	0	0	0
удельный вес лиц, совершивших данный состав преступления в состоянии опьянения, в %	-	-	53,2	56,7	50,9

Исходя из таблицы 5, можно сделать вывод о скачкообразной динамике пьяных преступлений против общественной безопасности. Отдельно следует выделить показатели хулиганства, выражающиеся в снижении их количества и росте удельного веса. Хулиганство остается одним из самых распространенных преступлений против общественного порядка, и это несмотря на то, что в период 2013-2017 гг. оно уменьшилось более чем в два раза [1, с. 22].

Анализ статистических данных таблицы 5 показал, что среди преступлений против общественной безопасности и общественного порядка в состоянии опьянения чаще всего совершаются вандализм (53,6%) и хулиганство (52%). Реже всего – массовые беспорядки (8%).

Далее предлагаем рассмотреть показатели тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых в состоянии опьянения. Здесь в исследуемый нами период наблюдается скачкообразная динамика их состояния и снижение удельного веса. Так, в 2014 г. было зарегистрировано 88 679 тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных в состоянии опьянения (удельный вес составлял 16,7%), в 2017 г. – 57 587 (15,2%), а в 2018 г. – 61 560 (13,7%).

Количество выявленных несовершеннолетних, совершивших преступление в состоянии опьянения,

также снижается. В 2014 г. выявлено 8892 таких несовершеннолетних, в 2017 г. – 5698, а в 2018 г. – 4996 несовершеннолетних.

В заключение отметим, что по настоящее время проблема «пьяной преступности» остается актуальной, поскольку каждое третье преступление в России совершается в состоянии опьянения, а в отдельных регионах даже каждое второе. В 2017-2018 гг. наблюдалось снижение этих преступлений. Однако если сравнить аналогичные показатели за последние десять лет (2008-2018 гг.), то мы увидим, что «пьяные преступления» за этот период, наоборот, возросли на 50%.

Рост либо снижение исследуемых нами преступлений, совершенных в состоянии опьянения, соответствует динамике данных преступлений в целом. Среди преступлений против жизни и здоровья чаще всего в состоянии опьянения совершаются убийства, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, изнасилования, побои, угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Реже всего – половое сношение или иные действия сексуального характера с лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста. Также в состоянии опьянения часто совершаются угоны автомобилей или иных транспортных средств, грабежи, разбои, кражи, вымогательства, вандализм и хулиганство.

Литература

1. Маракулин Д.А. Состояние и динамика преступлений против общественного порядка в Российской Федерации (за 2013-2017 гг.) // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы семнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. Ч. 2.
2. Семенюк Р.А. Криминологические особенности лиц, совершающих убийства в состоянии опьянения // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 88.
3. Семенюк Р.А. Основные направления деятельности по предупреждению преступлений, совершаемых в состоянии алкогольного опьянения // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы семнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. Ч. 2.
4. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2018 г. // ГИАЦ МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics> (дата обращения: 01.03.2019).

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.985.5

В.Б. Батоев, канд. юрид. наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: vbatoev@mail.ru;

С.В. Тимофеев

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: tsv.1981@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ БЕСКОНТАКТНОМУ СБЫТУ НАРКОТИКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В статье рассматриваются проблемные вопросы противодействия бесконтактному сбыту наркотиков, осуществляемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий; недостатки, связанные с нормативным правовым регулированием данного направления деятельности органов внутренних дел; предложены меры по совершенствованию противодействия наркопреступности.

Ключевые слова: оперативно-разыскная деятельность, оперативно-разыскные мероприятия, противодействие, бесконтактный сбыт, наркотические средства, психотропные вещества, информационно-телекоммуникационные технологии, банковская тайна, изменения, законодательство.

V.B. Batoev, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: vbatoev@mail.ru;

S.V. Timofeev

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: s_v_timofeev@mail.ru

FEATURES OF COUNTERING THE NON-CONTACTING DRUG SALE: PROBLEMS AND THEIR SOLUTION

The article discusses the problematic issues of countering non-contacting drug dealing carried out using information and telecommunication technologies, problematic issues related to the legal regulation in this area of the internal affairs agencies, proposes measures to improve this activity.

Key words: law enforcement operations, active search measures, counteraction, non-contacting sale, narcotic drugs, psychotropic substances, information and telecommunication technologies, bank secrecy, changes, legislation.

Актуальность выработки эффективных мер оперативно-разыскного противодействия бесконтактному сбыту наркотиков обусловлена развитием общества, внедрением достижений науки в области развития информационно-телекоммуникационных технологий и характеризуется определенной спецификой применения и использования оперативно-разыскных мероприятий (далее – ОРМ), сил, средств и методов. Разумеется, для организации и тактики раскрытия конкретных видов преступлений необходимы знания о характерных общих чертах, присущих группе однородных преступлений, таких как способы совершения преступления, характеристика лиц, их совершающих, виртуальные следы преступления и др.

Для сотрудника оперативного подразделения построение информационно-ситуационной модели сбыта наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий на первоначальном этапе раскрытия зависит от имеющейся у него исходной информации о событии преступления. Подобной информации на практике часто бывает недостаточно, что не позволяет дать юридическую оценку произошедшему и правильно определить специфику организации и тактики оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) оперативных подразделений органов внутренних дел (далее – ОВД). Поиск, установление и использование оперативно значимой информации о событии преступления являются условиями, необходимыми для организации и тактики раскрытия преступления.

В связи с этим важно более детально рассмотреть некоторые аспекты противодействия сбыту наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. В последнее время оперативные подразделения ОВД сталкиваются не только со структурными преобразованиями в преступной деятельности и рядом неразрешенных проблем организационно-тактического характера, но и с некоторыми неоднозначными аспектами законодательного регулирования этой деятельности.

Нельзя не принимать во внимание состояние и динамику развития наркоугрозы в масштабах всей страны. На фоне общего снижения регистрируемых в Российской Федерации (далее – РФ) наркопреступлений количество сбытов наркотиков продолжает вызывать серьезную озабоченность со стороны правоохранительных органов и имеет динамику к росту числа зарегистрированных фактов сбыта наркотиков.

Анализ статистических данных ГИАЦ МВД России указывает не только на рост числа сбытов наркотиков с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, но и на высокий уровень латентности, как искусственный, так и естественный, обусловленный наличием проблем выявления и документирования данных видов преступлений [1].

В настоящее время сбыт наркотиков с непосредственным участием субъектов наркопреступлений по схеме «из рук в руки» уступил более технологичному и безопасному для преступников способу – бесконтактному сбыту наркотиков, осуществляемому с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в т.ч. с применением ресурсов сети Интернет.

Развитие технологий не только облегчило современную жизнь, но и поставило перед оперативными подразделениями ОВД новые задачи по противодействию технологически грамотной организованной преступности, характеризующейся высокой организованностью, финансовой и материальной оснащенностью, использованием при подготовке и совершении наркопреступлений современных средств обеспечения связи, программного обеспечения анонимизации личности пользователя ресурсов сети Интернет, средствами мгновенного обмена информацией, мессенджерами и др.

Практика деятельности оперативных подразделений ОВД по контролю за оборотом наркотиков показывает, что до этого они успешно решали задачи по пресечению и раскрытию данного вида преступлений, в т.ч. посредством применения метода мониторинга наркорынка в сети Интернет; установления владельцев счетов, через которые осуществлялась оплата за приобретение наркотиков.

Такое положение дел было актуальным до момента осуществления сотрудниками оперативных подразделений ОВД анализа движения денежных средств в электронных платежных системах. Это, в свою очередь, существенно скорректировало вопросы организационно-тактического и правового обеспечения противодействия наркопреступности в целом.

Данное обстоятельство можно объяснить наличием ряда неразрешенных проблем и недостатков различного характера. В настоящее время организации и учреждения кредитно-финансовой системы предоставляют гражданам возможность использования услуг осуществления электронных платежей в виде проведения расчетов между финансовыми организациями и пользователями ресурсов сети Интернет при осуществлении оплаты покупок товаров и оказания различных услуг. Касаемо правоохранительной деятельности отметим, что в целях решения задач по борьбе с преступностью подобное техническое новшество нашло применение в деятельности оперативных подразделений ОВД, где между организациями и учреждениями кредитно-финансовой системы и правоохранительными органами налажено соответствующее взаимодействие.

Анализ практики показывает, что в целях получения информации по операциям, проводимым с

использованием технологии «Visa QIWI Wallet»¹, между АО «Киви Банк»² и оперативными подразделениями ОВД по контролю за оборотом наркотиков заключаются соглашения о включении в реестр банка электронных адресов оперативных подразделений ОВД, на которые в течение трех дней по мотивированному запросу оперативного подразделения ОВД банк обязан предоставлять сведения:

- о дате регистрации электронного кошелька;
- анкетные данные их владельца, привязанные карты сторонних банков к счету;
- входящие и исходящие платежи по счету;
- физический адрес терминала пополнения счета и обналичивания денежных средств;
- IP-адрес владельца кошелька (при условии, что не использовался сервис VPN)³.

Изучение дел оперативного учета, уголовных дел по преступлениям данной категории показывает, что в качестве средства совершения преступления в большинстве случаев используются мобильные устройства и сотовые телефоны. Практически все современные сотовые телефоны имеют возможность осуществления выхода в сеть Интернет, которую активно используют наркосбытчики при подготовке и совершении наркопреступлений. Общеизвестно, что в момент выхода в сеть Интернет сотовому телефону оператором связи присваивается IP-адрес, состоящий из уникального идентификационного номера, который присваивается сотовому телефону автоматически во время выхода в сеть Интернет и представлен составными частями: номером сети и номером узла. В случаях, когда сеть функционирует как составная часть сети Интернет, номер сети может быть выбран администратором в случайном порядке либо определен по рекомендации специального подразделения Internet (Network Information Center (NIC))⁴.

При этом интернет-провайдеры получают диапазоны адресов у подразделений NIC и в последующем самостоятельно распределяют их между своими

¹ Visa QIWI Wallet – Технология «Visa QIWI Wallet» – это электронный кошелек. Клиенты могут осуществлять платежи, используя различные интерфейсы Visa QIWI Wallet: интернет-сайт, приложения для мобильных телефонов, приложения для социальных сетей и QIWI-терминалы.

² АО «Киви Банк» – небольшой по размеру активов московский банк, являющийся ядром и расчетным центром объединения электронной платежной системы Qiwi, принадлежащей к числу крупнейших в РФ.

³ VPN (англ. Virtual Private Network – виртуальная частная сеть) – обобщенное название технологий, позволяющих обеспечить одно или несколько сетевых соединений (логическую сеть) поверх другой сети, например сети Интернет.

⁴ Network Information Center (NIC) (Сетевой Информационный Центр) – организация, обеспечивающая сетевых пользователей информацией о службах сети. В функции службы входит присвоение IP-адресов и доменных имен.

абонентами. Поэтому IP-адрес фактически определяет не отдельный компьютер или маршрутизатор, а одно сетевое соединение. Существует два основных вида IP-адресов: статический и динамический. В основном смартфоны имеют динамический IP-адрес. В случае если смартфон не подключен к сети GSM, но подключен к сети Интернет через Wi-Fi, по номеру IP-адреса возможно установить не только модель смартфона (планшетного компьютера), но и интернет-провайдера, а также фактическое местонахождение точки выхода в интернет, установочные данные абонента, с которым заключен договор об оказании услуг, и другую не менее важную информацию.

Соответственно, данные технические особенности предопределили необходимость использования указанных технических особенностей при решении задач противодействия наркопреступности в целом.

Безусловно, в данном случае в соответствии с нормами действующего законодательства проведение ОРМ на каналах электросвязи предполагает ограничение конституционных прав и свобод человека и гражданина на тайну переписки и тайну телефонных переговоров.

Поэтому нельзя не упомянуть о наличии в данной сфере ряда проблем и недостатков организационного, технического и правового характера, с которыми ежедневно сталкиваются сотрудники оперативных подразделений ОВД при решении задач ОРД.

В данном случае обращает на себя внимание тот факт, что в ряде субъектов РФ прокуроры, уполномоченные на осуществление надзора за ОРД, выносят акты прокурорского реагирования на выявленные недостатки, истоки которых коренятся в необходимости соблюдения требований норм Федерального закона от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (далее – Закон о банках) [2, ст. 26].

В соответствии с действующим законодательством операции по электронным кошелькам по аналогии со сведениями о банковских счетах составляют охраняемую законом банковскую тайну. Отсюда следует, что суть протеста, выражаемого уполномоченными прокурорами, заключается в том, что сведения об информации по электронным кошелькам можно получать при наличии судебного решения.

При этом практика показывает, что ранее оперативные подразделения ОВД получали указанные сведения по запросу, без получения необходимого судебного решения. Об этом свидетельствуют приведенные ниже данные, имеющие тенденцию к постоянному росту.

Так, по данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ судами первой инстанции РФ в ходе досудебного производства (ч. 2 ст. 29 УПК РФ [5]) ежегодно подводятся итоги рассмотрения различных

видов обращений и ходатайств для проведения оперативно-разыскных мероприятий. В период с 2012 по 2016 гг. органы, осуществляющие оперативно-разыскную деятельность, в соответствии со ст. 9 ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности» (далее – ФЗ об ОРД) направляли ходатайства об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также ходатайства об ограничении конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища.

При этом в сводных статистических сведениях о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2012-2016 гг. в разделе 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» не выделен такой вид ходатайств, как «о получении справок по операциям, счетам и вкладам, составляющим банковскую тайну»¹, который был только с 2017 г.

Более того, в разделе 1 «Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции» сводных статистических сведений о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей, помимо разделов с ходатайствами «об ограничении конституционных прав граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи», «об ограничении конституционных прав граждан на неприкосновенность жилища», «о получении справок по операциям, счетам и вкладам, составляющим банковскую тайну», введен новый раздел с ходатайствами «о проведении иных оперативно-разыскных мероприятий».

В соответствии с положениями ч. 4 ст. 26 Закона о банках органы, уполномоченные на осуществление оперативно-разыскной деятельности, при выполнении ими функций по выявлению, предупреждению и пресечению преступлений по их запросам, направляемым в суд в порядке, предусмотренном ст. 9 ФЗ об ОРД [3], при наличии сведений о признаках подготавливаемых, совершаемых или совершенных преступлений, а также о лицах, их подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела, уполномочены получать в кредитных организациях справки по операциям и счетам юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, по операциям, счетам и вкладам физических лиц только на основании судебного решения.

Как следствие, полагаем, что существующие трудности и неоднозначный подход уполномоченных прокуроров по данному вопросу заставляют оперативные подразделения ОВД искать новые формы и методы получения оперативно значимой информации.

В этом контексте с учетом специфичности способа сбыта наркотиков, осуществляемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, следует обратить внимание на необходимость изменения подхода к методике выявления, документирования и раскрытия преступлений данной категории в части получения сведений о лицах, причастных к сетевому сбыту наркотиков [4, с. 180-185].

Изучение деятельности оперативных подразделений ОВД по контролю за оборотом наркотиков показывает, что наиболее эффективной мерой противодействия наркопреступности является проведение ОРМ «снятие информации с технических каналов связи» в целях сбора и анализа оперативно значимой цифровой информации, генерируемой и циркулирующей в файлообменниках (фотохостингах).

По нашему мнению, деятельность по выявлению лиц, причастных к сбыту наркотиков бесконтактным способом с использованием ресурсов сети Интернет, должна быть спланирована на основе имеющейся информации и наличия возможностей технического контроля со стороны субъектов ОРД за действиями, производимыми пользователями на указанных файлообменниках.

Сами же понятия «файлообменник», «файлохостинг» или «файловая хостинг-служба», по сути, предоставляют пользователю возможность хранить различные аудио-, видеофайлы и фотоизображения с предоставлением права круглосуточного доступа к ним.

На специальной странице файлообменника пользователь, в т.ч. и преступник, имеет возможность загрузить файл с фотоизображением на сервер файлообменника. Впоследствии файлообменник в автоматическом режиме направляет пользователю ссылку на доступ к этому файлу, которую он в дальнейшем может рассылать другим пользователям посредством использования e-mail, мессенджеров (WhatsApp, Viber, Telegram, Jabber, Vipole, Signal и др.).

Схема совершения преступления в данном случае выглядит следующим образом. Ресурсы файлохостинга позволяют загружать наркосбытчику («закладчику»)² фотографию с местом произведенной закладки наркотиков и в дальнейшем передавать сведения о ее местоположении «оператору»³ наркос-

¹ Данные Судебного департамента при Верховном Суде РФ судами первой инстанции РФ в ходе досудебного производства.

² «Закладчик» – это лицо, в функции которого входит раскладка мелкооптовых партий наркотиков в тайники.

³ «Оператор» – лицо, нанимаемое «организатором», в обязанности которого входит принятие заказов партий нар-

быта. После проведения соответствующей оплаты за приобретение наркотиков покупатель получает описание местоположения тайника с наркотиком и одновременно ссылку на соответствующий файл-фотоизображение в файлохостинге.

Добываемая таким способом оперативно значимая информация позволяет сотрудникам оперативных подразделений ОВД по контролю за оборотом наркотиков тактически грамотно планировать и проводить ОРМ, направленные на документирование преступной деятельности не только сбытчика наркотиков, но и установить преступные связи, численность и персональный состав соучастников преступной группы и другую не менее ценную информацию.

Обозначенный метод в совокупности со сведениями, получаемыми из организаций и учреждений кредитно-финансовой системы, о проведенных

транзакциях денежных средств по электронным кошелькам, счетам и вкладам физических лиц позволяет выявить как участников низовых подразделений организованных преступных групп, занимающихся мелкооптовыми закладками наркотиков, так и «операторов», «финансистов», «обнальщиков»¹, «кладовщиков»², курьеров³, в т.ч. и непосредственных организаторов сетевого сбыта наркотиков.

Таким образом, отметим, что противодействие наркопреступности на данном уровне возможно только за счет поиска новых форм и методов добывания оперативно значимой информации. В этой связи применение метода анализа данных, формирующихся в файлообменниках, а также изучение метаданных цифровых фотоизображений в современных условиях выступают востребованным и перспективным направлением организации и тактики противодействия наркопреступности в целом.

Литература

1. ГИАЦ МВД России. Состояние преступности в России. URL: <https://мвд.рф/reports/item/12899359/> (дата обращения: 04.03.2019).
2. О банках и банковской деятельности: Закон РФ от 2 декабря 1990 г. № 395-1. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2019).
3. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2019).
4. Тимофеев С.В. Использование информационно-телекоммуникационных технологий при бесконтактном сбыте наркотических средств: проблемы противодействия и пути решения // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра: сборник научных трудов. 2018. № 8. С. 180-185.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.04.2019).

котиков от клиентов, отвечающее за контроль поступления денежных средств на счет, выдачу оплаченного «товара» приобретателю. В некоторых случаях контролирует работу «закладчиков» и «кладовщика».

¹ «Финансист» (обнальщик) – лицо, отвечающее в организованной группе за легализацию денежных средств, вырученных от сбыта наркотиков.

² «Кладовщик» – лицо, в обязанности которого входит передача «закладчикам» необходимого объема сбываемых веществ для организации розничных и оптовых закладок.

³ «Курьер» – лицо в организованной преступной группе, отвечающее за транспортировку (перевозку) оптовых партий наркотиков по территории РФ.

УДК 343.98:343.72

В.Ю. Белицкий, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: vlad_belitskiy@mail.ru

ОБСТАНОВКА ПРЕСТУПЛЕНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ МОШЕННИЧЕСТВ, СОВЕРШЕННЫХ ПО ПРИНЦИПУ ФИНАНСОВЫХ ПИРАМИД

На страницах статьи автором на основе анализа научной литературы, материалов судебно-следственной практики проанализирована обстановка финансовых мошенничеств (на примере мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид) как интегративной системы условий и обстоятельств, в которых действовали мошенники на этапах подготовки (приготовления), совершения и сокрытия преступления. Сделан вывод о том, что под обстановкой мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид, следует понимать интегративную динамическую систему взаимодействующих между собой объективных (социальных, финансово-экономических, нормативно-правовых и пр.) и субъективных (психологических и иных особенностей и свойств личности лиц, причастных к совершению преступления и потерпевших от него) факторов, а также иных условий, специально созданных как виновными, так и по их поручению иными лицами (непрямыми участниками противоправного события), на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, мошенничество, обстановка преступления.

V.Yu. Belitskiy, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: vlad_belitskiy@mail.ru

CRIME SCENE AS AN ELEMENT OF THE CRIMINALISTIC CHARACTERISTICS OF FRAUD COMMITTED ON THE BASIS OF FINANCIAL PYRAMIDS

Based on an analysis of the scientific literature and materials of judicial investigative practice, the author analyzes the situation of financial frauds (using fraud schemes committed on the principle of financial pyramids) as an integrative system of conditions and circumstances in which fraudsters acted at the stages of preparation, commission and suppression of the crime. It is concluded that under the conditions of fraud committed on the principle of financial pyramids, we should understand the integrative dynamic system of interacting objective (social, financial, economic, regulatory, etc.) and subjective (psychological and other features and characteristics of the personality of criminals and victims) factors, as well as other conditions specially created both by the guilty and by other persons conducting on their instructions (indirect participants in the unlawful act) at the stages of preparation, commission and suppression of the crime.

Key words: criminalistic characteristics, fraud, crime scene.

Данные официальной статистики свидетельствуют о неуклонном и ежегодном росте как общего количества мошенничеств, так и их доли в общей структуре преступности. Если в 2010 г. было зарегистрировано 160 081 преступление рассматриваемого вида, а их доля в общей структуре преступности составляла 6,08%, то в 2018 г. только по итогам 11 месяцев их количество возросло до 197 392 преступлений, а удельный вес – до 10,7% [19]. Очевидно и то, что официальные статистические данные не в полной мере отражают реальное количество мошенничеств (по отдельным оценкам латентность мошенничеств составляет до 60% [16, с. 37]). Сказанное объясняется тем, что значительная часть потерпевших не обращается за помощью к сотрудникам правоохранительных органов.

На страницах своих работ [3; 5, с. 3-5] мы неоднократно подчеркивали, что мошенничество занимает особое место среди других преступлений против собственности. Полагаем, что это обусловлено как способом преступления, так и тем, что мошенничество, в отличие от иных преступлений, реализуется в самых различных сферах жизнедеятельности общества: жилищного строительства и купли-продажи недвижимости; денежного обращения и банковской деятельности; оборота ценных бумаг; потребительского кредитования; страхования; оказания услуг и пр. Кроме того, мошенничество совершается как отдельными категориями граждан, например военнослужащими с использованием служебного положения [20], так и в отношении отдельных групп населения: предпринимателей; социально незащищенных категорий граждан и др.

Для раскрытия преступлений рассматриваемого вида, воссоздания картины произошедших событий, механизма преступного деяния, определения возможной следовой информации, выяснения обстоятельств, способствовавших совершению мошенничества, и пр. необходимо установить обстановку как элемент криминалистической характеристики преступления рассматриваемого вида.

Понятие «обстановка совершения преступления» употребляется в криминалистической науке начиная с 30-х гг. XX в. [14, с. 114].

Убеждены, что до сегодняшнего дня не утратило актуальности утверждение выдающегося ученого-криминалиста И.Н. Якимова о том, что «...проникновение в обстановку и обстоятельства преступления ведет к отчетливому пониманию совершившегося, к достижению внутренней связи между действиями, совершенными преступной волей, и отражением их во вне...» [23, с. 75].

Обстановка как элемент криминалистической характеристики преступления активно исследовалась в криминалистической науке начиная с 60-х гг. XX в.

[9, с. 139-140; 21, с. 34-40]. Она рассматривается в работах таких ученых, как Р.С. Белкин, А.Н. Васильев, В.К. Гавло, В.Е. Корноухов, А.М. Кустов, В.П. Лавров, В.А. Образцов, Н.П. Яблоков, И.Н. Якимов, В.В. Яровенко и многие другие.

На уровне диссертационных исследований криминалистический аспект обстановки преступления рассмотрен в трудах В.И. Куликова (Москва, 1983), В.С. Ишигеева (Санкт-Петербург, 1996), И.Н. Букаевой (Тюмень, 2005), Т.С. Анненковой (Саратов, 2007) и некоторых других авторов.

Несмотря на достаточную изученность обстановки преступления, в научной литературе нет единства взглядов по вопросу об определении рассматриваемого понятия. В основе существующих разногласий лежит как количество факторов, включаемых в содержание обстановки преступления, так и отношение к данной категории.

Анализ высказанных мнений позволяет выделить узкий и широкий подходы к определению обстановки преступления. В узком смысле «средой (или обстановкой) преступления является совокупность тех объектов (людей, вещей), их состояния, связей и отношений, на фоне, с учетом или под воздействием которых совершается это преступление» [11].

В широком смысле в содержание понятия обстановки совершения преступления авторы включают «...вещественные, природно-климатические, производственно-бытовые и иные условия окружающей среды, особенности поведения не прямых участников противоправного события, психологические связи между ними и другие обстоятельства объективной реальности, сложившиеся (независимо или по воле участников) в момент преступления, влияющие на способ и механизм его совершения...» [22, с. 24]; территориальную, климатическую, демографическую и иную специфику региона, в котором совершено преступление, а также обстоятельства, непосредственно характеризующие место, время, условия и другие особенности [18, с. 94].

Как правило, авторы акцентируют внимание исключительно на обстановке совершения преступления, т.е. тех условиях и обстоятельствах, в которых произошло преступное событие.

В частности, И.Н. Букаева на страницах своего диссертационного исследования анализирует именно обстановку совершения преступления как «...форму взаимосвязи физической и социальной сред в реализации механизма преступления, формирующую (наряду с другими) объективные закономерности его функционирования, развития преступного умысла или отказа от преступления и являющуюся отрагательной системой противоправного поведения...» [10, с. 12, 74-75].

При этом И.Н. Букаева обоснованно отмечает, что «...в процессе расследования проводится анализ

социальной среды и преступники постоянно учитывают её внешнее состояние и используют некоторые формы её проявления для создания криминальных ситуаций как незаконного способа удовлетворения своих материальных, физических и иных потребностей» [10, с. 55].

В связи с изложенным непонятно, почему, по мнению И.Н. Букаевой, элементы внешней социальной среды не входят в структуру механизма преступления и связаны с ним опосредованно, являясь отдельным объектом исследования процесса расследования уголовного дела.

Считаем, прав В.К. Гавло, рекомендуемый употреблять интегральное понятие «обстановка преступления» для отражения в целом «системы условий и обстоятельств, локализуемых в пространстве и во времени, материальной обстановки места происшествия, объекта посягательства, субъекта преступления и иных компонентов, связанных с подготовкой, совершением и сокрытием преступления» [12, с. 49-50; 13, с. 179]. Развивая изложенное, уважаемый ученый предлагал использовать дифференцированное понятие «обстановка преступления», включающее наряду с обстановкой совершения преступления также обстановку, как ему предшествующую, так и сложившуюся после совершения преступления [12, с. 49-50; 13, с. 179-180].

Характеризуя обстановку мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид, отметим, что условия и обстоятельства их совершения нельзя сводить только к совокупности непосредственных физических условий, в которых действовал преступник. Обстановка преступлений рассматриваемого вида, равно как и мошенничеств в целом, включает общую историческую и социально-политическую обстановку [17, с. 23].

Анализ возникновения, развития и деятельности мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид в разных государствах (Англия, Франция, США, Россия и др.) в различные исторические периоды, позволяет утверждать, что функционирование рассматриваемых компаний обеспечивалось различными факторами (условиями и обстоятельствами), как объективными, так и субъективными.

Объективными условиями и обстоятельствами, полагаем, являются:

- благоприятная для преступлений рассматриваемого вида социальная и финансово-экономическая обстановка в стране в соответствующий исторический период. Так, например, в начале 90-х гг. XX в. появлению финансовых пирамид в России способствовали «...гиперинфляция и рост цен, спад производства, падение жизненного уровня подавляющего большинства населения, безработица, утрата доверия к Сбербанку.., резкий рост дифференциации до-

ходов», необходимость сохранения и преумножения имеющихся накоплений граждан [4, с. 71-72];

- дефектность законодательства: наличие пробелов, противоречий и коллизий в регулировании определенных сфер деятельности: привлечение финансовых средств частных инвесторов, жилищного строительства, потребительского кредитования и пр.;

- отсутствие надлежащего государственного контроля на финансовом и фондовом рынках, а равно за деятельностью кредитных потребительских кооперативов граждан;

- отсутствие должного контроля за порядком регистрации юридических лиц, что позволяло их регистрировать по подложным документам, фиктивным адресам и пр.

Субъективным фактором, думается, следует считать экономический и правовой нигилизм граждан, а равно иные свойства, желания и потребности личности: доверие и доверчивость, жадность и пр. [7, с. 103-109].

Анализ уголовных дел о мошенничествах рассматриваемого вида позволил выявить случаи прямого указания в процессуальных документах на использование сложившейся в стране обстановки для совершения преступления. В частности, в обвинительном заключении по обвинению В.Ю. Дрямова, руководителя АОЗТ «Тандем», отражено, что обвиняемый использовал высокий уровень инфляции и нестабильную экономическую обстановку в стране для организации приема наличных денежных средств¹.

Учитывая изложенное, применительно к совершению мошенничеств, совершенных с использованием принципа финансовой пирамиды, полагаем, нельзя согласиться с Т.С. Анненковой, которая отмечает, что «обстановка совершения преступления гораздо уже по объему и содержанию, чем среда, окружавшая преступника, так как в обстановку входят только те элементы среды, которые непосредственно окружали преступника, учитывались или использовались им для достижения преступных целей, сыграли определенную роль в событии преступления, оказали влияние на формирование какого-либо структурного элемента преступления» [1, с. 8].

Сложившаяся социальная, финансово-экономическая ситуация в стране в соответствующий исторический период учитывалась виновными при избрании способа совершения преступления, а равно при определении механизма преступной деятельности для достижения преступного результата.

Проведенный анализ материалов судебно-следственной практики свидетельствует, что мошенники не только использовали уже сложившуюся обстановку, но и создавали ещё более благоприятные условия

¹ Уголовное дело № 7265, находившееся в производстве ГСУ при ГУВД по г. Москве.

для совершения преступлений: обеспечивали повышенный спрос на предлагаемые ими услуги; проводили мероприятия, направленные на повышение доверия населения к созданным ими финансовым компаниям, для чего применяли возможности масс-медиа [8, с. 33] и публичного круга общения [15, с. 171-181].

Помимо этого, виновные использовали потенциал приватного круга общения, в котором высока значимость личного опыта потенциальных потерпевших, мнения их друзей, знакомых, родственников и близких лиц.

Наиболее ярко использование приватного круга общения при создании обстановки преступления проявляется в деятельности финансовых пирамид, действовавших под видом различных клубов, организаций социальных новаций и пр.: мошенники применяли особую систему приглашения граждан, состоящую в использовании для этого их близких, друзей, знакомых и т.п., которые вовлекались в механизм преступления и невольно способствовали его совершению, являясь, таким образом, непрямыми участниками преступного события.

Непосредственно на этапе совершения преступления преступники создавали атмосферу праздника, применяя соответствующую музыку, световые эффекты, психологические приемы и даже одежду. Мошенники уделяли большое внимание своему внешнему виду. Например, в финансовой пирамиде КРОО СН «Грин», действовавшей в г. Красноярске, были установлены правила, согласно которым консультанты должны были приобретать себе дорогую одежду, костюмы для информационных и иных семинаров. Качество приобретенной одежды постоянно проверялось руководством организации¹. Приглашенным гражданам также рекомендовали придерживаться делового стиля одежды.

Перед проведением и в ходе информационного семинара (лекции) виновные, а равно по их указанию иные лица создавали у приглашённых граждан уверенность в правильности решения о вступлении в организацию (партнёрство), законности её деятельности, обеспечивали поддержку выступления лектора путем заранее отрепетированных выкриков одобрения и аплодисментов, рассаживали приглашенных лиц на места в зале таким образом, чтобы лишить их возможности находиться рядом друг с другом и обмениваться мнениями (Дело № 2-6/2011 г.).

Мошенники использовали яркое освещение, световые эффекты, шумную и ритмичную музыку, громкую скандированную речь присутствующих в зале лиц, а также психофизиологические факторы и приемы психологического давления, что в совокупности

способствовало снижению сознательного контроля у потерпевших и повышению подверженности внешнему воздействию со стороны виновных².

Создание обстановки солидности, надежности, успешности, стабильности деятельности характерно для всех видов финансовых пирамид. В частности, в «строительных пирамидах» на стенах офисов располагалось множество сертификатов, гарантийных писем и пр., якобы подтверждающих законность деятельности компании, а равно её высокий статус. Например, потерпевшие от деятельности некоммерческого партнерства «Доступное жилье» отмечали, что наличие на стенах компании копий различных лицензий и иных официальных документов производило «солидное впечатление» о деятельности организации³.

Финансовые пирамиды отличают хорошая организация обслуживания клиентов, вежливость, предусмотрительность, культура сервиса со стороны сотрудников финансовой компании, что также обеспечивает доверие потерпевших к организации – финансовой пирамиде.

С учетом изложенного можно выделить два уровня обстановки преступления:

1) объективно существующие условия и обстоятельства в стране в соответствующий исторический период: финансово-экономические и социальные условия, отсутствие надлежащего нормативно-правового регулирования отдельных общественных отношений, отсутствие должного государственного контроля и пр., а также субъективные факторы (психологические и иные особенности и свойства личности лиц, причастных к совершению преступления и потерпевших от него), используемые виновными на всех этапах преступной деятельности;

2) обстановка, создаваемая виновными, а равно иными лицами (непрямыми участниками противоправного события) на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступления.

Таким образом, под обстановкой мошенничеств, совершенных по принципу финансовых пирамид, предлагаем понимать интегративную динамическую систему взаимодействующих между собой объективных (социальных, финансово-экономических, нормативно-правовых и пр.) и субъективных (психологических и иных особенностей и свойств личности лиц, причастных к совершению преступления и потерпевших от него) факторов, а также иных условий, специально созданных как виновными, так и по их поручению иными лицами (непрямыми участниками противоправного события) на этапах подготовки, совершения и сокрытия преступления.

² Уголовное дело № 001572, находившееся в производстве СЧ СУ при УВД г. Красноярска.

³ Уголовное дело № 20258, находившееся в производстве О-2 СЧ ГСУ при ГУВД по Иркутской области.

¹ Уголовное дело № 8059016, находившееся в производстве СЧ СУ при УВД г. Красноярска.

Литература

1. Анненкова Т.С. Обстановка совершения преступления и криминалистические методы ее исследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 25 с.
2. Архив Кемеровского областного суда. Д. № 2-6/2011.
3. Белицкий В.Ю. Криминалистические аспекты предварительного расследования и судебного разбирательства мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2008. 239 с.
4. Белицкий В.Ю., Ким Д.В. Применение ситуационного подхода при расследовании преступлений экономической направленности (на примере расследования мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид»): монография. Барнаул: БЮИ МВД России, 2011. 183 с.
5. Белицкий В.Ю. О необходимости разработки базовой методики раскрытия, расследования и судебного разбирательства мошенничеств // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы тринадцатой международной научно-практ. конф-ции: в 3 ч. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 1. С. 3-5.
6. Белицкий В.Ю. История возникновения и развития мошенничеств, совершенных по принципу финансовой пирамиды, в России // Алтайский юридический вестник. 2017. № 4 (20). С. 7-12.
7. Белицкий В.Ю. Личностные особенности лиц, потерпевших от мошенничества // Алтайский юридический вестник. 2018. № 1 (21). С. 103-109.
8. Белицкий В.Ю. Использование средств массовой информации при расследовании мошенничеств, совершенных по принципу «финансовых пирамид» // Актуальные проблемы современности: международный научный журнал. Караганда: РИО «Болашак-Баспа», 2018. № 3 (21). С. 32-38.
9. Белкин Р.С. Собираение, исследование и проверка доказательств. М., 1966. 295 с.
10. Букаева И.Н. Обстановка совершения преступления, получение и использование информации о ней при расследовании уголовных дел: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2006. 319 с.
11. Вязов С.Н. Криминалистическая характеристика вандализма: отчет (заключительный) о научно-исследовательской работе. Тюмень: ТЮИ МВД России, 2004. 45 с.
12. Гавло В.К. Обстановка преступления как структурный компонент криминалистической характеристики преступления // Проблемы совершенствования тактики и методики расследования преступлений: сборник научных трудов. Иркутск, 1980. С. 49-55.
13. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1985. 194 с.
14. Громов В., Лаговиер Н. Вопросы методики расследования убийств // Методика и техника следственной работы. Киев, 1934. 246 с.
15. Кузина О.Е. О формировании доверия в массовом инвестиционном поведении // Социологический журнал. 1999. № 1/2. С. 171-181.
16. Лимонов В.Н. Мошенничество: уголовно-правовая и криминологическая характеристики. М., 2000. 89 с.
17. Методика расследования хищений социалистического имущества. Выпуск третий. Общие вопросы расследования: методические рекомендации / отв. ред. В.Г. Танасевич. М.: ВЮЗИ, 1979. 220 с.
18. Образцов В.А. О криминалистической классификации преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1980. Вып. 33. С. 90-98.
19. Статистические данные ГИАЦ МВД России. URL: <https://мвд.пф/folder/101762/item/15304733/>.
20. Шумигай И.Н. Методика расследования мошенничества, совершённого военнослужащими с использованием служебного положения: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2011. 211 с.
21. Яблоков Н.П. Обстановка совершения преступления как элемент его криминалистической характеристики // Криминалистическая характеристика преступлений: сборник научных трудов. М., 1984. С. 34-40.
22. Яблоков Н.П. Криминалистика. 2-е изд. М.: Норма, 2012. 400 с.
23. Якимов И.Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. 312 с.

УДК 343.851.5

С.А. Евсеева

Уфимский юридический институт МВД России,
адъюнкт Ростовского юридического института МВД России
E-mail: svet-lana82@bk.ru

ЮВЕНАЛЬНАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ПРОФИЛАКТИКИ

В статье рассматриваются вопросы теории и практики криминалистического предупреждения ювенальных преступлений. Актуальность тематики проведенного исследования подтверждается общей характеристикой преступности, значительную долю которой составляют преступления, совершаемые несовершеннолетними, а также действующим законодательством, которое направлено на смягчение ответственности несовершеннолетних. Приводится аргументация в поддержку актуализации криминалистической профилактики как приоритетного направления в деятельности судебно-следственных органов в противодействии преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, которая способствует выявлению и сведению к минимуму причинного комплекса данного вида преступного поведения.

Ключевые слова: ювенальная преступность, криминалистическая профилактика, несовершеннолетний, следственные действия, криминалистическая методика.

S.A. Evseeva

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
postgraduate student of Rostov Law Institute of the Ministry of Internal
Affairs of Russia
E-mail: svet-lana82@bk.ru

JUVENILE CRIME AS AN OBJECT OF CRIMINALISTIC PREVENTION

The article deals with the theory and practice of criminalistic prevention of juvenile crimes. The relevance of the research carried out is confirmed by the general characteristic of crime, a large proportion of which is constituted by crimes committed by minors, as well as current legislation, which is aimed at reducing the responsibility of minors. The argument is given in support of the actualization of criminalistics prevention as a priority in the activities of judicial-investigative agencies in countering crimes committed by minors, which helps to identify and minimize the causal complex of this type of criminal behavior.

Key words: juvenile crime, criminalistic prevention, minor, investigative actions, criminalistic technique.

Одним из приоритетных направлений правовой политики государства на сегодняшний день выступает проблема преступной деятельности несовершеннолетних. Основанная на отечественном опыте противодействия подростковой преступности действующая политика базируется также на положительном заимствовании средств и методов противодействия преступному поведению молодого поколения в зарубежных государствах и строится с учетом научных исследований в области преступности несовершеннолетних и анализа правоприменительной практики.

Меры, создающие концептуальную основу уголовной политики, имеют определенную специфику, обусловленную тем, что им присущ репрессивный характер, существенно ограничивающий права и законные интересы подростков, что может отражаться на качестве их воспитания и развития. В связи с этим действующий уголовно-процессуальный закон и теория уголовного процесса закрепляют многочисленные правила и предписания, отражающие особенности уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних потерпевших, свидетелей, подозреваемых и обвиняемых, способствующие обеспечению гарантий прав детей, обеспечивающих их защиту на государственном и международном уровнях.

Тенденция объединения проблемных аспектов противодействия преступлениям, совершаемым несовершеннолетними, и преступности, посягающей на права и законные интересы несовершеннолетних, по мнению Н.В. Волуйскова, становится все более популярной, т.к. отстаивается мнением большинства авторов, занимающихся вопросами преступности несовершеннолетних. Большинство авторов рассматривают ювенальную юстицию как комплекс мероприятий, осуществляемых лицами, которые по своему прямому назначению призваны защищать права и законные интересы несовершеннолетних. Здесь же следует включить и работу тех, кто выполняет функции, частично пересекающиеся с заявленной деятельностью основных субъектов [8, с. 94].

В совместной публикации А.И. Бастрыкин и Н.В. Валуйсков указывают также на то, что такое объединение создает устойчивые предпосылки для развития ювенальной юстиции в целом, а также выступает базой для формирования доктринальных позиций в сфере предупредительной деятельности, основной задачей которой является воспрепятствование появлению шаблонов «превращения» подростков из пострадавших от плохого воспитания, негативного влияния социума, невнимания со стороны близкого окружения в тех, кто становится на путь преступного поведения [1, с. 4]. Повышение эффективности борьбы с этим негативным социальным явлением обусловлено важностью выработки комплек-

са мер, позволяющих снизить уровень факторов, ее обуславливающих.

Актуальным и значимым представляется вопрос разработки частных криминалистических методик расследования преступлений, составной частью которых выступает профилактика. Целесообразно расширять возможности профилактики преступного поведения несовершеннолетних как наиболее эффективного и перспективного направления деятельности государства путем актуализации уже имеющихся способов и средств противодействия, а также искать новые решения.

Качественные изменения состояния и структуры ювенальной преступности наглядно свидетельствуют о том, что криминальная агрессия молодых людей приобретает угрожающие масштабы. Несмотря на то что в целом по стране наблюдается снижение уровня преступлений, совершаемых несовершеннолетними, уровень тяжких и особо тяжких преступлений остается высоким. Все больше из категории корыстных преступлений подростки перемещаются в сферу преступлений, посягающих на жизнь, здоровье, половую неприкосновенность. Печально осознавать, что мотивация этих преступлений также трансформируется, и поводом для лишения жизни другого человека все чаще становится зависть, желание прославиться за счет отрицательно характеризующихся в обществе поступков, стремление выместить обиду на посторонних лицах. Шокирующие подробности насильственных преступлений против личности, совершаемых подростками, всплывающие в средствах массовой информации, не оставляют сомнений в том, что актуализация работы по выявлению причинного комплекса условий, способствующих такого рода деятельности, должна носить комплексный характер и реализовываться на всех уровнях.

Выступая в качестве объекта криминалистической профилактики, ювенальная преступность имеет специфические черты, учет которых при выработке профилактической работы должен быть реализован в полном объеме.

Так, криминалистическая профилактика преступной деятельности несовершеннолетних, по мнению Ю.Н. Аксёновой-Сорохтей, должна анализироваться с позиции двух составляющих. С одной стороны, криминалистическая профилактика должна быть представлена как совокупность доктринальных позиций и конкретных практико-ориентированных рекомендаций о закономерностях разработки и использования в уголовном судопроизводстве технических средств и тактических приемов, способствующих предотвращению планируемых преступных деяний, позволяющих своевременно обнаружить и качественно осуществить расследование совершенных преступлений, дающих возможность пресечь

конкретное преступное деяние и минимизировать последствия его совершения [11, с. 206].

С другой стороны, криминалистическая профилактика – это работа специализированных органов, осуществляемая с помощью средств и методов криминалистики, направленная на недопущение преступной деятельности [3, с. 65].

Анализируя представленные позиции, можно сказать, что общим для них является то, что прослеживается логическая связь теории и практики, без которой невозможно выработать надлежащие рекомендации по расследованию, раскрытию и профилактике преступного поведения несовершеннолетних. Подтверждением этого высказывания служит то обстоятельство, что особенностью криминалистических методов и средств предупреждения является их частичное пересечение с приемами и методами расследования преступлений.

По существу, с одной стороны, методика расследования преступлений предопределяет границы и содержание мер профилактического характера. С другой стороны, обладая определенной спецификой, им присущи тактическое и методическое своеобразие. Все это, по справедливому замечанию А.Ю. Головина, определенным образом объединяет приемы и методы следственно-профилактической деятельности в особый комплекс тактических приемов и методов расследования в рамках методики расследования [9, с. 53]. В теории криминалистики были предприняты попытки создать единый алгоритм, подходящий для раскрытия любого преступления [13, с. 15]. Однако поддержки эта идея среди теоретиков и практиков не нашла. С.И. Земцова признает эту идею утопичной [10, с. 28], Р.С. Белкин отмечал, что обобщение приводит к утрате индивидуальных особенностей, что влечет за собой отсутствие целесообразности в практической деятельности [2, с. 299].

И все же некоторая обобщенность в методических рекомендациях присутствует, если речь идет о частной методике расследования отдельных видов и разновидностей преступлений. Дифференциация частных криминалистических методик может проводиться по разным основаниям, мы взяли за основу признаки субъекта преступления, характеризующегося несовершеннолетним возрастом. Специфика этого возраста в основе своей заключается в том, что подростки имеют недостаточно накопленного жизненного опыта, что делает их уязвимыми перед соблазнами общежития, а также становится причиной того, что лица криминальной направленности вовлекают их в совершение преступлений.

Таким образом, методика расследования ювенальных преступлений в обязательном порядке должна включать в себя профилактическую деятельность, которая невозможна без такого направления,

как выявление причинного комплекса преступлений, и анализа условий, способствовавших его совершению.

Выявление – это первый, по существу самый важный этап профилактической деятельности следователя, который реализуется посредством логических операций, аналитических приемов и иных средств криминалистики. На данном этапе субъект профилактической деятельности сталкивается с определенными проблемами, которые, по существу, должны быть рассмотрены в контексте нашего исследования.

Прежде всего следователь сталкивается с неполнотой тактического обеспечения предоставленных ему законом средств. На этот проблемный аспект указывает и Л.Л. Каневский, который отмечает, что процесс выявления всех обстоятельств, явившихся причиной общественно опасного посягательства, должен наблюдаться на протяжении всего периода расследования при осуществлении любого из следственных действий [12, с. 249]. Этой же позиции придерживается и Е.В. Шишкина, которая отмечает, что профилактическая деятельность следователя возможна на любом этапе расследования при реализации этим субъектом своих законных полномочий [16, с. 111].

Первоначальный этап расследования в большинстве случаев сопряжен с осмотром места происшествия. Анализ обстановки совершения посягательства может выявить в том числе ряд факторов, указывающих на ее криминогенность. Например, в ходе осмотра места происшествия может быть установлено то обстоятельство, что местность имеет плохое освещение или вовсе таковое отсутствует. Это обстоятельство, в частности, стало одной из цепи возможных причин гибели многодетной матери в поселке Псебай от рук двух молодых людей, одному из которых на момент совершения преступления исполнилось 16 лет [7].

Если же к признакам анализируемой обстановки относится информация о времени совершения преступления, это тоже может иметь значение для выработки профилактических мер. Так, если расследуемое событие имело место в позднее или ночное время, это обстоятельство должно стать поводом для проверки роли семьи в воспитании несовершеннолетнего. Если время совершения преступления совпадает со временем реализации учебного процесса, вопросы могут возникнуть к администрации учебного учреждения, где проходит обучение несовершеннолетний, на предмет контроля посещаемости учебного процесса.

Допрос несовершеннолетнего подозреваемого (обвиняемого) – еще одно следственное действие, благодаря которому, помимо основной цели, которую преследует следователь, может и должна быть полу-

чена информация о причинах и условиях, способствовавших совершению преступления. Проблемный аспект данного рода деятельности нами видится в том, что следователь, как правило, не обладает специальными познаниями в области социально-педагогических вопросов. А это, в свою очередь, затрудняет процесс получения информации, значимой для осуществления профилактической функции. Допрос подростка с учетом его возрастных особенностей имеет некоторые отличия от проведения допроса взрослого человека. Так, нецелесообразно, по нашему мнению, напрямую выяснять у несовершеннолетнего вопросы, связанные с оценкой качества воспитательной работы, которую проводят с ним родители или лица, их заменяющие, т.к. это может подрывать авторитет этих лиц. При этом вопросы должны быть простыми по конструкции, доступными по содержанию. Полученные в результате допроса сведения следователь анализирует и в качестве следующего этапа своей деятельности принимает решение относительно того, какие меры могут быть приняты по профилактике выявленных условий криминогенного характера.

Так, если одним из обстоятельств совершения преступления несовершеннолетним стало алкогольное опьянение, профилактическую деятельность в сфере розничной продажи несовершеннолетним алкогольной продукции можно направить в следующем аспекте: актуализировать работу правоохранительных органов с несовершеннолетними и их родителями, разъясняя им негативное воздействие алкоголя на организм человека.

Если же причина агрессии подростка кроется в неблагоприятной ситуации в семье, где родители подавляют подростка, не считают с его мнением, применяют физическую силу, допускают насилие по отношению друг к другу, важно ставить вопрос об ответственности родителей или лиц, их заменяющих, на предмет их ненадлежащего осуществления обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей.

Основные усилия криминологической профилактики, по мнению О.Н. Тереховой, должны быть направлены на выявление факторов, способствующих совершению преступлений, которые касаются в том числе личности самого несовершеннолетнего [14, с. 240]. По этому поводу С.Е. Тимошенко отмечает, что несовершеннолетний преступник как личность отражается через свои свойства. Соответственно, процесс познания этих свойств в рамках расследуемого преступления имеет под собой криминологическую основу [15, с. 52]. Действительно, осуществляя изучение личностных особенностей подростка, связанных с его возрастом, уровнем образования, увлечением какими-либо видами спорта,

художественной самодеятельностью, компьютерными играми, активным использованием сети Интернет, можно получить необходимую информацию, позволяющую выбрать и применить наиболее эффективные тактические приемы, разыскать обвиняемого в случае, если он уклоняется от следствия и суда. Н.Т. Ведерников, в свою очередь, подчеркивает, что изучение личностных свойств несовершеннолетнего, совершившего преступление, имеет целью оказание нужного воспитательного воздействия, которое входит в контекст криминологической профилактики [6, с. 39].

Обнаружение объектов профилактики осуществляется с учетом того, что негативные личностные свойства несовершеннолетнего проявляются не только в момент совершения преступления, но и в будничных ситуациях поведенческого и психологического характера. Как правило, такие подростки уже имели конфликты с законом, попадали в поле зрения правоохранительных органов, но не привлекались к уголовной ответственности в силу разных обстоятельств. Эти обстоятельства должны тщательным образом по настоянию следователя подвергаться проверке, т.к. причиной может стать в том числе и коррупционная составляющая.

Таким образом, производя в рамках предварительного расследования преступлений следственные и иные процессуальные действия, субъект данной деятельности наращивает доказательственную базу по конкретному уголовному делу, которая позволяет выявить настоящие причины совершенного преступления. А.В. Варданян по этому вопросу отмечает, что в случае, если будет установлена системность в проявлении той или иной причины, положенной в основу совершения преступления, незамедлительное решение следователя о вынесении представления, направленного на ее ликвидацию, а также надлежащее реагирование на этот документ соответствующими органами, в чьих полномочиях есть возможность устранить эти причины, будут способствовать сокращению данного вида деяний в будущем [4, с. 145].

Безусловно, единственной установленной законом процессуальной формой отражения полученных данных является внесение представлений по устранению такого рода обстоятельств. Но, по нашему убеждению, куда более эффективны в плане профилактики непроцессуальные формы реагирования следователя на криминологические факторы ювенальных преступлений. Так, участие следователя в различного рода мероприятиях, организованных для несовершеннолетних, общение с аудиторией в рамках семинаров и круглых столов, посвященных проблемам преступности несовершеннолетних, – залог формирования доверия к представителям власти,

способ обеспечить подростков определенным уровнем правовой информированности, предупреждающей их от совершения негативных социальных поступков.

Как справедливо отмечает А.Ю. Головин, «...в последние годы в юридической литературе всё чаще поднимается вопрос о необходимости восстановить систему правовой профилактики различного вида, однако качественного улучшения ситуации в сфере следственно-профилактической работы пока не наблюдается. Сложившуюся ситуацию необходимо исправлять и активизировать по совершенствованию мер криминалистического предупреждения (профилактики) на следственном и судебном уровнях. В этом деле ведущая роль принадлежит криминалистической методике расследования, а соответствующие рекомендации должны войти необходимой составляющей в каждую частную криминалистическую методику» [9, с. 53].

По нашему мнению, повысить эффективность криминалистической профилактики ювенальной преступности можно путем тщательного анализа данного негативного явления. Важными аспектами такой работы должны стать изучение тенденций, характерных для преступного поведения подростков, типичные мотивы, побуждающие несовершеннолетнего к общественно опасному посягательству, а также криминогенные объекты, благоприятствующие преступной деятельности подростков.

Эта деятельность, в свою очередь, даст возможность спрогнозировать типичные механизмы совершения преступлений, позволит выявить закономерности допреступного поведения несовершеннолетнего с той целью, чтобы выработать комплекс необходимой профилактической деятельности.

Особенно важно для предупредительной деятельности ювенальных преступлений установление типичных свойств личности преступника. Акцент следует делать на несовершеннолетний возраст, с учетом которого следует осуществлять тактику проверки, профилактических мер и оказания соответствующего воздействия на личность.

Профилактика отрицательного воздействия на несовершеннолетнего его окружения, формирующего антиобщественные установки и мотивацию преступного поведения, – это еще одно направление криминалистической профилактики, которое подлежит реактивации, как важная составляющая комплекса мер, направленных на снижение уровня ювенальной преступности.

В заключение хотелось бы процитировать высказывание А.В. Варданяна, который очень точно отметил, что «за молодым поколением – наше будущее, поэтому сложно переоценить своевременное применение качественных, научно обоснованных и эффективных мер, способствующих подлинной реабилитации несовершеннолетних» [5, с. 20], а также действенных мер профилактического характера.

Литература

1. Бастрыкин А.И., Волуйсков Н.В. Ювенальная преступность в России и перспективы совершенствования борьбы с ней // Научный вестник Омской академии МВД России. 2015. № 3 (58).
2. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Общая теория криминалистики: в 3 т. М.: Юрист, 1997. Т. 1.
3. Белкин Р.С. Курс криминалистики: учебное пособие для вузов. 3-е изд., доп. М.: ЮНИТИДАНА, Закон и право, 2001.
4. Варданян А.В. Современные проблемы раскрытия и расследования тяжких насильственных преступлений против личности: учебное пособие. Ростов-на-Дону, 2015.
5. Варданян А.В. «Золотая молодежь» как специфическое явление в структуре современной насильственной преступности и объект криминалистического исследования // Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи: мат-лы международной научно-практ. конф-ции, посвященной 95-летию профессора Л.Л. Каневского. Уфа: Изд-во Башкирского государственного университета, 2019.
6. Ведерников Н.Т. Личность обвиняемого и подсудимого (понятие, предмет и методика изучения). Томск, 1978.
7. Власенко А. Страх и ненависть в Псебае. Убийство на Кубани вызвало народные волнения // Аргументы и факты. 2018. 30 мая. № 22.
8. Волуйсков Н.В. О ювенальной преступности и концепции ювенальной уголовной политики // Российский журнал правовых исследований. 2015. № 4 (5).
9. Головин А.Ю. Совершенствование структуры частных криминалистических методик расследования отдельных видов преступлений // Криминалистические чтения на Байкале – 2015: мат-лы международной научно-практ. конф-ции / отв. ред. Д.А. Степаненко. Иркутск, 2015. С. 50-53.
10. Земцова С.И. Криминалистические методики расследования преступлений: понятие, классификация и перспективные направления развития // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 1 (9).
11. Иванов И.И. Криминалистическая превенция: комплексное исследование генезиса, состояния, перспективы: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2003.

12. Каневский Л.Л. Криминалистические проблемы расследования и профилактики преступлений несовершеннолетних. Красноярск, 1991.
13. Криминалистика: особенности расследования отдельных видов преступлений: курс лекций / сост. Ю.Л. Бойко, О.В. Кругликова. Барнаул: БЮИ МВД России, 2012. Ч. 1.
14. Терехова О.Н. Влияние семьи на групповую преступность несовершеннолетних // Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе. Красноярск, 2006.
15. Тимошенко С.Е. Криминалистическое назначение изучения личности несовершеннолетнего, совершившего преступление // Вестник Омского юридического института. 2012. № 1 (18).
16. Шишкина Е.В. Криминалистические средства профилактики преступлений, совершаемых несовершеннолетними // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2017. № 3.

УДК 340.6:343.541

П.В. Елфимов, доктор мед. наук, заслуженный врач РФ

Уральский юридический институт МВД России

E-mail: elfimovpv@mail.ru;

О.П. Виноградова, канд. юрид. наук

Уральский юридический институт МВД России

E-mail: olga10vin@mail.ru

ИНФОРМАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКОЙ И СУДЕБНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Охрана детства должна быть одной из главенствующих задач любого цивилизованного и уважающего себя государства. С продвижением и развитием науки генетики, сегодня провести генетическое исследование не составляет особого труда, которое в расследовании уголовных дел о преступлениях против половой неприкосновенности в абсолютном большинстве случаев носит важный доказательственный характер, результаты которого часто определяют исход дела. Несмотря на то что производство экспертиз – достаточно материально затратное мероприятие, сегодня невозможно столкнуться с уголовным делом, возбужденным по факту совершения сексуального насилия в отношении ребенка, где бы не было проведено всего комплекса необходимых исследований. По делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, как правило, назначают и производятся медицинская, биологическая, криминалистическая судебные экспертизы, судебная молекулярно-генетическая экспертиза, а также комплексные психолого-психиатрическая, сексолого-психиатрическая экспертизы.

Ключевые слова: сексуальное насилие, индивидуально-психологические особенности, потерпевший, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза, судебно-психиатрическая экспертиза, половые преступления, психотравмирующий фактор.

P.V. Elfimov, PhD. (Doctor of Medicine), honored doctor of the Russian Federation

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: elfimovpv@mail.ru;

O.P. Vinogradova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: olga10vin@mail.ru

THE INFORMATIONAL VALUE OF FORENSIC PSYCHIATRIC AND FORENSIC PSYCHOLOGICAL EXAMINATIONS IN THE INVESTIGATION OF SEXUAL OFFENSES AGAINST MINORS

Child protection should be one of the dominant tasks of any civilized and self-respecting state. Over the past few years, science has advanced rapidly: advanced technologies and opportunities, as well as qualified specialists can give answers to almost all the questions posed to them, with the advancement and development of the genetics science, it is not difficult to conduct a genetic study today, which in the investigation of criminal cases against sexual integrity in most cases has an important evidence-based character, the results of which often determine the outcome of a case. Despite the fact that the examination production is quite a financially costly undertaking, today it is impossible to run into a criminal case instituted on the fact of committing sexual violence against a child, where the full range of necessary studies is not carried out. In cases of crimes against the sexual integrity of minors, as a rule, medical, biological, and criminalistic examinations, forensic molecular-genetic examinations, as well as comprehensive psychological, psychiatric, and sexo-psychiatric examinations are assigned and performed.

Key words: sexual violence, individual psychological characteristics, victim, comprehensive forensic psychological and psychiatric examination, forensic psychiatric examination, sex crimes, traumatic factor.

Наиболее остро во всем мире в последние годы стоит проблема сексуального насилия над детьми. Несмотря на то что законодатель постоянно повышает меру наказания за совершения насильственных половых преступлений в отношении несовершеннолетних, приравнивая их к особо тяжким преступлениям, реальные превентивные и профилактические меры предупреждения преступлений данной категории не находят своего применения, что подтверждают растущие с каждым годом вверх печальные данные статистики. Сексуальное насилие в отношении детей признается особой формой жестокого обращения и образует самостоятельную проблему. Данные судебной и следственной практики не отображают реального положения вещей, потому как по своей природе такого рода преступления являются высоколатентными, что подтверждают случаи, когда о фактах сексуального насилия, происходившего с лицом в детстве, становится известно только десятки лет спустя, или же случаи, когда ребенок подвергался сексуальному насилию неоднократно на протяжении длительного времени, прежде чем об этом становится известно. Кроме того, трудно даже предположить, сколько таких преступных событий вообще остаются скрытыми от правоохранительных органов.

К сожалению, желание скрыть такие преступления возникают не только в связи с тем, что они носят чрезвычайно интимный характер и дети в силу естественной стыдливости не сообщают о том, что подверглись сексуальному насилию, но и с тем, что все чаще «наильником» становится близкий ребенку человек – родитель (в т.ч. отчим, мачеха), родственник, опекун. В таких случаях семьей ребенка часто движет не здравый смысл, а страх разрушения семьи, огласки, общественного порицания. Из множества ставших известными фактов сексуального насилия над детьми в случаях, когда данные преступления совершаются кем-то из близких ребенку лиц (как правило, отцом, отчимом, сожителем матери, бабушкой или старшим братом), мать или бабушка ребенка знают или догадываются о том, что произошло или продолжает происходить, но «закрывает на это глаза», ссылаясь на вышеуказанные причины, тем самым потворствуя повторному совершению аналогичного или более тяжкого преступления в отношении своего ребенка. Что также отличает сексуальное насилие в семье, так это его длящийся характер – ребенок становится объектом удовлетворения половой страсти родственника на протяжении нескольких недель, месяцев и даже лет. При этом, находясь в зависимом от родителей положении, ребенок, наблюдая отсутствие их реакции на пресечение или предотвращение совершенного в отношении него преступления, не только не может защитить себя сам, но и в некоторых случаях в силу своего возраста и интеллектуальных

возможностей начинает воспринимать происходящее с ним как должное.

Преступления, совершаемые против половой неприкосновенности несовершеннолетних, относят к категории наиболее опасных и трудно раскрываемых. Опасность таких преступлений обусловлена тем, что, совершая их, насильник не только нарушает право ребенка на личную и половую неприкосновенность, но и причиняет тем самым неизгладимый вред неокрепшей психике малолетнего. Совершая половое насилие, преступник подавляет волю ребенка, который, будучи беззащитным перед взрослым, не может оказать ему сопротивления. Трудность в раскрытии же обусловлена тем, что преступник, задумавший совершить сексуальное насилие над ребенком, как правило, осторожен, он планирует предстоящее событие, тщательно к нему готовится, из-за чего свидетели совершенного преступления часто отсутствуют. Осложняется процесс расследования и ввиду возможных родственных связей или близких отношений между преступником и жертвой.

Чаще всего в отношении несовершеннолетних потерпевших проводятся комплексные психолого-психиатрические и психолого-сексолого-психиатрические экспертизы. Судебно-психиатрическая и судебно-психологическая экспертизы разграничиваются по объекту исследования, при этом определение этих объектов напрямую исходит из соответствующих наук. Так, судебно-психиатрическая экспертиза диагностирует и исследует нарушения психических процессов, а судебно-психологическая – в свою очередь, психические проявления человека, не выходящие за пределы нормы. Условно говоря, разграничивать предметы указанных экспертиз следует по границе «норма – патология» [12, с. 166]. Целями таких экспертиз являются оценка психических расстройств, а также выявление и характеристика личностных, возрастных и индивидуально-психологических особенностей потерпевшего, определение уровня психосексуального развития, степени сформированности базовых психологических структур, а также выявление комплексного влияния этих факторов на формирование у совершеннолетнего той или иной психической составляющей, имеющей значение для квалификации преступного деяния [3].

Решение о проведении того или иного вида экспертизы принимает субъект доказывания, который уполномочен законом на назначение такой экспертизы. Вопрос о необходимости проведения экспертизы решается лицом, производящим расследование. Обстоятельства, которые должны быть установлены посредством применения специальных познаний экспертов, названы в п. 3 и 4 ст. 196 УПК РФ, а именно: установление физического или психического состояния подозреваемого (обвиняемого), если

есть сомнения в его вменяемости; установление физического или психического состояния потерпевшего, если есть сомнения в его способности правильно оценивать обстоятельства, которые имеют значение для уголовного дела, и давать показания [4, с. 193].

Комплексная судебная психолого-психиатрическая и однородная судебно-психиатрическая экспертиза предполагают медицинское вмешательство (психиатрическое освидетельствование), поэтому их производство регламентируется также Федеральным законом от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [6] и Законом РФ от 02.07.1992 № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [5]. В делах о половых преступлениях, когда потерпевшим или свидетелем выступает ребенок, в большинстве случаев перед экспертами ставятся следующие вопросы: имеется ли у ребенка психическое расстройство; о наличии у ребенка тех или иных индивидуально-психологических особенностей; о наличии способности правильно воспринимать обстоятельства, которые имеют значение для установления обстоятельств дела, и давать показания о них; о наличии у ребенка склонности к фантазированию или повышенной внушаемости.

Значительную долю преступлений сексуального характера в отношении несовершеннолетних составляют те преступления, которые совершены лицами, близкими потерпевшему, хорошо знакомыми ему. В силу этого должны быть поставлены перед экспертом и иные вопросы, направленные на диагностику внутрисемейных отношений, например: по поводу характера отношений ребенка с каждым из его родителей; для выявления психологических особенностей ребенка и каждого из его родителей; для выявления и диагностики внутрисемейного конфликта; для определения степени влияния на ребенка со стороны родителей [8].

По мнению ряда криминалистов, судебно-психиатрические экспертизы не могут установить данные, которые бы указывали на признаки преступления, закрепленные в ч. 2 ст. 140 УПК Российской Федерации. Например, такого мнения придерживается С.Н. Шишков [13]. Из такой позиции следует, что экспертные выводы не могут лежать в основе решения вопросов о возбуждении уголовного дела на соответствующей стадии уголовного процесса. Однако при этом стоит оговориться, что эти выводы состоятельны тогда, когда на решение экспертов ставятся вопросы, которые на этапе последственной проверки не являются решающими для возбуждения уголовного дела. Такими вопросами, например, выступают следующие: имеется ли у подозреваемого психическое расстройство, имело ли место беспомощное состояние потерпевшего, а также о наличии у потер-

певшего способности давать показания. Ответы на эти вопросы не влияют на возбуждение и невозбуждение уголовного дела, т.к. уголовное дело возбуждается вне зависимости от установления вменяемости фигуранта дела. Несомненно, назначение экспертизы до возбуждения уголовного дела позволило бы упростить и ускорить производство по уголовному делу, однако для этого необходимо на законодательном уровне расширить круг вопросов, которые могут быть поставлены перед экспертом.

Внесение изменений и дополнений о возможности назначения и производства судебной экспертизы до возбуждения уголовного дела только в ст. 144 УПК РФ привело к ряду проблем, в наибольшей степени затрагивающих интересы несовершеннолетних. Указание от 01.02.2016 № 67/36 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы» дало ответы на часть из этих вопросов. Как следует из п. 1.3 названного указания, в ходе последственной проверки экспертизы могут проводиться только с согласия испытуемого (его законного представителя), а принудительное направление на экспертизу недопустимо [7].

Согласно российскому законодательству, эксперты не могут в ходе экспертизы устанавливать новые обстоятельства по уголовному делу, т.е. они не вправе заниматься собиранием доказательств. Однако п. 3 ч. 3 ст. 57 УПК РФ эксперту предоставлено процессуальное право участвовать в процессуальных действиях, а также задавать вопросы, которые непосредственно относятся к порученной ему экспертизе. Для реализации такого права экспертом необходимо согласие субъектов расследования или суда в зависимости от стадии уголовного процесса. Фактически механизм реализации такого права эксперта существенно затягивает срок производства по уголовному делу, т.к. для того чтобы получить какую-либо дополнительную информацию, которая, по мнению эксперта, требуется для выдачи наиболее достоверного и полного заключения, ему необходимо вернуть материалы дела субъекту расследования вместе с соответствующим ходатайством, например об участии в допросе того или иного участника уголовного процесса, затем дожидаться проведения этого допроса, поучаствовать в нем, после этого вновь получить материалы уголовного дела и только тогда продолжить проведение экспертизы. Это занимает значительное количество времени, а потому фактически не реализуется на практике, что не может не отражаться на качестве и полноте использования потенциала экспертизы.

В связи с наличием обозначенной проблемы в науке криминалистике существует мнение, что целесообразно было бы наделить экспертов-психологов

и экспертов-криминалистов правом собирать информацию не только об испытуемых, но также и от иных участников. Так, такой позиции придерживаются Е.И. Цымбал и А.П. Дьяченко [11, с. 142.]. С предоставлением такого права одновременно необходимо закрепить и обязанность экспертов по полновесной фиксации полученной информации в материалах исследования, а также в экспертном заключении. Соответственно, за искажение или сокрытие полученных от иных участников уголовного процесса данных для экспертов также следует предусмотреть уголовную ответственность посредством внесения изменений в соответствующую статью УК РФ (ст. 307).

В ходе проведения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы в обязательном порядке исследуется криминальная ситуация. В случае половых преступлений она является мощнейшим психотравмирующим фактором. Расспрашивая потерпевшего о криминальной ситуации, эксперт актуализирует травматические переживания. При этом уголовно-процессуальным законом ему не предоставлено право оказать психологическую помощь потерпевшему. По результатам проведения экспертизы составляет письменное заключение, в котором содержатся ответы на поставленные перед экспертом вопросы. Также эксперт может дополнить заключение иными сведениями, которые были получены им в ходе проведения экспертизы. При этом вся включенная в заключение информация должна входить в область компетенции соответствующего эксперта. При анализе процесса проведения экспертизы и получения результатов по ней необходимо принимать во внимание наличие некоторого субъективного фактора – эмоциональное отношение эксперта к предмету исследования. При анализе некоторых экспертных заключений прослеживается основание выводов эксперта лишь на те выявленные сведения, которые подтверждают гипотезу эксперта. Результатом такого действия может стать допущение экспертной ошибки.

Помимо подозреваемого (обвиняемого), назначение производства психологической или психиатрической судебных экспертиз (либо их комплекса) обязательно согласно той же статье 196 УПК РФ и в отношении малолетнего потерпевшего, если у следствия или суда имеются сомнения относительно его «способности правильно воспринимать обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, и давать показания». Так, на разрешение психиатрической экспертизы ставятся в большей степени вопросы, аналогичные тем, что формулировались по отношению к подозреваемому (обвиняемому), относительно его психического состояния на тот или иной момент и его психического здоровья в целом. Основаниями для назначения данной экспертизы мо-

гут быть как малолетний возраст потерпевшего, так и непоследовательность или противоречивость его показаний. Например, уголовное дело, возбужденное в отношении Д., 1958 года рождения, который совершал преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних В. и С. Следователем также были назначены комиссионные судебные психолого-психиатрические экспертизы несовершеннолетних потерпевших, в заключение которых комиссия экспертов пришла к выводу о том, что в исследуемой юридической ситуации как у В., так и у С. не выявлено признаков помрачения сознания, они давали показания об исследуемых событиях в ходе следствия, однако в силу естественных возрастных особенностей, отсутствия сексуального жизненного опыта и общей осведомленности в сфере нарушения прав и соответствующих социальных норм не могли понимать характер и значение совершаемых в отношении них действий, поэтому не могли оказывать сопротивление и могли правильно воспринимать лишь внешнюю сторону обстоятельств, имеющих значение для дела, и давать о ней показания. Также в обоих случаях экспертами было рекомендовано ограничить участие потерпевших в следственном процессе и судебных заседаниях в связи с высокой вероятностью их психотравматизации [2]. Помимо вышеуказанных видов экспертных исследований, следователем могут быть назначены и другие судебные экспертизы, например трасологическая, компьютерно-техническая, видеотехническая, культурологическая и пр.

Таким образом, сложно переоценить значение судебной экспертизы и ее влияние на ход расследования. Тем не менее для получения наиболее точного результата их назначение должно быть своевременным, целесообразным и грамотным. Главной составляющей любой формы взаимодействия является взаимный обмен информацией, находящейся в распоряжении следствия, органа дознания и экспертных учреждений, без чего во многом может быть утрачена эффективность производства ряда следственных действий и оперативно-разыскных мероприятий. Следователю, возглавляющему следственно-оперативную группу, важно грамотно, четко и последовательно координировать действия ее участников и держать руку на пульсе событий, ведь порой нехватка опыта и знаний у следователя в раскрытии и расследовании уголовных дел о насильственных половых преступлениях, совершаемых в отношении несовершеннолетних, приводит к совершению тактических ошибок, что затрудняет и затягивает процесс расследования. Кроме того, согласно ст. 302 УПК РФ не допускается вынесение обвинительного приговора, основанного на предположениях, однако законодатель упускает из внимания аналогию вероятности и предположения. Так, в ранее упомянутом Постанов-

лении Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной экспертизе по уголовным делам» отсутствует указание на недопустимость вероятного заключения эксперта, хотя такое ограничение способствовало бы получению наиболее объективных результатов экспертизы. В данном постановлении не определяется доказательственное значение экспертного заключения, также в нем содержится рекомендация для судов не устанавливать заранее силу экспертного заключения [9, с. 56-59]. Для исключения вероятных выводов эксперта следует призывать их формулировать категорические выводы, которые по своей природе обладают более высокой степенью достоверности. Также в качестве эффективного инструмента выявления экспертных ошибок можно выделить состязательность сторон как принцип, реализуемый в судебном процессе на стадии исследования заключения эксперта как одного из доказательств по уголовному делу. Хотя и в настоящее время участники процесса вправе задавать вопросы эксперту, однако выявление недостоверности выводов в этом случае невелика, т.к. вопросы задают лица, не обладающие специальными познаниями. Эта ситуация может иметь следующее решение: на законодательном уровне предоставить право сторонам защиты и обвинения привлекать специалистов в соответствующей области знаний, которые бы, в свою очередь, имели возможность допросить эксперта в судебном

заседании. Такая позиция неоднократно высказывалась Е.И. Цымбал [10, с. 81-84]. Аналогичной точки зрения придерживается Н.Н. Апостолова [1, с. 24-28].

Таким образом, при расследовании половых преступлений против несовершеннолетних потерпевших следует проводить комплексные психолого-психиатрические и комплексные психолого-сексолого-психиатрические экспертизы. Целями таких экспертиз является оценка психических расстройств, а также выявление и характеристика личностных, возрастных и индивидуально-психологических особенностей потерпевшего, определение уровня психосексуального развития, степень сформированности базовых психологических структур, а также выявление комплексного влияния этих факторов на формирование у совершеннолетнего той или иной психической составляющей, имеющей значение для квалификации преступного деяния. Назначение судебно-медицинской экспертизы обязательно для установления возраста несовершеннолетнего участника уголовного судопроизводства, когда это имеет значение для уголовного дела, а документы, подтверждающие его возраст, отсутствуют или вызывают сомнение. Наиболее целесообразным представляется проведение именно комплексной экспертизы, т.к. результаты судебно-психологической экспертизы не всегда дают ответы на все вопросы, подлежащие разрешению.

Литература

1. Апостолова Н.Н. Специальные знания в современном судопроизводстве // Мировой судья. 2014. № 10.
2. Архив следственного отдела по г. Сысерть СУ СК РФ по Свердловской области. Д. № 150833152 2015 г.
3. Бадмаева В.Д. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних потерпевших и свидетелей: методические рекомендации. М.: ФГУ ГНЦССП им. В.П. Сербского Минздравсоцразвития России, 2011. 28 с.
4. Махова И.В. К вопросу об использовании результатов судебных психиатрических и психолого-психиатрических экспертиз при расследовании половых преступлений против несовершеннолетних // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 7. 193 с.
5. О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании: Закон РФ от 02.07.1992 № 3185-1. URL: <http://www.pravo.gov.ru>.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
7. Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований законов при назначении и производстве судебно-психиатрической экспертизы: указание от 01.02.2016 № 67/36 // Законность. 2016. № 4.
8. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 23.12.2015) // Солидарность. 2016. № 3.
9. Овсянников И.В. К вопросу о вероятном заключении эксперта // Российская юстиция. 2014. № 11.
10. Цымбал Е.И. Правовые основания и организационные формы использования специальных знаний в процессе судопроизводства // Российский психиатрический журнал. 2006. № 2.
11. Цымбал Е.И., Дьяченко А.П. Психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях // Lex Russica. 2017. № 8.
12. Шиханцев Г.Г. Юридическая психология. М., 2006. 194 с.
13. Шишков С.Н. Возможно ли производство судебно-психиатрической экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела? // Законность. 2013. № 10.

УДК 343.98

Р.Р. Карданов, канд. юрид. наук

Краснодарский университет МВД России

E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru;

А.А. Курин, канд. техн. наук, доцент

Волгоградская академия МВД России

ОПТИМИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННО-СПРАВОЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАСКРЫТИЯ И РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье кратко обозначены проблемные вопросы интеграции информационных ресурсов для совместного использования учетов органов внутренних дел, других правоохранительных органов и международных полицейских организаций, работа которых возможна при условии согласованности логической, аппаратно-технической и организационной основы функционирования системы криминалистической регистрации через использование возможностей системы телекоммуникаций и аппарата информационно-аналитической обработки учетно-регистрационных данных. Также рассмотрены основные возможности и тенденции развития информационно-аналитических систем, применяемых в деятельности правоохранительных органов. Предлагается создание единой информационно-телекоммуникационной системы криминалистической регистрации как структурного элемента единой телекоммуникационной системы правоохранительных органов. Рассмотрены особенности и принципы совершенствования системы криминалистической регистрации.

Ключевые слова: преступление, раскрытие, криминалистика, информация, оптимизация, ресурс, криминалистическая регистрация, телекоммуникации, массив.

R.R. Kardanov, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: ruslan-nalchik@yandex.ru;

A.A. Kurin, PhD. (Candidate of Technical Sciences), assistant-professor

Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia

OPTIMIZATION OF INFORMATION AND HELP SUPPORT OF SOLUTION AND INVESTIGATION OF CRIMES

The article briefly outlines the problematic issues of information resources integration for the joint use of registration by the internal affairs bodies, other law enforcement agencies and international police organizations, whose work is possible under the condition of consistency of the logical, hardware and organizational basis of the forensic registration system functioning by means of the use of the telecommunications system capabilities and the apparatus of information and analytical processing of accounting and registration data. The paper also considers main opportunities and trends in the development of information and analytical systems used in the activities of law enforcement agencies. The authors suggest creating a unified information and telecommunication system of forensic registration as a structural element of the unified telecommunication system of law enforcement agencies. The article describes the features and principles of the forensic registration system improvement.

Key words: crime, solution, criminalistics, information, optimization, resource, forensic registration, telecommunications, array.

Анализ потребностей органов внутренних дел с учетом уровня современного состояния учения о криминалистической регистрации позволил выявить несоответствие в возможностях аналитической обработки информационных массивов централизованных и экспертно-криминалистических учетов органов внутренних дел. Результаты историко-правового анализа свидетельствуют об эволюционном характере процессов интеграции информационных ресурсов, составляющих основу криминалистической регистрации [1, с. 126-135]. Интеграция информационных ресурсов создает условия для совместного использования учетов органов внутренних дел, других правоохранительных органов и международных полицейских организаций. Решение данной задачи возможно при условии согласованности логической, аппаратно-технической и организационной основы функционирования системы криминалистической регистрации через использование возможностей системы телекоммуникаций и аппарата информационно-аналитической обработки учетно-регистрационных данных [2, с. 246-248]. Для реализации указанных направлений необходимо выполнение совокупности условий, оказывающих влияние на эффективность информационного обеспечения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений:

- регулярное формирование и ведение информационных массивов системы криминалистической регистрации;
- максимальное заполнение информационных массивов;
- актуальность отдельных видов учетов, статистические показатели учета изымаемых и поступающих на исследование объектов позволяют систематически корректировать перечень видов учетов и проводить их обоснованное расширение, упразднение нефункциональных массивов вплоть до использования массивов на межведомственном уровне независимо от целей и субъектов их создания и ведения.

Методологическую основу повышения результативности использования информационных ресурсов составляет метод системно-структурного и функционального анализа криминалистической регистрации через выявление неустойчиво функционирующих внутренних и внешних связей. Под внутренними связями мы понимаем внутреннюю организацию системы криминалистических учетов, внутренние логические связи между отдельными учетными единицами, имеющими отношение к одному событию преступления, субъекту совершения преступления или другим фигурантам, а также к объекту преступного посягательства. Внешние связи обеспечивают информационное взаимодействие между субъектами расследования, которые могут выступать в роли источников или потребителей информации.

Информационное взаимодействие в условиях раскрытия и расследования преступлений основано на функционировании систем накопления, обработки, рационального распределения и использования криминалистически значимой информации. Используемые сегодня системы телекоммуникации создали условия для качественно нового решения задач оперативно-служебной деятельности. Сервисы ИСОД МВД России рассчитаны на пользователей, имеющих различные служебные задачи. Реализация стратегии интеграции информационных ресурсов, телекоммуникационных каналов связи и систем централизованной обработки данных в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений создала условия для дальнейшей интеграции информации в глобальные массивы.

Однако отсутствие функциональной мобильной платформы не позволяет в полной мере получать информацию независимо от местонахождения пользователя. Элементарная проверка документов или установление личности гражданина занимают довольно много времени. Поэтому перспективность развития информационных систем находится в плоскости разработки мобильных телекоммуникационных систем информационно-справочного обеспечения, сокращающего путь от источника информации до ее потребителя. Интеграционные процессы, которые происходят в информационной системе обработки данных МВД России, способствуют информационному взаимодействию. Информационно-аналитические подразделения осуществляют обработку криминалистически значимой информации и поддерживают ее в актуальном состоянии.

Процесс раскрытия и расследования преступлений основан на использовании информационных структур. В качестве таких структурных элементов следует выделить материальные и информационные потоки.

Материальный поток представлен движением материальных объектов – вещественных доказательств, обнаруженных, изъятых и направленных для проведения криминалистических исследований, проверки и постановки на учет. Информационный поток представлен сведениями из процессуальных (результаты первичного учета, результаты следственных действий, криминалистических экспертиз и исследований) и непроцессуальных (результаты ОРМ, результаты проверки по учетам) источников [3, с. 216-219]. Исходя из системного включения криминалистической регистрации в структуру информационно-справочного обеспечения и сопровождения раскрытия, расследования и предупреждения преступлений, разработана модель представления системы криминалистической регистрации как логистической информационной системы. Нами предложена структура ин-

тегрированных банков данных, функционирующих в условиях использования как криминалистически организованных и систематизированных информационных массивов, так и не систематизированных в криминалистическом аспекте. Основным преимуществом применения телекоммуникаций в организации функционирования учетно-регистрационных систем является «стирание» границ между территориально распределенными ресурсами, а также возможность их интеграции независимо от типа ресурса (документальные, фактографические), от характера обработки информации (автоматизированные или ручные), от степени автоматизации (с автоматизированной или неавтоматизированной регистрацией), от уровней ведения и степени интеграции (локальные, корпоративные, интегрированные, распределенные базы данных), от уровней доступа к информации и от форм ведения учета, от субъекта формирования и ведения информационного ресурса.

При проведении анкетирования сотрудников экспертно-криминалистических подразделений выяснилось, что максимальная комплексность изъятия следов на месте происшествия на сегодняшний день порядка четырех и более следовых групп. Однако около 45% из них составляют осмотры, проведенные без участия специалиста, в результате которых изымаются лишь 1-2 следовые группы, что негативным образом влияет на полноту расследуемого происшествия. При этом создается полный или частичный информационный вакуум, что затрудняет работу органам предварительного следствия практически целиком.

На сегодняшний день применяемая система показателей, оценивающая экспертно-криминалистическое направление деятельности, содержит в себе такие компоненты, как: криминалистическое обеспечение осмотров мест происшествий; эффективность работы по раскрытию преступлений; экспертно-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений [4, с. 138-140; 5, с. 115-116]. Величина коэффициента количества охвата и количество самих учетов, содержащих в себе информацию об одном объекте, будут определяющими для эффективности результата поиска. При этом установление совпадения по одному из указанных учетов уже будет являться положительным результатом.

Касаясь количественного роста признаков объектов, следует отметить, что он имеет как положительные, так и отрицательные факторы. Так, положительным является появление новых видов учета, а к отрицательным следует отнести усложнение работы всей системы.

Указанные направления по своей сущности частные и не носят комплексного системного характера, по причине чего затрудняют решение задачи по оптимизации системы криминалистической регистрации.

Материальные и информационные потоки, циркулирующие в единой системе, составляют основу криминалистической регистрации. Данные потоки являются объектом управления и оптимизации их движения в системе учетно-регистрационной деятельности. Выявленные и изъятые материально фиксированные следы образуют материальный поток.

Из этого видно, что выполнение задач, связанных с оптимизацией, осуществляется на основе двух уровней: локальным (в рамках отдельных учетов) и глобальным (в масштабах функционирования всей системы).

Основываясь на информационную логику, следует отметить, что система криминалистической регистрации увеличивает спектр своих возможностей при выполнении таких задач, как:

1. Информационные задачи.

- регламентированный ввод оперативной форматированной и неформатированной (текстовой) информации;
- корректировка ранее введенной информации;
- выдача справочной информации по запросам различной формы;
- реализация учетно-статистических, арифметических и иных операций, предназначенных для формирования аналитической информации.

Реализация информационно-расчетных функций предназначена для осуществления автоматизированных расчетов, моделирования процессов и ситуаций.

2. Технологические задачи. Обеспечение функционирования всех компонентов логистической информационной системы, настройка и контроль

правильности функционирования системы; развитие логистической системы с целью ее совершенствования и адаптации.

На сегодняшний день информационное обеспечение логистики отличается не характером информации и совокупностью технических средств, а методами и принципами их построения и организации.

Раскрытая выше система показывает, что работы по модернизации системы криминалистической регистрации проходят на обеспечивающем уровне, а выполнению задач функциональной группы не уделяется должного внимания.

Проведенный разбор применения информационных ресурсов системы криминалистической регистрации представил малую результативность на выходе и беспорядочность их применения при расследовании преступлений. В процессе внедрения информационных систем и технологий формируется не комплексная система, а создается «набор отдельных модулей, не взаимодействующих друг с другом» [6, с. 3].

Указанная цитата правильно обрисовывает обстановку, сложившуюся в области учетно-регистрационной деятельности, и всецело координируется с

итогом, полученным в ходе системно-структурного анализа. Очевидно, что необходимо использовать такие механизмы оптимизации работы системы криминалистической регистрации с учетом всех имеющихся резервов: научных, технических, организационных, методических и правовых.

Для решения данного вопроса нужно привлечь информационные ресурсы других правоохранительных органов, органов государственной власти, организаций и учреждений. Использование криминалистически несистематизированной информации осложняется иным назначением информационных систем и разной структурой информационных массивов.

Но плюсами являются расширение направления поиска и последующее представление объемной информации по конкретному объекту регистрации, оказавшемуся в поле зрения. Данные системы не являются составной частью криминалистической регистрации, однако их можно использовать в качестве источников потенциальной криминалистически значимой информации, а поиск будет проводиться с использованием алгоритмов интеллектуальной обработки информации.

Единая информационно-аналитическая система криминалистической регистрации будет работать в качестве технической и ресурсной основы единого информационного пространства.

Литература

1. Курин А.А. Совершенствование системы информационного обеспечения раскрытия и расследования преступлений // АЛЪМАНАХ-2018-1 / под науч. ред. Г.К. Лобачевой. Волгоград, 2018.
2. Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М.: Изд-во «Норма-Инфа.М», 2001.
3. Пахомов С.В. Проблемы новых правовых реалий использования специальных знаний // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: мат-лы XIX международной научно-практ. конф-ции. Иркутск, 2014.
4. Гаужаева В.А., Бураева Л.А., Карданов Р.Р. Сущность и роль криминалистической техники как раздела криминалистики в борьбе с преступностью: история и современность // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 4.
5. Чесноков А.А. К проблеме оценки эффективности борьбы с экстремизмом // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы международной научно-практ. конф-ции: вып. 13. Барнаул: БЮИ МВД России, 2015. Ч. 2.
6. Щербинин М.В. Разработка и исследование принципов и методики построения информационно-телекоммуникационных систем на базе ГИС-технологий: автореф. дис. ... канд. техн. наук. М., 2007.

УДК 343.122

И.В. Мисник, канд. юрид. наук, доцент

Восточно-Сибирский институт МВД России

E-mail: iramis@yandex.ru

ПРОБЛЕМЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ПОТЕРПЕВШЕГО

В статье анализируются вопросы совершенствования процессуального положения потерпевшего на различных стадиях уголовного процесса, отмечается, что, несмотря на изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство, потерпевший по-прежнему остается наиболее слабозащищенным участником уголовно-процессуальных отношений, разрабатываются обоснованные предложения по изменению действующего уголовно-процессуального законодательства. Рассматривается процессуальный статус пострадавшего на стадии возбуждения уголовного дела, при производстве дознания в сокращенной форме. Автором высказаны различные предложения по совершенствованию процессуального статуса потерпевшего, в частности предлагается дополнить УПК РФ статьей 42.1 «Пострадавший». Проанализированы актуальные вопросы, связанные с процессуальным положением потерпевшего в случае отказа государственного обвинителя от обвинения, отражены отдельные аспекты участия потерпевших в суде присяжных. Внесено предложение о создании специализированного фонда возмещения вреда потерпевшим от преступлений.

Ключевые слова: уголовный процесс, потерпевший, защита прав потерпевших, жертва преступления, возмещение вреда, участники уголовного процесса, представитель потерпевшего.

I.V. Misnik, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: iramis@yandex.ru

PROBLEMS OF IMPROVEMENT OF THE VICTIM'S PROCEDURAL STATUS

The article analyzes the issues of improving the procedural status of the victim at various stages of the criminal process, notes that despite the changes made to the criminal procedure legislation, the victim is still the most vulnerable participant in criminal procedural relations. The work suggests reasonable proposals to change the current criminal procedure legislation. The procedural status of the victim at the stage of initiation of criminal proceedings, in the production of inquiry in the reduced form is considered. The author moves various motions to improve the procedural status of the victim, in particular, supplement to the code of criminal procedure with article 42.1 «Victim» is suggested. The article analyses topical issues related to the procedural situation of the victim in case of the public prosecutor's refusal from the charge, reflects some aspects of victims' participation in the jury trial. The motion is moved to establish a specialized fund for victims' indemnification.

Key words: criminal procedure, victim, protection of the victims' rights, indemnification, participants in the criminal process, victim's representative.

Несмотря на изменения, внесенные в уголовно-процессуальное законодательство Федеральным законом от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, потерпевший по-прежнему остается наиболее слабозащищенным участником уголовно-процессуальных отношений. Некоторые положения и вовсе остались за рамками преобразований. В частности, проблема возмещения вреда потерпевшим от преступлений продолжает и сегодня оставаться актуальной и ждет своего логического разрешения. По данным МВД России, в 2014 г. ущерб в результате совершения преступлений (по оконченным и приостановленным уголовным делам) был причинен на сумму 349,34 млрд руб., в 2015 г. – 436,49 млрд руб., в 2016 г. – 397,98 млрд руб., в 2017 г. – 408,5 млрд руб., в 2018 г. – 361,2 млрд руб. [4]. Внесение поправок, наделивших потерпевшего правами, было не системным и не предоставило потерпевшему от преступления необходимых гарантий реализации прав, благодаря которым последний мог как-то повлиять на принятие решения по уголовному делу. Это проявлялось, как отмечает Е.А. Зайцева, «во фрагментарном закреплении прав потерпевшего, что ставило его в явно неравное положение с обвиняемым» [1, с. 35]. В этой связи проблема реализации прав и законных интересов потерпевшего на досудебных и судебных стадиях нуждается в дальнейшей законодательной регламентации.

Вместе с тем вопросы совершенствования процессуального статуса потерпевшего были предметом пристального внимания целого ряда отечественных ученых-процессуалистов. Различным аспектам проблемы посвятили свои работы Д.А. Иванов, С.А. Силенко, Т.И. Ширяева и другие авторы.

Вызывает определенные сложности непоследовательное правовое регулирование процессуального статуса лица, пострадавшего от преступления, во время доследственной проверки. Проверка сообщения о преступлении необходима для установления фактических и юридических оснований начала уголовного судопроизводства, при которой не должны нарушаться права и законные интересы лиц, участвующих в ее производстве. Лицо, пострадавшее от преступления, на этом этапе может выступать в качестве заявителя, а может и в статусе пострадавшего от преступления, например, если заявителем является другое лицо. В части 1.1 ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) закреплено, что лицам, участвующим в производстве процессуальных действий при доследственной проверке сообщения о преступлении, разъясняются их права и обязанности и обеспечивается возможность осуществления этих прав. Данное положение безусловно положительно отражается на укреплении процессуального статуса пострадавших, однако этого недостаточно. Полагаем, что к защите

их прав необходимо подходить комплексно и последовательно, недостаточно разрозненных норм в статьях, посвященных стадии возбуждения уголовного дела. В этой связи логичным было бы введение ст. 42.1 «Пострадавший».

В последнее время в научной среде ведется оживленная дискуссия относительно дифференциации уголовно-процессуальной формы, под которой понимается сосуществование традиционного порядка уголовного судопроизводства наряду с усложненными, а также с упрощенными процедурами. Дифференциация в сторону упрощения дает начало различным видам ускоренного производства, одним из которых является дознание в сокращенной форме. Федеральным законом от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 УК РФ и УПК РФ» был введен институт сокращенного дознания, главным назначением которого являлось ускорение уголовного судопроизводства, однако, как показывает практика, в настоящее время данная форма расследования применяется не так часто. Так, в Иркутской области в 2017 г. дознание в сокращенной форме проводилось по 1181 из 8884 (т.е. 13% от общего числа) уголовных дел. Определенный интерес представляет обеспечение прав потерпевших при производстве сокращенного дознания.

Одним из условий возможности осуществления дознания в упрощенном порядке в соответствии с п. 6 ч. 1 ст. 226.2 УПК РФ является отсутствие возражений потерпевшего против производства дознания в сокращенной форме. Следует отметить, что данное условие вызывает наибольшие споры в юридической литературе. На практике возможна ситуация, когда потерпевший изначально не возражал против производства дознания в сокращенном варианте, а затем спустя какое-то время отказался от него, что может привести, на наш взгляд, к лишним процессуальным действиям и затягиванию процесса расследования. Полагаем, что тотальная зависимость от воли подозреваемого, потерпевшего относительно формы расследования ведет к тому, что в любой момент удаления суда в совещательную комнату возможны отказ от ускоренного производства и возвращение к общему дознанию, вследствие чего эффективность данного института как ускоренного производства резко снижается. В этой связи считаем целесообразным внести изменения в ч. 2 ст. 226.2 УПК РФ «если обстоятельства, предусмотренные частью первой статьи, за исключением п. 6...».

В юридической литературе высказывалось мнение относительно того, что потерпевший должен выразить свое мнение по поводу избрания в отношении обвиняемого меры пресечения в виде заключения под стражу (домашнего ареста), тем самым оказывая влияние на избрание меры пресечения. На наш

взгляд, это излишне, поскольку следователь (дознатель), суд самостоятельно вправе принять такое решение, основываясь на нормах УПК РФ, принимая во внимание основания, а также обстоятельства для избрания меры пресечения.

Некоторые вопросы связаны и с процессуальным положением потерпевшего в случае отказа государственного обвинителя от обвинения. Так, в ч. 7 ст. 246 УПК РФ предусмотрено, что если в ходе судебного разбирательства государственный обвинитель придет к убеждению, что предъявленные доказательства не подтверждают предъявленное обвинение, то он отказывается от него, изложив суду мотивы своего отказа. Полный или частичный отказ государственного обвинителя от обвинения в ходе судебного разбирательства влечет за собой прекращение уголовного дела или уголовного преследования. Суд (судья) выносит определение (постановление) о прекращении уголовного дела (ч. 1 ст. 239 УПК РФ). В этом случае потерпевший, по сути, лишен права на защиту своих прав и законных интересов. При этом он может обратиться в суд с исковым заявлением в рамках гражданского судопроизводства, однако считаем этого недостаточно. В ранее действовавшем УПК РСФСР вопрос об участии потерпевшего находил более верное решение. В ранее действовавшем УПК РСФСР было закреплено, что отказ прокурора от обвинения не освобождает суд от обязанности продолжать разбирательство дела и разрешить на общих основаниях вопрос о виновности или невиновности подсудимого. Из этого следует, что лицо имело возможность участвовать в дальнейшем судебном разбирательстве в суде первой инстанции. Думается, что такой порядок в большей степени защищал права и законные интересы потерпевшего по уголовному делу. Интерес представляет и австрийская субсидиарная модель обвинения, согласно которой субсидиарный обвинитель вступает в процесс в любом случае отказа прокурора от обвинения. Он имеет право ходатайствовать о возбуждении преследования, о производстве отдельных следственных действий, выступать самостоятельно либо с адвокатом и др.

В пункте 8 ч. 2 ст. 42 УПК РФ предусмотрено право потерпевшего иметь представителя. В одном единственном случае расходы на оплату труда адвоката компенсируются за счет средств федерального бюджета – когда представитель (адвокат) привлекается по ходатайству законного представителя несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет, в отношении которого совершено

преступление против половой неприкосновенности [3, с. 37]. Полагаем, что не только этот случай должен быть закреплен в УПК РФ, а перечень должен быть гораздо шире, например обязательное участие представителя потерпевшего может быть предусмотрено, когда он не владеет языком уголовного судопроизводства.

Имеет место дисбаланс процессуального статуса потерпевшего, подсудимого и в суде с участием присяжных заседателей. С 1 июня 2018 г. суды присяжных расширили сферу своего действия и начали рассматривать уголовные дела и на уровне районных судов. В части 8 ст. 335 УПК РФ установлено, что запрещается использовать некоторые сведения о личности подсудимого: факты прежней судимости, признания подсудимого хроническим алкоголиком или наркоманом, а также иные данные, способные вызвать предубеждение присяжных в отношении подсудимого. Аналогичная норма по отношению к потерпевшему отсутствует. Достаточно часто мы слышим, читаем о том, как искусно опытные адвокаты буквально «обливают грязью», очерняют потерпевших в суде в глазах присяжных заседателей, используя при этом факты его прежней судимости и иные данные, отрицательно характеризующие личность пострадавшего. Понятно, почему у них формируется достаточно устойчивое мнение о таком потерпевшем, который сам спровоцировал преступление, является алкоголиком и т.д., ведь не каждый присяжный заседатель понимает, что это всего лишь тактика адвоката, пытающегося любой ценой оправдать действия подсудимого. На наш взгляд, это недопустимо не только с точки зрения принципа состязательности, а из простой житейской морали. Поэтому представляется необходимым закрепить аналогичную норму и по отношению к потерпевшим от преступления.

Рассмотрев отдельные аспекты участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве, следует сделать вывод о том, что необходимо предпринимать последовательные шаги по укреплению процессуального статуса потерпевшего, однако происходить это должно обдуманно, дозированно, без усложнения процессуальной формы с акцентом на возмещение потерпевшему вреда. Совершенствование механизма обеспечения возмещения вреда, причиненного преступлением, должно стать приоритетным направлением для законодателя. Следует обратить внимание на предложение о создании специализированного фонда возмещения вреда потерпевшим от преступлений.

Литература

1. Зайцева Е.А. Трижды потерпевший // Законность. 2015. № 1.

2. Николук В.В., Виноградова В.А., Антонов В.А. Регламентация в УПК РФ порядка производства следственных действий с участием малолетнего и несовершеннолетнего потерпевшего // Вестник Восточно-Сибирского института. 2017. № 3.
3. Овчинников Ю.Г. Обеспечение потерпевшему права на бесплатную юридическую помощь в уголовном судопроизводстве // Адвокатская практика. 2018. № 2.
4. Состояние преступности в России // Официальный сайт МВД России. URL: <https://xn--b1aew.xn--plai/reports/item/12167987/> (дата обращения: 08.02.2019).
5. Участники современного российского уголовного судопроизводства: монография / науч. ред. И.В. Смолькова; отв. ред. Р.В. Мазюк. М.: Юрлитинформ, 2017.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.13

С.А. Бондаренко, канд. пед. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: bondarenko0952@yandex.ru

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СИСТЕМЕ ПУБЛИЧНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматриваются актуальные и значимые для правоприменительной практики вопросы использования гражданско-правовых мер противодействия коррупции в системе публично-правового и частноправового регулирования административно-правовых и социально-экономических отношений в государстве. Автором определены основные направления применения гражданско-правовых мер, противодействующих коррупции, рассмотрены правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации и Верховного Суда Российской Федерации; выявлена недостаточная правовая определенность форм неосновательного обогащения, предложены изменения в отдельные нормы гражданского законодательства, имеющие коррупционную составляющую.

Ключевые слова: противодействие коррупции, запрет дарения, недействительные сделки, государственные закупки, неприкосновенность собственности, обращение в доход Российской Федерации имущества, деловые связи, неосновательное обогащение.

S.A. Bondarenko, PhD. (Candidate of Pedagogic Sciences), assistant-professor

Altai branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation

E-mail: bondarenko0952@yandex.ru

CIVIL-LAW MEASURES TO COUNTER CORRUPTION IN THE SYSTEM OF PUBLIC MANAGEMENT

This article discusses the topical and relevant to the practice of the civil-law measures use to counter corruption in the system of public and private law regulation of administrative law and socio-economic relations in the state. The author defines the main directions of civil-law measures application, fighting corruption, considers the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Supreme Court of the Russian Federation; identifies insufficient legal certainty forms of unjust enrichment, proposes changes in several rules of civil law with corrupt component.

Key words: fighting corruption, gift ban, invalid transactions, public procurement, inviolability of property, forfeiture to the the Russian Federation, business relations, unjust enrichment.

Дефиниция понятия «коррупция», данная в федеральном законе о противодействии коррупции [12], позволяет рассматривать коррупцию как антисоциальное явление в широком и узком значениях. Широкое понимание предполагает любое нарушение должностным лицом вопреки публичным интересам своего служебного положения в целях получения выгоды как для себя, так и для третьих лиц, второе значение непосредственно связано с коррупционной преступностью. В основном акты коррупции относятся к категории преступлений, включая злоупотребление служебным положением, дачу взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп, незаконное участие в предпринимательской деятельности.

Реалии современной жизни показывают, что коррупцией пронизаны такие области экономики, как финансирование, кредитование, лицензирование; государственная или муниципальная собственность; внешнеэкономическая деятельность; распределение бюджетных средств, государственные закупки, осуществление земельной реформы и т.п. Регулирование отношений в указанных областях осуществляется нормами как гражданского, так и публичных отраслей права, поэтому в системе организационно-правовых средств борьбы с коррупцией особое место занимают гражданско-правовые меры, но им недостаточно уделяется внимания в правоприменительной практике. Следует заметить, что Россия пока не примкнула к Конвенции Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 1999 г.) [5].

С точки зрения международного права А.Н. Морозов выделяет два пути приведения российского законодательства в соответствие с требованиями данной Конвенции [6]. В первом случае Российская Федерация вносит коррективы в законодательство в соответствие с требованиями Конвенции после присоединения к ней. Во втором – государство вносит необходимые изменения в национальное законодательство до присоединения к Конвенции.

Но при всем при этом в настоящее время есть возможность использовать гражданско-правовые меры, противодействующие коррупции, как минимум в двух основных направлениях. Остановимся на аргументации предложенной позиции.

В рамках первого направления можно применять имеющиеся гражданско-правовые меры, в частности ст. 169 ГК РФ и подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ; институты неосновательного обогащения и возмещения вреда, причиненного коррупционными действиями.

Анализ института недействительных сделок показывает, что в ГК РФ отсутствуют нормы, прямо признающие недействительность сделок, совершенных под влиянием коррупции. Вместе с тем, как от-

мечается в п. 9 Пленума Верховного Суда РФ по делам о коррупционных преступлениях [9], предметом коммерческого подкупа или взятки могут быть деньги, ценные бумаги, иное имущество, незаконное предоставление имущественных прав. Для уточнения следует заметить, что с учетом изменений в ст. 128 ГК РФ в данном случае это могут быть наличные деньги и документарные ценные бумаги. Безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги относятся к имущественным правам. К незаконному оказанию услуг имущественного характера Верховный Суд в расширительном толковании относит предоставление должностному лицу в качестве взятки любых имущественных выгод, например предоставление кредита с заниженной процентной ставкой за пользование капиталом, безвозмездно либо по заниженной стоимости предоставление туристических путевок, ремонт квартиры, строительство дачи, передача имущества, в частности автотранспорта, для его временного использования, прощение долга или исполнение обязательств перед другими лицами [9]. С позиции гражданского права совершение любого из указанных волевых действий является сделками.

По мнению И.Е. Кабановой, суды признают, что получение взятки является преступлением, а не сделкой в смысле ст. 153 ГК РФ. «Позиции судов, – как далее отмечает она, – основываются на том, что если сделка сама по себе образует состав преступления (проступка) либо правонарушение, связанное с совершением такой сделки, то в рамках рассмотрения дела подлежат применению санкции, установленные уголовным или административным законодательством, а не последствия недействительности сделки, предусмотренные ст. 169 ГК РФ» [4].

На наш взгляд, в действующем гражданском законодательстве суду предоставлена свобода усмотрения по своей инициативе применять последствия ничтожной сделки, если это необходимо для защиты публичных интересов (п. 4 ст. 166 ГК), в т.ч. нарушенных в результате коррупционного поведения должностных лиц. Это актуально прежде всего в том случае, когда коррупционное поведение не образует состава уголовного преступления или когда уголовный закон не предусматривает возможности конфискации имущества за совершенное преступление в качестве меры уголовно-правового характера. Применение статей 166 и 169 ГК РФ представляется возможным с учетом конкретных условий совершения сделки и ее правовых и экономических последствий.

Но сам акт коррупционного поведения (в т.ч. совершаемая сделка) не только должен непосредственно нарушать закон или иной правовой акт, но и иметь антисоциальную цель, которая заведомо противна

основам правопорядка или нравственности. Эта позиция Верховного Суда РФ нашла отражение в п. 85 известного постановления Пленума от 23.06.2015 № 25 [11]. Для применения статьи 169 ГК РФ важное значение имеет как определение в суде цели сделки, так и желаемое установление, изменение или прекращение прав и обязанностей сторон, которые заведомо противоречили бы основам правопорядка или нравственности, а также хотя бы одна из сторон сделки должна действовать умышленно. В рамках рассматриваемой темы к этому можно отнести незаконные действия физических лиц, направленные на использование своего должностного положения вопреки задачам государственной службы, законным интересам общества в целях получения выгоды для себя или третьих лиц.

Другой гражданско-правовой мерой преодоления коррупции можно назвать возмещение вреда, причиненного коррупционным правонарушением [5]. Например, причинение вреда коррупционным поведением становится возможным в сфере заключения государственных контрактов на поставку товаров, выполнения работ и оказания услуг для государственных и муниципальных нужд. Заказчиком в данных правоотношениях выступает публичное образование, реализующее свои функции через должностных лиц. При организации и проведении конкурса с коррупционными нарушениями участниками государственного контракта становятся другие субъекты предпринимательской деятельности. А потенциальная сторона государственного контракта лишается права на его заключение и не получает определенную прибыль. Она может требовать возмещения убытков, в т.ч. понесенных расходов, связанных с участием в торгах. В данной ситуации применяется ст. 15 ГК РФ в системе с нормами главы 59 ГК РФ. Однако на компенсацию морального вреда участники конкурса не могут рассчитывать, поскольку нарушены их имущественные права, а применение такого способа защиты их деловой репутации ст. 152 ГК РФ исключает. В этом усматривается несоответствие норм национального законодательства ст. 3 международной Конвенции.

Действенной гражданско-правовой мерой противодействия коррупции должно стать признание полученного по коррупционной сделке неосновательным обогащением, что необходимо закрепить в главе 60 ГК РФ. Можно предположить, что в части второй ГК РФ не установлены специальные последствия неосновательного обогащения в связи с коррупционным поведением, поскольку она была введена в действие до принятия специального закона о противодействии коррупции [12].

По мнению В.А. Белова, налицо недостаточная нормативная определенность в вопросах о том,

что такое обогащение и его формы (приобретение и сбережение) дают основание к заключению, что это понятие охватывает весьма широкий круг фактических ситуаций [1]. Можно предположить, что законодатель, допуская это, в ст. 1103 ГК РФ указал на соотношение требований о возврате неосновательного обогащения с другими требованиями о защите гражданских прав. Следовательно, применение норм главы 60 ГК РФ возможно к иным внешне сходным ситуациям, которые регулируются специальными законами, в нашем случае законом о противодействии коррупции, а именно о возмещении вреда.

Системное и буквальное толкование понятия «коррупция», данного в федеральном законе, и понятия «неосновательное обогащение» по ГК РФ позволяет сделать вывод, что не все имущественные выгоды, полученные в результате коррупционного поведения, признаются неосновательным обогащением. Конституционный Суд Российской Федерации указал, что Россия как правовое демократическое государство призвана принимать «все необходимые правовые меры для противодействия коррупционному поведению, включая направленные на предупреждение незаконного обогащения лиц, осуществляющих публичные функции» [13]. Надо полагать, что Конституционный Суд в данном случае допускает и предполагает применение и гражданско-правовых мер в борьбе с коррупцией.

Следующая гражданско-правовая мера борьбы с коррупцией закреплена в подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ. Принудительное прекращение по решению суда права собственности на имущество государственного (муниципального) служащего путем обращения в доход государства, если нет доказательств приобретения его на законные источники, является исключением из принципа неприкосновенности собственности. Эта гражданско-правовая мера является достаточно эффективной и имеет реальное применение по заявлениям органов прокуратуры [7].

Приобретение государственным (муниципальным) служащим и членами его семьи имущества, превышающего по стоимости его доходы за предшествующие три года, с позиции законодателя является коррупционным признаком его деятельности, и изъятие этого имущества выступает справедливым действием [10, 13].

Конституционный Суд РФ достаточно определенно указал на то, что «при таких обстоятельствах законная возможность изъятия имущества, приобретенного на незаконные доходы, выступает предупредительной мерой, поскольку государственный (муниципальный) служащий должен осознавать бессмысленность приобретения имущества на незаконные доходы и, соответственно, бесперспективность коррупционного поведения» [14].

Европейский Суд по правам человека также признает изъятие имущества, имеющего незаконное происхождение, «правомерным вмешательством государства в осуществление прав, поскольку в этом случае преследуется законная цель – борьба с коррупцией в системе государственной службы» [14, 15]. Эти меры признаются Европейским Судом по правам человека «оправданными даже при отсутствии обвинительного приговора и могут быть применены не только против государственных служащих, но и против их близких родственников, которые предположительно владеют и управляют приобретенным нечестным путем имуществом неофициально или иным образом без необходимой добросовестности» [15].

Для реализации второго направления по применению гражданско-правовых мер противодействия коррупции необходимо внести изменения в отдельные нормы гражданского законодательства, имеющие коррупционную составляющую.

Во-первых, в ст. 575 ГК РФ, которая не запрещает дарение государственным и муниципальным должностным лицам так называемых обычных подарков, стоимость которых не превышает трех тысяч рублей. Данная норма может провоцировать коррупционное поведение. Предлагаем в ст. 575 ГК РФ установить полный запрет на совершение дарения лицу, исполняющему публичные функции в связи с официальными мероприятиями, и оставление подарка в собственности независимо от его цены. Новая редакция пункта 2 ст. 575 ГК внесла определенную ясность относительно правовых последствий «протокольных» подарков на сумму, превышающую три тысячи рублей, которые переходят в собственность публичного образования.

Во-вторых, ст. 1042 ГК РФ, закрепляющая диспозитивный подход к выбору объекта вклада участника простого товарищества, допускает внесение в качестве вклада в общее дело для осуществления предпринимательской деятельности деловых связей, что вызывает определенные сомнения относительно отсутствия или наличия в ней коррупционного фактора. Таким образом, законодатель признал деловые связи в качестве нематериального объекта гражданского права, который имеет стоимостную оценку с позиции пользы для товарищества. Понятие «деловые связи» легально не закреплено в ГК РФ. Общепринято считать, что деловые связи – это межличностные отношения, которые складываются в различных сферах жизнедеятельности граждан, включая не только предпринимательскую деятельность, но и связи с государственными органами или органами местного самоуправления, от имени которых вступают в отношения должностные лица.

Для сравнения следует обратить внимание на то, что ст. 66.1 ГК не предусматривает в качестве вклада в имущество хозяйственного товарищества или об-

щества ни деловую репутацию, ни деловые связи, ни профессиональные знания, умения и навыки, т.е. перечень того, что может быть внесено в качестве вклада в имущество юридического лица значительно уже, чем в простое товарищество. Конечно, предполагается, что каждый участник простого товарищества обязан лично участвовать в его деятельности и деловые связи будут использоваться непосредственно самим товарищем, внесшим их в общее дело, но это не исключает возможности совершения коррупционного акта, поскольку до сих пор не выявлено, чем обусловлено существование коррупции. В настоящее время можно прочитать объявления в СМИ и интернете: «Требуются работники со связями в регионе». Поскольку должностные лица могут распоряжаться не принадлежащими им ресурсами путем принятия или непринятия тех или иных решений, то отношения связанности с ними в конечном счете могут проявиться в актах коррупционного поведения.

В-третьих, предлагаем дополнить ст. 23 федерального закона о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [8] еще одним основанием для отказа регистрирующего органа в государственной регистрации юридического лица, которое может служить мерой противодействия коррупции. Запретить регистрацию юридического лица в случае, если в качестве лица, имеющего право действовать без доверенности от имени юридического лица, является государственный (муниципальный) служащий, освобожденный от занимаемой должности в результате совершенного им акта коррупционного поведения. В законе о государственной гражданской службе необходимо определить срок, в течение которого этот государственный (муниципальный) служащий не может быть единоличным исполнительным органом юридического лица и действовать без доверенности от его имени. В действующей редакции закона о государственной регистрации юридических лиц в ст. 23 предусмотрено подобное основание для отказа в государственной регистрации только относительно лица, привлеченного к административной ответственности в виде дисквалификации на определенный срок, который не истек. В действующем административном и уголовном законодательстве не предусмотрена в качестве меры наказания за коррупционные действия дисквалификация должностного лица.

Следует согласиться с А.Е. Чечетиным, что «к лицам, совершающим коррупционные преступления, недостаточно применяются дополнительные наказания в виде лишения права занимать должности, лишения званий, классов чин и государственных наград» [16]. На наш взгляд, возможность применения подобных дополнительных неблагоприятных последствий следовало бы распространить на все преступления

коррупционной направленности. У государственных и муниципальных служащих, совершивших коррупционные правонарушения, следует не только аннулировать заслуги, которые они имели в прошлом, но и лишать определенных прав на будущее время, например занимать руководящие должности в органах юридического лица по аналогии с дисквалификацией.

Таким образом, особенности публичной службы определяют специальный правовой статус госу-

дарственных (муниципальных) служащих, который имеет междисциплинарный характер правового регулирования как нормами частного, так и публичного права. Гражданско-правовые меры противодействия коррупции включают: определенные ограничения и запреты; возложение на должностных лиц имущественных обязанностей по возмещению вреда; возврат неосновательного обогащения; претерпевание других неблагоприятных последствий.

Литература

1. Белов В.А. Гражданское право. Т. II. Общая часть. Лица, блага, факты: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2016.
2. Гайнов И.Д. Контроль за расходами отдельных должностных лиц: проблемы правоприменения // Алтайский юридический вестник. 2019. № 1 (25). С. 133-138.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (четыре части) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Кабанова И.Е. Гражданско-правовая ответственность публичных субъектов: вопросы теории и практики: монография / отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2018. 158 с.
5. Конвенция Совета Европы о гражданско-правовой ответственности за коррупцию (г. Страсбург, 1999 г.). URL: <http://www.coe.int/tu/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/174> (дата обращения: 31.01.2018).
6. Морозов А.Н. Международно-правовые и внутригосударственные аспекты присоединения России к Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Обзор судебной практики по делам по заявлениям прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2017) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей [Электронный ресурс]: федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9 (сентябрь).
10. О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам [Электронный ресурс]: федеральный закон от 03.12.2012 № 230-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25.
12. О противодействии коррупции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы КонсультантПлюс».
13. По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 16 и ч. 1 ст. 17 федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с жалобой гражданина Г.П. Кристова: постановление Конституционного Суда РФ от 9 января 2019 г. № 1-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 3. Ст. 278.
14. По делу о проверке конституционности подпункта 8 пункта 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29.11.2016 № 26-П // Собрание законодательства РФ. 2016. № 50. Ст. 7169.
15. Постановление Европейского Суда по правам человека от 12.05.2015 по делу «Гогитидзе и другие (Gogitidze and Others) против Грузии» (жалоба № 36862/05) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией // Алтайский юридический вестник. 2016. № 2 (14). С. 114-118.

УДК 82:347

И.Г. Бублик, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: bublik.ivan@mail.ru

ТВОРЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ИСТОЧНИКАХ ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ: ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье предпринята попытка определить творческий характер произведений литературы с привлечением литературоведческого и биографического материала. На основе синтеза гражданско-правовых и филологических источников определяются такие атрибуты произведения литературы, как «индивидуальность», «новизна», «оригинальность» и ряд других.

Творческий характер литературного произведения рассматривается в том числе через призму используемых автором выразительных средств, его уникального языка, делающего узнаваемыми и самого литератора, и его произведения. В качестве одной из прикладных проблем в статье обозначена проблема проводимых в исследуемой сфере экспертиз, когда круг обозначаемых перед экспертом вопросов находится главным образом в сфере филологии, а у юриста для ответа на них отсутствует квалификация.

Ключевые слова: произведения литературы, творческий характер произведения, новизна, оригинальность.

I.G. Bublik, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Barnaul law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: bublik.ivan@mail.ru

CREATIVE CHARACTER OF WORK IN SOURCES ON THE HISTORY OF LITERATURE: EXPERIENCE OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

The article attempts to determine the creative nature of literary works involving literary and biographical material. Based on the synthesis of civil law and philological sources, such attributes of a literary work as «novelty», «originality» and a number of others are determined.

The creative nature of a literary work is considered, inter alia, through the prism of expressive means used by the author, his unique language, which makes recognizable both the writer himself and his work. As one of the applied problems, the article outlines the problem of examinations carried out in the field under study, when the circle of questions addressed to the expert is mainly in the field of philology, and the lawyer does not have the qualifications to answer them.

Key words: works of literature, creative nature of the work, novelty, originality.

«...и лицо, очищенное и облагороженное общением с красотой и знанием, просияло внутренним светом».

Дж. Лондон «Мартин Иден»

«Не читайте рукописи жене, читайте только очень близким людям».

М. Замятин

Хорошо известная формула статьи 1257 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК, ГК РФ) о том, что автор произведения литературы – это гражданин, творческим трудом которого оно создано, является одной из отправных точек для всех последующих рассуждений о правовом режиме объектов авторских прав.

Источником исследовательского интереса в данной сфере является то обстоятельство, что понятие творчества и творческого труда, с одной стороны, имеет принципиальное юридическое значение для демаркации объектов авторских прав от не относящихся к таковым результатам «не творческой» деятельности, а с другой стороны, не только не определено в законодательстве, но и, как показывает проведенный анализ, вообще не подчиняется каким-либо закономерностям. «Создание песни – процесс необъяснимый», – слова, которыми Никита Богословский ответил на вопрос об источнике своих творческих побед [3]. Похожим образом высказывался и Л.В. Бетховен: «Вы спросите меня, откуда я беру свои темы? Этого я не взялся бы сказать с определенностью. Они приходят незванными, опосредованно или прямо, так что я мог бы хватать их руками; на вольной природе, в лесу, на прогулке, в тишине ночи, рано утром, вдохновленные настроениями, пока, наконец, не встанут передо мной в виде нот» [10, с. 138].

В истории литературы особое место занимает вопрос «диктовки», когда авторы фактически не отрицают собственную непричастность к созданию опубликованных под их именем произведений. Это позволяет посмотреть на источник творческого характера произведения под иным углом. Так, Р.И. Хлодовский пишет о стихотворении Анны Ахматовой «Муза»:

И вот вошла. Откинув покрывало,
Внимательно взглянула на меня.
Ей говорю: «Ты ль Данту диктовала
Страницы Ада?» Отвечает «Я».

Тут очень значительно слово «диктовала». Ахматова считала, что подлинные стихи не сочиняются, а всегда пишутся под диктовку кого-то, кто незримо стоит за спиной поэта. Сохранилась характерная ахматовская запись: «Х. спросил меня, трудно или легко писать стихи. Я ответила: их или кто-то диктует, и

тогда совсем легко, а когда не диктует – просто невозможно» [11, с. 281].

В.С. Высоцкий вспоминал моменты творческих озарений в одной из своих заграничных поездок: «...мучился со спиной и вывернутой шеей, однако написал кое-что из баллад. Очень меня раздражает незнание языка. Я все время спрашиваю: что? что? И это раздражает окружающих. Мне пишется трудно, и ангел спускается неохотно, и ощущение, что поймал за хвост, не приходит. Но все-таки вымучиваю, и в благодарность за работу мозг начинает шевелиться» [4]. Это «ангел спускается неохотно» – поистине замечательная метафора, альтернативная более технической «диктовке».

В этом же смысле вполне ожидаем ответ Боба Дилана Стиву Джобсу об источнике творческой удаче первого и причинах творческого кризиса: в разговоре «я ужасно нервничал, потому что он всегда был одним из моих кумиров. Он оказался открытым и честным. Он много рассказывал мне о своей жизни, о том, как пишет песни. "Они просто шли через меня, мне не надо было ничего сочинять, – сказал он. – Теперь этого не происходит"» [1].

Совершенно понятно, что творческий труд при создании произведений литературы может быть и другим: кропотливым и мучительным. Именно так К.И. Чуковский работал над «Федориным горем»: «Вдруг раз в месяц выдается блаженный день, когда я легко и почти без помарки пишу пятьдесят строк – звонких, ловких, лаконичных стихов – вполне выражающих мое "жизнечувство", "жизнебиение" – и потом опять становлюсь бездарностью. Потом он вычитал, что с учетом всех черновики и вычеркиваний он писал "Федорино горе" по три строчки в день, причем рабочий день был не менее семи часов» [13, с. 474].

Наконец, Хемингуэй признавался неоднократно, что работал тяжело, медленно и «уставал, словно вол» [20, с. 141].

Среди немногих юридических ориентиров для определения творческого характера произведения следует назвать абз. 2 п. 1 ст. 1228 ГК РФ, где методом от обратного определяется творческий вклад в создание произведения, к которому не может относиться техническое, консультационное, организационное или материальное содействие либо помощь.

Избрание законодателем в качестве критерия «творческого вклада», а также степень его реализации в конкретном произведении позволили в науке гражданского права дифференцировать объекты авторских прав на:

- «традиционные высокотворческие произведения (с высоким уровнем творческого характера)»;
- «произведения с незначительным уровнем творческого характера» [9, с. 83].

Большой интерес для исследования, безусловно, представляют объекты первой категории. При этом мы, разумеется, помним норму ст. 1258 ГК РФ о том, что охраноспособность произведений науки, литературы, искусства не зависит от их достоинств. Удачной, на наш взгляд, иллюстрацией этому является самооценка, сделанная В.В. Маяковским: «Несмотря на поэтическое улюлюканье, считаю "Нигде кроме как в Моссельпроме" поэзией самой высокой квалификации» [14, с. 58].

Так или иначе еще в дооктябрьский период гражданского правоправедения в качестве одного из признаков произведения отмечалось его *индивидуальное* и неповторимое отражение в объективной действительности [15, с. 108].

О.С. Иоффе называл новизну в качестве одного из атрибутов собственно творческого процесса, «в результате которого появляются *новые* понятия, образы и (или) формы их воплощения, представляющие собой идеальное отражение объективной действительности» [8, с. 5]. Также вполне закономерно качественно *новый*, неповторимый, оригинальный и уникальный результат соотносен Э.П. Гавриловым [5] с понятием творчества.

Профессор А.П. Сергеев, рассуждая о творческом характере произведения, в числе прочих его атрибутов обращается непосредственно к новизне, находящей воплощение в новом содержании, новой форме произведения, новой научной концепции и т.п. [18, с. 110-111]. При этом весьма закономерно, что собственно в литературе и истории литературы мы находим массу свидетельств литераторов и всех к ним примкнувших именно в пользу новизны произведения как его важнейшего атрибута.

По мнению Д. Гранина, «искусство писателя, как и ученого, состоит в том, чтобы увидеть привычное *по-новому, не так, как видели все остальные*» [7, с. 425] (курсив – И.Б.).

Говоря о новизне в литературе, следует вспомнить писательское новаторство в словообразовании, во введении новых слов в литературный язык. З. Гиппиус в воспоминаниях пишет: «Полонский охотно говорит о себе, о своих стихах. Рассказывает, какие именно слова он создал, первый ввел в литературу. Если Достоевский бросил слово "стушеваться", то он, Полонский, создал "непроглядную" ночь. Меня

удивило открытие, что слово "предмет" не существовало до Карамзина: он оказался его творцом» [6]. Не случайно каждому крупному писателю присущ свой уникальный, легко узнаваемый стиль, реже – собственный язык. Последнее обстоятельство служит источником весьма колких и даже ревностных замечаний коллег по цеху. Сергей Довлатов, например, утверждал, что «слово "снеги" выдуманно пошляком Евтушенко для придания его ничтожным стихам эпической мощи» [17, с. 158].

При этом новизна может быть присуща не только произведениям признанных мастеров слова. Та же З. Гиппиус рассуждает о новизне произведений малоизвестной Ольги Соловьевой: «Ее картины никому не известны. Да она их, кажется, мало кому показывала. Но каждый рисунок ее – было в нем что-то такое свое и новое, что он потом не забывался. Она написала только один рассказ. Напечатанный в "Северном вестнике", он опять был такой новый и особенный, что его долго все помнили» [6, с. 8].

А.В. Кашанин [9, с. 90] указывает, что при использовании судами экспертных заключений возникает проблема возможности постановки перед экспертами (специалистами) по внеюрисдикционным специальностям юридических вопросов о новизне, оригинальности, уникальности произведения. В контексте рассуждений о новизне произведений литературы полагаем необходимым уточнить, что указанные вопросы по своему содержанию не являются строго юридическими, и новизну литературного произведения не может определить юрист – только филолог, лингвист, литератор; равно как и новизну-уникальность-оригинальность аудиовизуального произведения – режиссер, искусствовед, кинокритик. У юриста для ответа на эти вопросы попросту нет квалификации.

Другим свойством творческого характера произведения литературы в литературе именуется его оригинальность. В юридической литературе этот феномен соотносен с *проявлением индивидуальности, своеобразием автора* [19, с. 33-34] (курсив – И.Б.), которое противопоставляется использованию технических приемов, в большей степени присущих, как мы знаем, ремеслу.

Принято считать, что наивысшим уровнем индивидуальности в отечественной литературе обладает творчество А.С. Пушкина, создавшего не только русский литературный язык, но и впоследствии «всю русскую культуру». Однако в истории литературы есть и другое мнение: «Я всегда думал, что наш величайший поэт был Пушкин, – сказал Бунин, – нет, это Лермонтов! Просто представить себе нельзя, до какой высоты этот человек поднялся бы, если бы не погиб двадцати семи лет». Бунин сопровождал стихи М.Ю. Лермонтова своей оценкой, основу которой,

как видим, составляет именно «индивидуальность и своеобразие автора»: «Как необыкновенно! *Ни на Пушкина и ни на кого не похоже!* Изумительно, другого слова нет» [2] (курсив – И.Б.). Пожалуй, формулу И.А. Бунина «ни на кого не похоже» можно и сегодня использовать в оценке оригинальности произведений литературы современных авторов, наверняка, она и используется в отношении произведений номинантов «Большой книги» и других литературных конкурсов.

Борис Пастернак в своих определениях оригинальности идет дальше и атрибутирует ее не с самим произведением и даже не с автором, а в целом с искусством: «Оригинальность – это вовсе не свойство художника. Оригинальность – это особенность самого искусства – которого нельзя определить именно потому, что в этом его определение: в том, что пока ты назвал его, оно уже стало другим на свете – но оно осталось искусством, то есть способным и в этот момент ускользнуть от сходства с самим собой» [16, с. 292-293].

Наконец, в рассуждениях о таком элементе творческого характера произведения литературы, как «новизна», представляет интерес высказывание Эрнеста Хемингуэя из его нобелевской речи 1954 года: «Как просто было бы создавать литературу, если бы для этого требовалось всего лишь писать по-новому о том, о чем уже писали, и писали хорошо! Именно потому, что в прошлом у нас были такие великие писатели, современный писатель вынужден уходить столь далеко, за пределы доступного ему, туда, где никто не может ему помочь» [20, с. 443].

На наш взгляд, именно уход писателя, да и любого другого автора, в своем творчестве «туда, где никто не может ему помочь» (уход в содержание, в форме, т.е. в стилистике, фразеологии произведения, при выборе тем и т.п.), собственно и формирует его лицо и место в литературе, делает его самобытным, а его произведения подлинно творческими, поднимая их на уровень подлинного искусства.

Литература

1. Айзексон У. Стив Джобс. М.: Астрель, 2012.
2. Бабореко А.К. Бунин: Жизнеописание. М.: Молодая гвардия, 2009.
3. Богословский Н. (2017) Линия жизни // Канал «Культура». URL: https://tvkultura.ru/video/show/brand_id/20872/episode_id/379747/ (дата обращения: 23.05.2019).
4. Высоцкий В. Собрание сочинений: в 4 т.; т. 4. Проза. М.: Время, 2009.
5. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития. М., 1984.
6. Гиппиус З. Мне нужно то, чего нет на свете. Живые лица. Петербургские дневники. М.: АСТ, 2017.
7. Гранин Д. Иду на грозу. М.: Азбука, 2009.
8. Иоффе О.С. Советское гражданское право: учебник: в 3 т.; т. 3. Л., 1965.
9. Кашанин А.В. Уровень требований к творческому характеру произведения в отечественном юридическом дискурсе // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 10. С. 83-90.
10. Кириллина Л.В. Бетховен. М.: Молодая гвардия, 2015.
11. Коваленко С. Анна Ахматова. М.: Молодая гвардия, 2009.
12. Лихачев Д.С. Пушкин. Письма о добром. Заметки и наблюдения. М.: АСТ, 2017.
13. Лукьянова И. Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия, 2007.
14. Маяковский В.В. Собрание сочинений: в 12 т.; т. 1. М.: Правда, 1978.
15. Панкевич Б.И. Объект авторского права // Записки Новороссийского университета. 1878.
16. Пастернак Б.Л. Письмо родителям. Об искусстве. «Охранная грамота» и заметки о художественном творчестве. М.: Искусство, 1990.
17. Попов В. Довлатов. М.: Молодая гвардия, 2015.
18. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации. М.: Проспект, 2006.
19. Серебровский В.И. Вопросы советского авторского права. М., 1956.
20. Чертанов М. Хемингуэй. М.: Молодая гвардия, 2018.

УДК 342.743

Е.В. Ваймер, канд. юрид. наук

Алтайский государственный технический университет имени И.И. Ползунова

E-mail: vaimer-evgeniya79@yandex.ru

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ И ВЗИМАНИИ НАЛОГА НА ИМУЩЕСТВО ФИЗИЧЕСКИХ ЛИЦ

В статье исследуется содержание принципа справедливости в налогообложении на основе правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и норм о налоге на имущество физических лиц в г. Новосибирске и Барнауле.

Анализируется Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2019 г. № 10-П, посвященное реализации норм имущественного налога на территории субъектов Российской Федерации, в которых для расчета налога на имущество физических лиц применяется инвентаризационная стоимость объекта.

Делается вывод о том, что при установлении и взимании имущественных налогов принцип справедливости имеет особое значение, поскольку способность налогоплательщика к уплате налога презюмируется.

Ключевые слова: принцип справедливости, налог на имущество физических лиц, правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации.

E.V. Vaimer, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Polzunov Altai State Technical University

E-mail: vaimer-evgeniya79@yandex.ru

PRINCIPLE OF JUSTNESS AT THE ESTABLISHMENT AND COLLECTION OF TAX ON THE PROPERTY OF INDIVIDUALS

The article examines the content of the principle of justness in taxation on the basis of the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the rules on personal property tax in Novosibirsk and Barnaul cities.

The article analyzes the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 15, 2019 No. 10-P which is devoted to the implementation of property tax norms in the territories of the constituent entities of the Russian Federation where the inventory value of the object is used to calculate property tax for individuals.

The author concludes that when establishing and collecting property taxes, the principle of equity is of particular importance, since the taxpayer's ability to pay tax is assumed.

Key words: principle of justness, personal property tax, legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation.

Справедливость в юридической и экономической литературе рассматривается как основной принцип налогообложения, который включает в себя требования всеобщности налогообложения, требование признания равенства налогообложения и требование учета фактической способности налогоплательщика к уплате налога при его установлении (соразмерности). Названные требования содержатся в ст. 3 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ) «Основные начала законодательства о налогах и сборах» [2].

Следует указать на то, что принцип справедливости как термин и дефиниция непосредственно в НК РФ не установлен. Однако в решениях Конституционного Суда РФ принцип справедливости неоднократно упоминался как основа всей налоговой системы, налогообложения и критерий конституционности налоговых законов.

Абсолютно верно высказывание К.А. Сасова о том, что во многих своих решениях Конституционный Суд РФ уточняет, развивает, а порой и выявляет соответствующие конституционно-правовые принципы установления налогов [20].

Принцип или требование всеобщности налогообложения является отражением конституционной обязанности, закрепленной в ст. 57 Конституции Российской Федерации, где указано, что каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы [1]. При этом, как неоднократно указывал Конституционный Суд РФ, законно установленным налог считается тогда, когда все его обязательные элементы, включая объект налогообложения и налоговую базу, определены в законе, с тем чтобы налогоплательщик точно знал, какие налоги, когда и в каком порядке он должен платить [19].

Принцип или требование равенства налогообложения является частным случаем конституционного принципа равенства всех перед законом и судом. Принцип равного налогового бремени вытекает из статей 8 (часть 2), 19 и 57 Конституции РФ. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, принцип равенства налогообложения предполагает закрепление в законе правовых гарантий возложения на равных субъектов налогообложения равного налогового бремени [8]. Не допускается установление дополнительных, а также повышенных по ставкам налогов в зависимости от формы собственности, организационно-правовой формы предпринимательской деятельности, местонахождения налогоплательщика и иных носящих дискриминационный характер оснований [16].

Содержание принципа учета фактической способности налогоплательщика к уплате налога (соразмерности) попутно был сформулирован Конституционным Судом РФ в Постановлении от 4 апреля

1996 г. № 9-П. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, в целях обеспечения регулирования налогообложения в соответствии с Конституцией РФ принцип равенства требует учета, исходя из правовых принципов справедливости и соразмерности; налогообложение, парализующее реализацию гражданами их конституционных прав, должно быть признано несоразмерным [17].

В научной литературе подчеркивается, что принцип соразмерности связан с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, закреплен в п. 1 ст. 3 НК РФ и отражает невозможность установления «чрезмерных» налогов без учета фактической способности налогоплательщика к уплате налогов и сборов [21].

Вышеназванные принципы приобретают особое значение при установлении и взимании налога на имущество физических лиц, поскольку, как указано в письмах Минфина, уровень фактической способности налогоплательщика к уплате налога находится в прямой зависимости от стоимости принадлежащего ему имущества [15]. Следовательно, действительная персональная способность налогоплательщика к уплате налога фактически не учитывается, а определяется исходя из характеристики налоговой базы объекта налогообложения. В этом случае платежеспособность налогоплательщика – физического лица просто презюмируется.

Федеральным законом от 4 октября 2014 г. № 284-ФЗ «О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации "О налогах на имущество физических лиц"» НК РФ дополнен главой 32 «Налог на имущество физических лиц» [3].

Кодификация налогового законодательства в части совершенствования правового регулирования местных налогов обусловлена идеей законодателя установить систему налогообложения, при которой будет соблюдаться общеправовой принцип справедливости: собственники дорогостоящих объектов недвижимости будут платить гораздо больше, нежели собственники бюджетных объектов, поскольку налоговой базой станет не инвентаризационная стоимость имущества (себестоимость материалов и износ), а кадастровая, приближенная к рыночной стоимости.

При этом Федеральный закон № 284-ФЗ устанавливает переходный период, в течение которого субъекты Российской Федерации самостоятельно определяют дату начала применения кадастровой стоимости при исчислении налога на имущество физических лиц. В любом случае с 2020 г. все регионы обязаны перейти на кадастровую стоимость объектов недвижимости при определении налоговой базы и исчислении налога на имущество физических лиц.

По состоянию на 2019 год 75 субъектов Российской Федерации применяют кадастровую стоимость объектов недвижимости.

Если при исчислении налога на имущество физических лиц применяется кадастровая стоимость в отношении каждого объекта, то налогоплательщикам предоставляется налоговый вычет в отношении одного объекта (10 кв. м в отношении комнаты или части квартиры, 20 кв. м – квартиры или части жилого дома, 50 кв. м – жилого дома, 1 млн руб. в отношении единого недвижимого комплекса) и поправочные коэффициенты (от 0,2-0,6).

Благодаря вычетам и налоговой ставки 0,1% сумма налога, хотя и выросла по сравнению с предыдущими периодами, вместе с тем является соразмерной и необременительной, несмотря на то, что поправочные коэффициенты постепенно (ежегодно) увеличиваются в течение трех лет с начала применения кадастровой стоимости.

В переходный период после принятия решения субъекта Российской Федерации сумма налога за первые три налоговых периода с начала применения порядка определения налоговой базы исходя из кадастровой стоимости объекта налогообложения исчисляется по следующей формуле:

$$H = (H_1 - H_2) \times K + H_2;$$

где H – сумма налога, подлежащая уплате;

H₁ – сумма налога при применении кадастровой стоимости объекта;

H₂ – сумма налога, исчисленная исходя из инвентаризационной стоимости объекта налогообложения за последний налоговый период ее применения;

K – поправочный коэффициент.

Если же объект налогообложения достаточно новый (начиная с 2013 г.) и инвентаризационная стоимость не определена, то применяется только кадастровая стоимость объекта, уменьшенная на произведение величины вычета и кадастровой стоимости одного квадратного метра. В этом случае порядок исчисления налога осуществляется в соответствии со п. 1 ст. 408 НК РФ как процентная доля налоговой базы.

В связи с тем, что налог на имущество физических лиц является местным налогом, налоговые ставки устанавливаются представительными органами местного самоуправления. В качестве примера приведем данные Новосибирской области. В Новосибирской области Законом от 31 октября 2014 г. № 478-ОЗ с 1 января 2015 г. для целей исчисления налога на имущество физических лиц применяется кадастровая стоимость объекта [9].

В г. Новосибирске используются следующие налоговые ставки: в отношении жилых домов, квартир, комнат и их частей, объектов незавершенного строительства в случае, если проектируемым назначением

таких объектов является жилой дом, единых недвижимых комплексов, в состав которых входит хотя бы один жилой дом, гаражей и машино-мест, применяется 0,1%; в отношении объектов налогообложения, кадастровая стоимость каждого из которых превышает 300 миллионов рублей, – 2%; в отношении прочих объектов – 0,5% [4].

Рассчитаем сумму налога на квартиру общей площадью 70 кв. м, расположенную в г. Новосибирске с кадастровой стоимостью 3 млн рублей. Сумма налога за 2014 г., исчисленная исходя из инвентаризационной стоимости, составляла 1078 рублей, соответственно, инвентаризационная стоимость – 490 000 тыс. руб.

Итак, налоговый вычет для квартиры составляет 20 кв. м, т.е. налоговый вычет из базы составляет: 3 000 000 / 70 кв. м * 20 кв. м = 857 142,85 рублей.

Ставка налога на данную квартиру установлена 0,1%, следовательно, получаем (3 000 000 – 857 142,85) * 0,1% = 2142,85 рублей.

Применяем формулу с учетом поправочного коэффициента и получаем:

$$\text{Сумма налога к уплате за 2015 г.} = (2142,85 - 1078) * 0,2 + 1078 = 1287,37 \text{ руб.};$$

$$\text{за 2016 г.} = (2142,85 - 1078) * 0,4 + 1078 = 1503,94 \text{ руб.};$$

$$\text{за 2017 г.} = (2142,85 - 1078) * 0,6 + 1078 = 1716,31 \text{ руб.};$$

$$\text{за 2018 г.} = (2142,85 - 1078) * 0,8 + 1078 = 1929,88 \text{ руб.}$$

Сумма налога к уплате за 2019 г. и последующие годы = 2142,85 в случае сохранения стоимости объекта в размере 3 млн руб.

При исчислении налога на имущество физических лиц применяется инвентаризационная стоимость объекта недвижимости, определенная по состоянию на 1 марта 2013 г. В этом случае стоимость увеличивается на коэффициент-дефлятор, ежегодно устанавливаемый Министерством экономического развития России. Так, в 2015 г. размер коэффициента-дефлятора составлял 1,147, в 2016 г. – 1,329, в 2017 г. – 1,425; в 2018 г. – 1,481; в 2019 г. – 1,518 [10, 11, 12, 13, 14].

В результате применения коэффициента-дефлятора инвентаризационная стоимость ежегодно увеличивается, при этом может умножаться на более высокую налоговую ставку, потому как превышает дифференцированный предел. В этом случае используемая прогрессивная шкала налогообложения приводит к резкому, скачкообразному повышению суммы налога, подлежащего уплате.

Алтайский край входит в число субъектов Российской Федерации, которые используют при расчете налога на имущество физических лиц инвентаризационную стоимость объекта недвижимости. Так,

ставки налога на имущество физических лиц в г. Барнауле на жилые объекты недвижимости варьируются от 0,1 до 1,5% и нежилые объекты недвижимости от 0,1 до 1,8%, в зависимости от инвентаризационной стоимости, умноженной на коэффициент-дефлятор [5].

Рассчитаем сумму налога на квартиру исходя из той же инвентаризационной стоимости и квадратных метров, но уже в г. Барнауле.

Применяем формулу с учетом коэффициента-дефлятора:

Сумма налога к уплате за 2015 г. = $490\,000 \cdot 1,147 \cdot 0,5\% = 2810,15$ руб.;

за 2016 г. = $490\,000 \cdot 1,329 \cdot 0,5\% = 3256,05$ руб.;

за 2017 г. = $490\,000 \cdot 1,425 \cdot 0,5\% = 3491,25$ руб.;

за 2018 г. = $490\,000 \cdot 1,481 \cdot 0,5\% = 3628,45$ руб.;

за 2019 г. = $490\,000 \cdot 1,518 \cdot 0,5\% = 3719,1$ руб.

Следует указать, что если в собственности находятся несколько объектов, то и коэффициент, и ставка налога умножаются на их общую суммарную инвентаризационную стоимость, которая может достичь 1,5%.

Как видим, при равных экономических характеристиках объектов недвижимости налогоплательщики в г. Барнауле обязаны уплачивать гораздо в большем размере, чем в г. Новосибирске.

Кроме того, в Алтайском крае, а также в иных субъектах Российской Федерации, где используется инвентаризационная стоимость, объекты незавершенного строительства не облагаются налогом, поскольку определение инвентаризационной стоимости строящихся объектов не предусмотрено.

Следует отметить, что согласно Письму Министерства финансов Российской Федерации от 2 февраля 2018 г. № 03-05-06-01/5934 собственникам новых объектов недвижимости также не начисляется налог на имущество физических лиц в связи с тем, что недвижимое имущество, введенное в эксплуатацию после 2012 г., имеет только кадастровую стоимость [6].

Отсюда вполне закономерный вопрос, как сложившаяся ситуация соотносится с принципом всеобщности, равенства налогообложения и равного налогового бремени? Соответствует ли это концепции реформирования местных налогов, в которой налогообложение с использованием инвентаризационной стоимости рассматривается законодателем как менее обременительное для налогоплательщика?

Конечно, субъекты Российской Федерации и муниципальные образования обладают дискреционной самостоятельностью при решении вопроса определения особенностей налоговой базы, ставки и льгот. Однако и эта самостоятельность должна соответствовать целям обеспечения справедливого и соразмерного налогообложения.

Вопрос справедливости установления и взимания налога на имущество физических лиц был предметом рассмотрения в Конституционном Суде РФ в январе 2019 г.

Согласно материалам дела заявительнице за 2015 год начислили налог на имущество физических лиц в отношении жилого дома, находящегося в пригороде Барнаула Алтайского края, в размере 47 572 рубля. Данная сумма была рассчитана исходя из инвентаризационной стоимости жилого дома в размере 3 171 466 рублей (с учетом коэффициента-дефлятора) с применением налоговой ставки, равной 1,5% от этой стоимости. По мнению заявительницы, если бы для расчета налога использовалась кадастровая стоимость жилого дома, которая согласно справке о кадастровой стоимости объекта недвижимости по состоянию на 31 декабря 2015 г. составляет 2 873 674 руб. 88 коп., то сумма налога составила бы лишь 2 874 руб. (т.е. существенно меньше начисленного), поскольку в таком случае применялась бы налоговая ставка 0,1%.

В результате разрешения спора Конституционный Суд РФ встал на сторону заявительницы и сформулировал ряд значимых положений в Постановлении от 15 февраля 2019 г. № 10-П [18].

Во-первых, предусмотренная федеральным законодателем возможность применения на территории разных субъектов Российской Федерации до 1 января 2020 г. различных способов определения налоговой базы не должна приводить к тому, что граждане, обладая сопоставимым по рыночной стоимости подлежащим налогообложению имуществом (тем более столь социально значимым, как жилье), оказывались бы лишь из-за этого обстоятельства в существенно разном положении применительно к размеру налоговой обязанности.

Во-вторых, осуществляя правовое регулирование в налоговой сфере, законодатель обязан исходить из того, что в силу Конституции РФ права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов (статья 18), т.е. налогообложение не должно быть несоразмерным с тем, чтобы реализация гражданами конституционных прав не оказалась парализованной. При этом законодатель должен неукоснительно соблюдать принцип равенства перед законом и судом и принцип пропорциональности, которыми ограничиваются пределы законодательного усмотрения при установлении, введении и взимании налогов.

В-третьих, действующее законодательство не исключает определения кадастровой стоимости конкретного объекта недвижимости до завершения в субъекте Российской Федерации общей кадастровой оценки объектов недвижимости. Поэтому, чтобы избежать несправедливого налогообложения имуще-

ства граждан, для расчета налога может применяться уже установленная в регионе для этой недвижимости кадастровая стоимость, даже если она официально еще не используется для целей налогообложения. Если кадастровая стоимость объекта еще не определена, то по решению суда либо налогового органа для расчета налога возможно применение рыночной стоимости недвижимости. Таким образом, в ходе разрешения возникшего спора налогоплательщик вправе требовать от налогового органа использования для расчета налога на имущество сведений о кадастровой (рыночной) стоимости имущества и соответствующего размера налоговой ставки.

Представляется, что изложенные правовые позиции Конституционного Суда РФ не вызывают сомнений и определены с учетом общеправового принципа справедливости, равенства и соразмерности. Вместе с тем особое мнение судьи С.М. Казанцева представляется несколько странным. Он указывает на то, что в пределах только Алтайского края ставки данного налога различаются весьма значительно. Максимальные ставки колеблются от 0,5% до 2%. В то же время в городе Хасавюрт (Республика Дагестан) максимальная ставка, применяемая к суммарной инвентаризационной стоимости свыше 3 млн руб., составляет лишь 0,8%, а в городе Владивостоке при стоимости свыше 1 млн руб. составляет 1%.

Судья С.М. Казанцев заключает, что такой разброс налоговых ставок в зависимости от инвентаризационной стоимости объекта налогообложения свидетельствует не о произволе местной власти в вопросе налогообложения физических лиц, а об учете ею

особенностей развития конкретного муниципально-го образования. При этом он не уточняет, что имеется в виду под особенностями развития муниципального образования.

Используя традиционные показатели экономического развития территории, зададимся вопросом. Разве особенности доходной части местного бюджета (низкий уровень заработной платы и социальной активности населения, слабое развитие предпринимательства и производства), а также необходимость осуществления расходных обязательств могут служить определяющим ориентиром налогообложения физических лиц, где способность к уплате весьма условна? Безусловно, нет! Это противоречит п. 3 ст. 3 НК РФ, устанавливающего недопустимость налогов и сборов, препятствующих реализации гражданами своих конституционных прав. В таком случае вообще не стоит говорить о справедливой налоговой политике, которая должна быть ориентирована на человека, защиту его прав и свобод.

Следует признать абсолютно справедливым требование ФНС РФ, выраженное в Письме от 19 февраля 2019 г. № БС-4-21/2825@ [7], к территориальным органам о необходимости применения постановления Конституционного Суда РФ и безотлагательном информировании налогоплательщиков о возможности исчисления налога исходя из кадастровой или рыночной стоимости объекта и по соответствующей налоговой ставке за периоды, когда субъектом Российской Федерации не принято решение о применении в качестве налоговой базы налога на имущество физических лиц кадастровой стоимости объекта.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2018. № 53 (часть I). Ст. 8472.
3. О внесении изменений в статьи 12 и 85 части первой и часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации и признании утратившим силу Закона Российской Федерации «О налогах на имущество физических лиц»: федеральный закон от 4 октября 2014 г. № 284-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 40 (Часть II). Ст. 5315.
4. О налоге на имущество физических лиц на территории города Новосибирска: решение Совета депутатов города Новосибирска от 26 ноября 2014 г. № 1210 (в ред. 26. 09.2018) // Бюллетень органов местного самоуправления города Новосибирска. 2014. № 90. С. 2; 2018. № 39. С. 156.
5. О налоге на имущество физических лиц на территории городского округа – города Барнаула Алтайского края: решение Барнаульской городской Думы от 7 ноября 2014 г. № 375 (ред. от 01.12.2017) // Вечерний Барнаул. 2014. № 169; 2017. № 187.
6. О применении инвентаризационной стоимости и принятии субъектом РФ решения о применении кадастровой стоимости для целей налога на имущество физлиц [Электронный ресурс]: письмо Минфина России от 2 февраля 2018 г. № 03-05-06-01/5934. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об исполнении Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2019 г. № 10-П по делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации [Элек-

тронный ресурс]: письмо ФНС России от 19.02.2019 № БС-4-21/2825@. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буркова Антона Леонидовича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3 статьи 224 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 14 июля 2011 г. № 949-О-О. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об установлении единой даты начала применения на территории Новосибирской области порядка определения налоговой базы по налогу на имущество физических лиц исходя из кадастровой стоимости объектов налогообложения: закон Новосибирской области от 31 октября 2014 г. № 478-ОЗ // Ведомости Законодательного Собрания Новосибирской области. 2014. № 57.

10. Об установлении коэффициентов-дефляторов на 2015 год: приказ Минэкономразвития России от 29 октября 2014 г. № 685 // Российская газета. 2014. № 264.

11. Об установлении коэффициентов-дефляторов на 2016 год: приказ Минэкономразвития России от 20 октября 2015 г. № 772 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 12.11.2015 (дата обращения: 01.04.2019).

12. Об установлении коэффициентов-дефляторов на 2017 год: приказ Минэкономразвития России от 3 ноября 2016 г. № 698 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 49.

13. Об установлении коэффициентов-дефляторов на 2018 год: приказ Минэкономразвития России от 30 октября 2017 г. № 579 // Российская газета. 2017. № 259.

14. Об установлении коэффициентов-дефляторов на 2019 год: приказ Минэкономразвития России от 30 октября 2018 г. № 595 // Российская газета. 2018. № 259.

15. Письма Минфина РФ от 16 января 2019 г. № 03-05-06-01/1337, от 9 января 2019 г. № 03-05-06-01/19. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

16. По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 2 статьи 18 и статьи 20 Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда РФ от 21 марта 1997 г. № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1997. № 4.

17. По делу о проверке конституционности ряда нормативных актов города Москвы и Московской области, Ставропольского края, Воронежской области и города Воронежа, регламентирующих порядок регистрации граждан, прибывающих на постоянное жительство в названные регионы: постановление Конституционного Суда РФ от 4 апреля 1996 г. № 9-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 1996. № 2.

18. По делу о проверке конституционности статьи 402 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Ф. Низамовой: постановление Конституционного Суда РФ от 15 февраля 2019 г. № 10-П // Собрание законодательства РФ. 2019. № 8. Ст. 820.

19. По запросу Арбитражного суда Нижегородской области о проверке конституционности пункта 2 статьи 333.18, подпункта 20 пункта 1 статьи 333.33 Налогового кодекса Российской Федерации и пункта 4 статьи 16 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним»: определение Конституционного Суда РФ от 15 января 2008 г. № 294-О-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 4.

20. Сасов К.А. Конституционный Суд РФ о принципах установления налогов // Налоговые споры: теория и практика. 2007. № 9. URL: <https://www.lawmix.ru/bux/62169> (дата обращения: 01.04.2019).

21. Шайхутдинова Д.Р. Справедливость как основной принцип налогообложения // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2012. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spravedlivost-kak-osnovnoy-printsip-nalogooblozheniya> (дата обращения: 01.04.2019).

УДК 347.151:343.535

Г.Р. Игбаева, канд. юрид. наук, доцент

Уфимский юридический институт МВД России

E-mail: ya.fromufa@yandex.ru;

Е.В. Емельянова, канд. эконом. наук, доктор юрид. наук, доцент

Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации;

З.Р. Шакирова, канд. юрид. наук

Уфимский юридический институт МВД России

СЛОЖНОСТИ ПРОЦЕДУРЫ БАНКРОТСТВА ГРАЖДАН: ОБОБЩЕНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ОПЫТА

На основе обобщения правоприменительного опыта в статье определены сложности процедуры банкротства граждан. Тенденция увеличения количества заявлений свидетельствует, что институт банкротства граждан прижился. Несмотря на разъяснения Верховного Суда РФ и внесенные изменения в закон о банкротстве, сложности процедуры банкротства для должника сохранились, по мнению авторов, они обусловлены рядом факторов, среди которых первостепенное значение имеют финансовые и юридические.

Юридические факторы наиболее сложные и связаны с необходимостью учета фактических обстоятельств конкретного банкротного дела. Обобщаются условия о признании сделок недействительными при реализации процедур банкротства гражданина, в качестве примеров приводятся наиболее типичные споры, рассмотренные судами.

Ключевые слова: банкротство граждан, несостоятельность, задолженность, процедуры банкротства, кредитор, суд, должник, сделка, недействительность, финансовый управляющий, имущество.

G.R. Igbaeva, PhD. (Candidate of Juridical Sciences), assistant-professor

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ya.fromufa@yandex.ru;

E.V. Emelyanova, PhD. (Doctor of Juridical Sciences, Candidate of

Economic Sciences), assistant-professor

Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian

Federation;

Z.R. Shakirova, PhD. (Candidate of Juridical Sciences)

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

THE COMPLEXITY OF THE PROCEDURE OF THE CITIZEN'S BANKRUPTCY: LAW APPLICATION EXPERIENCE SUMMARY

Based on the summarizing of law enforcement experience the difficulties of the citizen's bankruptcy procedure are defined in the article. The trend of increasing the number of applications indicates that the institution of the citizen's bankruptcy has settled down. Despite the explanations given by the Supreme court of the Russian Federation and the amendments to the bankruptcy law, the bankruptcy procedure for the debtor is still complicated, according to the authors' opinion, they are due to a number of factors, among which financial and legal ones are of paramount importance.

Legal factors are the most complex and are associated with the need to take into account the actual circumstances of a particular bankruptcy case, in particular: the presence of transactions with property shortly before bankruptcy, the validity of the creditor's claims, the absence of imaginary transactions, the absence of unfair actions of the debtor, etc. The author summarizes conditions on the recognition of transactions as invalid during the implementation of bankruptcy procedures, exemplifies the most typical disputes considered by courts.

Key words: bankruptcy of citizens, financial insolvency, debt, bankruptcy procedures, creditor, court, debtor, transaction, invalidity, financial manager, property.

Нестабильность экономики значительно влияет на финансовое состояние граждан. Снижение доходов населения способствует росту кредиторской задолженности. На фоне большого числа выданных кредитов с катастрофической скоростью растет количество просрочек по кредитным обязательствам. Тревожные цифры появились еще в 2015 г. Проблема несостоятельности должника перед кредиторами набирает все наибольшую актуальность в современной России. Кредитная задолженность граждан России увеличивается ежегодно. Долги по кредитам населения России в 2019 г. достигли исторического рекорда. По данным ЦБ, за январь 2019 года задолженность физических лиц перед банковскими организациями выросла на 191 млрд руб. – 15,092 трлн руб. [9].

С 2015 года банкротами были признаны 94 255 человек. Более того, арбитражные суды регистрируют сейчас больше исков о банкротстве физических лиц, чем юридических. Граждане стремятся списать свои долги, а потому банкротства физических лиц впервые опередили банкротства компаний по количеству дел. По статистике Верховного Суда РФ, такое произошло впервые с 2015 г. [10]. Такая статистика подтверждает вывод о том, что институт банкротства граждан прижился и доказал свою эффективность.

Как отмечает С.А. Карелина, «предполагалось, что Закон о банкротстве граждан поможет социально реабилитироваться добросовестным должникам, которые в силу жизненных обстоятельств оказались не в состоянии расплатиться со своими кредиторами» [2, с. 88].

На момент вступления в силу новелл закона о банкротстве условия, по которым гражданин может инициировать свое банкротство, и прочие особенности этого процесса оказались неподходящими для подавляющего большинства должников.

Первая волна судебных решений подтвердила, что фактически новеллы о банкротстве применимы для финансово обеспеченных граждан, которые хотели избавиться от своих долгов. Так, банкротами были признаны Т. Исмаилов (дело А41-94274/2015), В. Кехман (дело А56-27115/2016), П. Сверак (дело А40-220335/2015), имевшие задолженности, исчислявшиеся сотнями миллионов рублей.

В результате работы Верховного Суда РФ [3] и законодателя ситуация изменилась, но сложность процедуры банкротства для должника сохранилась и обусловлена рядом факторов, среди которых первостепенное значение имеют финансовые и юридические.

У должника должны быть денежные средства для проведения процедуры. Поскольку, кроме оплаты госпошлины, на него ложатся такие расходы, как оплата услуг управляющего по делу, оплата судебных расходов, оплата публикации сообщений о деле в СМИ.

Несмотря на снижение государственной пошлины для рассмотрения заявления о признании гражданина банкротом с 6000 до 300 рублей, реальная его стоимость зависит от суммы задолженности и количества проведенных процедур банкротства.

С 1 января 2017 г. установлено внесение оплаты за работу финансового управляющего на депозит суда в размере 25 000 рублей. До этого сумма составляла 10 000 рублей.

Кроме этого, за каждую из процедур банкротства, через которую проходит должник, финансовому управляющему полагается 7% от суммы, подлежащей уплате кредиторам в случае реструктуризации, или от суммы, полученной в ходе реализации имущества должника.

Стоимость одной публикации о банкротстве физлица и введенных в отношении него процедур зависит от источника опубликования, в газете «Коммерсантъ» – это примерно 10 000 руб., в едином реестре сведений о банкротстве (bankrot.fedresurs.ru) – 400 руб. При этом количество публикаций считается исходя из количества этапов, через которые проходит банкрот – о реструктуризации долгов, введении процедуры реализации имущества, выявлении фиктивного банкротства, о прекращении производства по делу о банкротстве.

Юридические факторы наиболее сложные и связаны с необходимостью учета фактических обстоятельств конкретного банкротного дела, в частности: наличием сделок с имуществом незадолго до банкротства, действительностью требований кредитора, отсутствием мнимых сделок, отсутствием недобросовестных действий должника и др.

Формируя конкурсную массу, финансовый управляющий наделяется правом оспорить сделки, совершенные должником. Оспорена может быть практически любая сделка, совершенная должником за 3 года до подачи заявления о банкротстве. Сделки должника с жильем, являющимся единственным пригодным для его проживания, не причиняют вреда кредиторам, т.к. не могут быть реализованы в рамках исполнительного производства или в процедуре реализации имущества в деле о банкротстве физических лиц.

Сделки за пределами трехлетнего периода по общим нормам ГК РФ в процедурах банкротства физического лица оспариваются не часто и при наличии двух условий: 1) на момент совершения сделки должник знал о наличии долга и невозможности его оплатить; 2) налицо злоупотребление правами со стороны должника (в короткий промежуток времени отчуждается всё ликвидное имущество, за счет которого долги перед кредиторами могли бы быть погашены).

Так, в деле № А76-43/2014 должник продал автомобиль в «подозрительный период» (т.е. в течение года до признания должника банкротом). Арбитражный суд Челябинской области установил, что на момент совершения сделки должник отвечал признакам неплатежеспособности и в результате отчуждения автомобиля его имущество уменьшилось. Учитывая отсутствие возможности удовлетворить требования кредиторов за счёт конкурсной массы, суд пришёл к выводу, что договор купли-продажи автомобиля заключён с целью причинения вреда кредиторам. И такой вред кредиторам реально причинён. Недобросовестность действий подтверждается и тем, что спорный автомобиль был отчуждён отцу, очевидно заинтересованному лицу по отношению к должнику-гражданину. Суд по заявлению финансового управляющего признал сделку недействительной [11].

Должник подарил своему несовершеннолетнему сыну земельный участок буквально за 10 дней до подачи заявления о банкротстве. Видимо, рассчитывая, что у ребенка не отнимут. Но Арбитражный суд Республики Башкортостан рассудил иначе.

Оспариваемый договор дарения совершен безвозмездно в отношении заинтересованного лица при наличии у должника признаков неплатежеспособности или недостаточности имущества. При этом одаряемая сторона была представлена законным представителем ребенка – матерью, которая одновременно являлась женой должника. То есть вторая сторона по договору дарения, являясь заинтересованным лицом по отношению к должнику, не могла не знать о цели причинения вреда имущественным правам кредиторов.

Сделка была признана недействительной. Земельный участок пополнил конкурсную массу [7].

Суды обращают внимание при рассмотрении дела о банкротстве на сделки, характерные исключительно для физических лиц. Речь идет о брачных договорах, соглашениях о разделе имущества.

В Красноярском крае должник при наличии всех признаков грядущего банкротства заключил соглашение о разделе совместно нажитого имущества с супругой. Через полгода между супругами был заключен брачный договор, которым установлен режим раздельной собственности. Чуть позже они расторгли брак, после чего супруга передала в дар часть имущества сыну. Все действия были произведены буквально за несколько месяцев до начала процедуры банкротства. Передача имущества, брачный договор были признаны судом недействительными [6].

Следует обратить внимание, что если действия не имеют целью причинение вреда кредиторам и на момент заключения договора у должника достаточно имущества для удовлетворения требований,

то суды отказывают в признании сделок недействительными.

Например, должник имел 2 квартиры, одну подарил 2 года назад своему отцу. Кредиты взял уже после совершения сделки и лишь три месяца назад лишился работы и, как следствие, перестал оплачивать кредиты. Обратился в суд о признании его банкротом.

Финансовый управляющий и кредиторы не смогут оспорить сделку по дарению квартиры, т.к. на момент совершения сделки отсутствовали какие-либо обязательства перед кредиторами.

Испытывая финансовые трудности, физическое лицо продало свои земельные участки с целью рассчитаться с долгами. Несмотря на предпринятые меры, гражданин не смог избежать своего банкротства. Финансовый управляющий оспорил договоры купли-продажи земли, но арбитражный суд Московской области указал, что недобросовестные цели у продавца отсутствуют, напротив, полученные деньги были направлены на погашение долгов, имевшихся на тот момент [5].

Правоприменительная практика имеет множество примеров о различных формах недобросовестного поведения участников дела о несостоятельности. Закон о банкротстве не содержит специальных норм о признании недействительными сделок по искусственному созданию кредиторской задолженности. Недействительность таких сделок признается по основаниям, предусмотренным ст. 170 ГК РФ (мнимость и притворность сделки), которые часто используются в совокупности со злоупотреблением правом (ст. 10 ГК РФ).

Отсутствие четких принципов доказывания злоупотребления правом при возникновении задолженности у неплательщика приводит к сложностям в рассмотрении такого рода дел [8, с. 283].

Д.А. Рыков выделяет следующие «обстоятельства, свидетельствующие о злоупотреблении правами при возникновении задолженности несостоятельного должника (искусственного создания кредиторской задолженности): транзитное перечисление денежных средств (заем, предоплата по договору и т.д.); отсутствие рассматриваемой сделки в бухгалтерской отчетности должника и кредитора за исследуемый период; отсутствие финансовой возможности в передаче денежных средств по сделке (заем, предоплата по договору и т.д.); отсутствие реальной возможности осуществления поставки, выполнения работ, оказания услуг и т.д.; несоответствие предмета сделки фактическим видам деятельности должника; несоответствие сделки рыночным условиям в худшую для должника сторону (купля-продажа, процентный заем и т.д.); отсутствие экономической целесообразности сделки (поручительство, независимая гарантия, залог и т.д.)» [8].

Следует согласиться с мнением исследователей, предлагающих на уровне разъяснений ВС РФ сформировать перечень обстоятельств, указывающих на недействительность сделок, что поможет система-

тизировать процедуру признания искусственных требований к должнику недействительными на основании ст. 168, 170 ГК РФ в совокупности со ст. 10 ГК РФ.

Литература

1. Интернет-ресурс «Судебные и нормативные акты Российской Федерации» (СудАкт.Ру). URL: <https://sudact.ru>.
2. Карелина С.А. Институт несостоятельности (банкротства) граждан как средство защиты прав в условиях рыночной экономики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2016. № 6. С. 88.
3. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 октября 2015 г. № 45 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 12.
4. О несостоятельности (банкротстве): федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. Определение АС Московской области от 08.02.2016 по делу № А41-42616/15.
6. Определение АС Красноярского края по делу № А33021816/2015 от 04.05.2016.
7. Определение о признании сделки должника недействительной АС Республики Башкортостан по делу № А07-27731/2014 от 09.12.2015.
8. Рыков Д.А. Оспаривание сделок должника по созданию искусственной кредиторской задолженности // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: мат-лы VI международной научно-практ. конф-ции (г. Иркутск, 8 декабря 2017 г.): в 2 т. / отв. ред. С.И. Суслова. Иркутск: Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2018. Т. 1. С. 278-284.
9. URL: <http://global-finances.ru/dolgi-po-kreditam-2019>.
10. URL: <https://pravo.ru/story/209080>.
11. URL: <https://www.klerk.ru/law/articles/450261>.

УДК 340.1

Е.Н. Кротова

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

E-mail: ms.tyunina96@mail.ru

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ: ПОСТАНОВКА НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются различные подходы к понятию «злоупотребление правом», его сущность, виды и формы проявления. Феномен «злоупотребления правом» трактуется как одна из разновидностей правового поведения, наряду с правомерным поведением и противоправным (правонарушением). Приводятся мнения различных ученых относительно данной точки зрения, разграничиваются понятия «правонарушение» и «злоупотребление правом». В статье также рассматриваются основания классификации злоупотребления правом, выделяемые некоторыми отраслями права. Анализируются мнения ученых относительно форм внешнего выражения злоупотребления правом. Приводятся примеры закрепления норм, связанных с злоупотреблением правом, в различных отраслях права. Рассматривается сущность феномена злоупотребления правом. С целью разграничения злоупотребления правом от правонарушения и правомерного поведения автором предлагается выделить данное понятие в самостоятельный институт. Для этого автор выделяет самостоятельные признаки злоупотребления правом. Особое внимание уделяется наступлению последствий при злоупотреблении правом и наличию необходимости закрепления на законодательном уровне ответственности при злоупотреблении правом.

Ключевые слова: злоупотребление правом, правовое поведение, правонарушение, правомерное поведение, последствия, субъективное право, сущность, классификация.

E.N. Krotova

postgraduate student of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: ms.tyunina96@mail.ru

LEGAL ABUSE: STANDING OF SCIENTIFIC PROBLEM

The author of the article examines different meanings of «misuse of justice», its essence, forms and forms of manifestations. The phenomenon of misuse of justice is interpreted as a form of legal behavior, along with lawful behavior and violation of the law. Different opinions of scientists about this point of view are included in this article. The bases of classification of legal abuse are considered, opinions of scientists about forms of misuse of justice are analyzed. The author puts forward examples of fixation of rule related to misuse of justice in different branches of law, considers the nature of misuse of justice. The objective is to delineate misuse of justice and lawful behavior. The author offers to highlight this concept as a independent institution. To achieve it the author highlights independent signs of misuse of justice. Special attention is paid to the consequences of legal abuse and to the necessity of establishment of responsibility for legal abuse in the legislation.

Key words: legal abuse, lawful behavior, violation, rightful behavior, consequences, subjective right, essence, classification.

В настоящее время с каждым годом все более актуализируется проблема такого феномена, как «злоупотребление правом», поскольку количество случаев злоупотребления правом возрастает, при этом способы его реализации становятся все более изощреннее. При этом причину такой тенденции выявить довольно сложно, и у нее есть две стороны медали: с одной стороны, факт злоупотребления правом может быть связан с низкой правовой грамотностью населения (т.е. граждане не знают о том, что их действия причиняют вред другим лицам или обществу), с другой стороны, наоборот, граждане осознают и понимают, что фактически закон не нарушают, пользуются определенными пробелами в праве, извлекая выгоду для себя в ущерб другим лицам.

В сфере правоприменения основанием привлечения к юридической ответственности за совершенное противоправное деяние является наличие признаков конкретного правонарушения, которые закреплены определенными нормативно-правовыми актами. Однако в юридической науке столкнулись с таким феноменом, как «злоупотребление правом», рассматривая его как одну из разновидностей правового поведения наряду с правомерным поведением и противоправным (правонарушением).

Безусловно, злоупотребление правом можно отнести к правовому поведению (реализация прав и обязанностей конкретного субъекта, урегулированная нормами права и влекущая юридические последствия), поскольку данное явление обладает рядом признаков правового поведения:

- юридическая значимость (четкое регулирование поведения с помощью правовых норм, подконтрольность государству);
- социальная значимость (наличие обратной оценки поведения субъекта обществом: либо позитивной, либо негативной);
- осознанность совершаемых юридически значимых действий или бездействий субъектом;
- наступление юридических последствий за совершенное деяние.

Однако, рассматривая феномен злоупотребления правом, мнения правоведов разделились: ряд ученых рассматривают злоупотребление правом в качестве разновидности правонарушения, другие ученые относят его к правомерному поведению, опираясь на то, что никакие нормы права фактически не нарушаются. В данном случае и тот, и другой подход не раскрывает всю сущность данного феномена, подходит к нему однобоко, теряя самостоятельность и важность института злоупотребления правом.

Наиболее интересным представляется подход к изучаемой проблеме правоведа А.А. Малиновского, который в своей работе, посвященной проблеме злоупотребления правом, отмечает: «Злоупотребление

правом не является особым видом правового поведения. Оно представляет собой такую форму реализации субъективного права в противоречии с его назначением, при которой субъект, используя управомочивающие нормы, ущемляет интересы других лиц посредством совершения правонарушений или аморальных проступков» [9, с. 117-122]. Из слов А.А. Малиновского следует, что рассматривать категорию злоупотребления правом необходимо не только со стороны правомерности либо неправомерности того или иного деяния, но и относительно непосредственно цели права и возможности осуществления деяния в противоречии с его назначением [7, с. 74-76].

Проблема изучения института злоупотребления правом не ограничивается наличием большого количества подходов к данному понятию. Актуальной остается проблема отсутствия в некоторых отраслях права закрепленных на законодательном уровне последствий при злоупотреблении правом, при том что со временем количество и объем прав увеличиваются и возможность совершения различных злоупотреблений и «ухищрений», применяемых в отношении указанных прав, соответственно возрастает, что требует должного внимания со стороны правоприменителей.

Примером закрепления на законодательном уровне ответственности за злоупотребление правом может послужить ч. 1 ст. 10 Гражданского кодекса РФ, в которой указано: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)» [4]. Таким образом, на законодательном уровне закреплён принцип недопустимости злоупотребления правом, нарушение которого предусматривает соответствующую ответственность. К примеру, в соответствии с ч. 2 ст. 10 ГК РФ в гражданском процессе данная ответственность реализуется арбитражным или третейским судом, который «с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом» [5].

В отличие от Гражданского кодекса РФ в Трудовом кодексе РФ понятие «злоупотребление правом» не закреплено, однако в ч. 2 ст. 21 ТК РФ к работникам выдвигается требование добросовестно выполнять возложенные на них трудовым договором обязанности, в свою очередь, работодатель призван поощрять своих работников за добросовестное исполнение обязанностей (ст. 22, 191 ТК РФ). Данное правило иногда побуждает работников и работодателей действовать в ущерб другим, учитывая только свои

корыстные интересы. На практике даже выработаны целые схемы, цель которых – обмануть работодателя и получить выплаты, не выполняя предусмотренных функций, или, напротив, оставить без платы того, кто эти функции выполняет [13].

Например, директор требовал взыскания компенсации за неиспользованные отпуска, но суд отказал по мотиву злоупотребления истцом своими правами. Истец, будучи директором, не осуществил должным образом руководство, не исполнил своей обязанности по оформлению документов, позволяющих достоверно установить периоды и количество отработанных дней и использованных дней отдыха. А значит сам в отношении себя нарушил трудовое законодательство и создал ситуацию, которая дала ему возможность обратиться с иском в суд к работодателю. Такие действия суд расценил как недобросовестные [1].

Анализируя иные отрасли права, в случае злоупотребления правом законодатель возлагает на лицо выполнение определенных обязанностей, таких как обязанность оплатить штраф, возместить причиненный ущерб, устранить препятствия осуществления прав добросовестной стороны, отказаться от осуществления своего права [8, с. 25-30].

Несмотря на то что в некоторых отраслях права все же присутствует упоминание об ответственности при злоупотреблении правом, тем не менее в том или ином деянии определить признаки правонарушения намного легче, чем установить факт злоупотребления правом. Если для правонарушения характерным признаком является противоправность (т.е. запрет на совершение действий, указанных в конкретных нормативно-правовых актах), то для злоупотребления правом категория противоправности связана прежде всего с социальной и моральной оценкой обществом действий субъекта в конкретной ситуации. Данная оценка происходит на основании соблюдения известного принципа: свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. То есть при совершении деяния лицо обязано поддерживать баланс своих интересов и интересов иного заинтересованного субъекта, соблюдая при этом не только правовые нормы, но и моральные. В данном случае опять же проявляется законодательная неопределенность регулирования института злоупотребления правом.

Поскольку злоупотребление правом не относится ни к правонарушению, ни к правомерному поведению, а представляет собой самостоятельный институт, с целью разграничения данных понятий выделяют следующие признаки злоупотребления правом:

- наличие у лица субъективного права, закрепленного правовыми нормами;
- «правомерность» совершаемых действий лицом с точки зрения соответствия закону;

- причинение вреда заинтересованной стороне при осуществлении своего субъективного права лицом, в т.ч. нарушение прав, свобод и интересов заинтересованной стороны;

- получение лицом необоснованных преимуществ и выгод при реализации своего субъективного права;

- несоответствие действий лица целям, установленным правовыми нормами.

На основании приведенных признаков можно установить, что под злоупотреблением правом следует понимать осуществление лицом принадлежащих ему субъективных прав в пределах закона, допускающее нарушение при этом прав, свобод и интересов заинтересованной стороны либо причиняющее какой-либо вред обществу в целом.

Сущность злоупотребления правом прямым образом связана с осознанием лицом социальной вредности своего поведения, которое как результат приводит не только к нарушению прав заинтересованной стороны и общества в целом, но и искажению целей, установленных правовыми нормами в целом.

Относительно форм злоупотребления правом существует множество разносторонних мнений. Так, по мнению О.Н. Барминой, «под формами злоупотребления правом следует понимать как противоправные (правонарушение и преступления), так и вредоносные действия. В результате вредоносного действия нарушаются конструктивные принципы правового регулирования, но не закон, и хотя традиционно считается, что такое злоупотребление правом менее опасное поведение в сравнении с правонарушением, – фактически же оно может повлечь более тяжкие последствия» [3, с. 18].

Н.А. Дурново выделяет две формы проявления злоупотребления правом: противоправное и правомерное. Противоправное злоупотребление правом характеризуется тем, что нарушаются пределы осуществления субъективных прав заинтересованной стороны, соблюдая при этом правовые нормы. Правомерное злоупотребление правом, в отличие от противоправного, осуществляется в границах субъективных прав заинтересованной стороны [6, с. 9-10].

Злоупотребление правом может классифицироваться по различным основаниям, каждое из которых раскрывает с той или иной стороны данное явление. Так, выделяют классификацию по отраслевому принципу, т.е. основанием деления выступает та отрасль права, в рамках которой лицо наделяется субъективным правом (в сфере конституционного, гражданского, административного, семейного, трудового, налогового права). С помощью данной классификации на основании имеющихся принципов конкретной отрас-

ли права можно установить наличие несоответствия реализуемых субъективных прав целям и назначению правовой нормы.

Другими не менее важными основаниями классификации злоупотребления правом выступают: по субъектам; по степени участия субъекта – активные и пассивные злоупотребления правом; по субъективной стороне деяния – умышленные и неумышленные злоупотребления правом; по форме проявления – правомерные и противоправные злоупотребления правом.

Стоит отметить, что в каждой отрасли права существуют свои виды злоупотребления правом. Например, в конституционном праве принято выделять классификацию злоупотреблений соответствующими правами и свободами: злоупотребление личными, политическими, культурными, социально-экономическими правами и свободами [10].

В уголовном процессе О.А. Папкова к злоупотреблению относит следующие действия, совершенные участниками процесса:

- 1) злоупотребление правом на обращение в суд;
- 2) злоупотребление правом на установленный порядок возбуждения, рассмотрения, разрешения определенных групп дел в судах общей юрисдикции и арбитражных судах;
- 3) искусственное изменение подсудности дела;
- 4) умышленное затягивание процесса;
- 5) злоупотребление правом на предоставление доказательств, заявление ходатайств и др. [11].

В качестве примера злоупотребления процессуальными правами в арбитражном процессе можно привести ст. 111 АПК РФ, в соответствии с которой суд вправе отнести все судебные расходы по делу на лицо, не выполняющее своих процессуальных обязанностей или злоупотребляющее своими процессуальными правами, если это привело к затягиванию судебного процесса, срыву судебного заседания, воспрепятствованию рассмотрению дела и принятию законного и обоснованного судебного акта. Так, в связи с непредставлением ответчиком доказательств, которых у него требовал суд, судебные заседания неоднократно откладывались. Подобное поведение ответчика суд кассационной инстанции квалифицировал как злоупотребление процессуальными правами, приведшее к затягиванию процесса,

в связи с чем часть судебных расходов была отнесена на ответчика [12].

Примером злоупотребления гражданскими правами является несоблюдение положений ст. 118 ГПК РФ, в которой предусмотрена процессуальная обязанность для лиц, участвующих в деле, сообщить по принятому к производству суда делу о перемене своего адреса во время производства по данному делу. Это означает, что указанные лица путем направления в суд письменного сообщения, телеграммы, телефонограммы или в ходе личной явки должны уведомить суд о перемене места их жительства, которое, как правило, определяется местом регистрационного учета гражданина. Неправильное указание адреса, по которому его следует извещать, а также неисполнение лицом обязанности сообщить суду о перемене своего адреса во время производства по делу могут привести к негативным последствиям, заключающимся, например, в вынесении решения без участия стороны по последнему известному суду месту жительства, т.к. судебная повестка в данном случае считается доставленной [2].

Таким образом, на основании вышеизложенного можно отметить, что феномен злоупотребления правом носит разноплановый характер. В настоящее время количество злоупотреблений правом увеличивается, при этом появляются новые формы и виды, что усложняет процесс разработки новых правовых средств противодействия данному явлению с целью обеспечения добросовестного осуществления права. До сих пор остается нерешенным вопрос о последствиях, возникающих при злоупотреблении правом. Причиной этого может быть тот факт, что понятие «злоупотребление правом» на законодательном уровне не закреплено, только в некоторых отраслях права существует упоминание о данном явлении, поэтому регулирование вопроса о недопустимости злоупотребления правом является серьезной проблемой.

Весьма дискуссионным вопросом остается проблема относительно самого понятия злоупотребления правом, его признаков, сущности, видов и форм, что свидетельствует о необходимости всестороннего изучения данного правового явления, которое в определенной мере дестабилизирует правопорядок в обществе, поскольку происходит нарушение субъективных прав граждан.

Литература

1. Апелляционное определение Костромского областного суда от 25.12.2013 по делу № 33-2178.
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.05.2014 по делу № 33-16016.
3. Бармина О.Н. Злоупотребление правом как общеправовая категория: теоретико-правовой анализ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2019) // Российская газета. 1994. 8 дек. № 238-239.

5. Гражданское право: в 2 т.: учебник / под общ. ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. М.: ИД «ФОРУМ»: ИНФРА-М, 2019. Т. 1.
6. Дурново Н.А. Злоупотребление правом как особый вид правового поведения (теоретико-правовой анализ): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2006.
7. Казбекова К.М. «Злоупотребление правом» и «правонарушение»: соотнесение понятий // Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2010. № 1.
8. Малиновский А.А. Злоупотребление правом. М., 2002.
9. Малиновский А.А. Назначение субъективного права // Правоведение. 2009. № 4.
10. Одегнал Е.А. Злоупотребление правом как правовое явление и его последствия // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 2.
11. Папкина О.А. Усмотрение суда. М., 2005.
12. Постановление ФАС Западно-Сибирского округа от 22.01.2004 № Ф04/386-1410/А70-2003 по делу А70-9076/28-2003.
13. Слесарев С.А. Злоупотребление правом в трудовых отношениях // Руководитель бюджетной организации. 2018. № 7.